

ISSN 2587-6503

БЮЛАТЕНЬ

КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

2025. №3

ISSN 2587-6503 (Print)

**Бюллетень
Калмыцкого научного центра РАН**

Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

2025. № 3

Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН

Издаётся с 2017 г.

Выходит 4 раза в год.
ISSN 2587-6503 (Print)
2025. № 3

Журнал «**Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН**» («*Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*») зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № ФС77-77946 от 19.02.2020.

Журнал «**Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН**» («*Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*») — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований в области исторических, филологических и социологических наук. Журнал предоставляет возможность познакомиться с оригинальными результатами новейших фундаментальных и прикладных исследований российских и зарубежных авторов по наиболее актуальным проблемам. В издании публикуются научные работы по источниковедению, археологии, фольклористике и литературоведению, социальной структуре, социологии.

Журнал публикует статьи на русском, английском,
калмыцком и монгольском языках.

Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Подписной индекс в каталоге Агентства «Книга-Сервис»:
33086

Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

Published since 2017.

Issued 4 times per year.
ISSN 2587-6503 (Print)
2025. No. 3

The journal *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media, reg. certificate ПИ № ФС77-77946 of 19 February 2020.

The *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is a peer-reviewed open access periodical that publishes results of comprehensive historical, philological, and sociological studies. The journal introduces original outcomes of contemporary fundamental and applied explorations conducted by Russian and foreign authors on the most topical issues. The publication focuses on a range of disciplines as follows: source studies, archaeology, folklore and literary studies, social structure, sociology.

The journal publishes articles in Russian, English, Kalmyk,
and Mongolian.

Indexed with Russian Science Citation Index.
Subscription code (Kniga-Servis Agency) — 33086

Главный редактор

канд. фил. наук

B. B. Куканова

Редколлегия:

Бакаева Э. П., д-р ист. наук; *Баянова А. Т.*, канд. фил. наук;
Ванчикова Ц. П., д-р ист. наук; *Голенкова З.Т.*, д-р филос. наук;
Дампилова Л. С., д-р фил. наук; *Денисова Г. С.*, д-р соц. наук;
Дулина Н. В., д-р соц. наук; *Жуковская Н. Л.*, д-р ист. наук;
Зайцев И. В., д-р ист. наук; *Иванова И. Н.*, д-р фил. наук;
Казиева А. М., д-р фил. наук; *Кляус В. Л.*, д-р фил. наук;
Кольцов П. М., д-р ист. наук; *Кринко Е. Ф.*, д-р ист. наук;
Лукьяшко С. И., д-р ист. наук; *Лушников Д. А.*, д-р соц. наук;
Манджисеева Б. Б., д-р фил. наук;
Музраева Д. Н., канд. фил. наук, д-р ист. наук;
Очиров У. Б., д-р ист. наук; *Пюрбеев Г. Ц.*, д-р фил. наук;
Ринчинов О. С., канд. физ.-мат. наук, д-р ист. наук;
Ситдиков А. Г., д-р ист. наук;
Фокин А. А., д-р фил. наук; *Хабунова Е. Э.*, д-р фил. наук;
Ханинова Р. М., д-р фил. наук; *Ярмаркина Г. М.*, канд. фил. наук

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста,

Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: publ.kscras@gmail.com

Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>

Переводчик: Б. О. Номинханова

Дизайн: Д. В. Татнинов

Верстка: А. Н. Когданов

© КалмНЦ РАН, 2025

© Коллектив авторов, 2025

Editor-in-Chief

*V. V. Kukanova,
Cand. Sc. (Philology)*

Editorial Board:

*Bakaeva E. P., Dr. Sc. (History); Bayanova A. T., Cand. Sc. (Philology);
Vanchikova Ts. P., Dr. Sc. (History); Golenkova Z. T. Dr. Sc. (Philosophy)
Dampilova L. S., Dr. Sc. (Philology); Denisova G. C., Dr. Sc. (Sociology);
Dulina N. V., Dr. Sc. (Sociology); Zhukovskaya N. L., Dr. Sc. (History);
Zaytsev I. V., Dr. Sc. (History); Ivanova I. N., Dr. Sc. (Philology);
Kazieva A. M., Dr. Sc. (Philology); Klyaus V. L., Dr. Sc. (Philology);
Koltsov P. M., Dr. Sc. (History); Krinko E. F., Dr. Sc. (History);
Lukjashko S. I., Dr. Sc. (History); Lushnikov D. A., Dr. Sc. (Sociology);
Mandzhieva B. B., Dr. Sc. (Philology);
Muzraeva D. N., Cand. Sc. (Philology), Dr. Sc. (History);
Ochirov U. B., Dr. Sc. (History); Ochir-Goryaeva M. A., Dr. Sc. (History);
Pyurbeev G. Ts., Dr. Sc. (Philology); Rinchinov O. S., Cand. Sc. (Physics,
Mathematics), Dr. Sc. (History); Sittikov A. G., Dr. Sc. (History);
Fokin A. A., Dr. Sc. (Philology); Khabunova E. E., Dr. Sc. (Philology);
Khaninova R. M., Dr. Sc. (Philology);
Yarmarkina G. M., Cand. Sc. (Philology)*

Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:

Federal State Budgetary Institution of Science

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Address of the Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:

8, Ilishkin St., Elista 358000,

Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone no.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: publ.kscras@gmail.com

Website: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>

Traslator: B. O. Nominkhanova

Design: D. V. Tatninov

Page layout: A. N. Kogdanov

© KalmSC RAS, 2025

© Composite authors, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Источниковедение

Манджикова Л. Б. Судебные гражданские дела Ламайского духовного правления о правах женщин-калмычек (1834–1848) 8

Курапов А. А. Материалы по истории буддийского духовенства Калмыцкой степи XIX – начала XX вв. в фондах Государственного архива Астраханской области 24

Археология

Лиджикова Т. В. Остеометрическая характеристика населения ямной культуры по материалам археологических раскопок на территории Республики Калмыкия 32

Социология

Бараш Р. Э. Великая Победа в зеркале времени: трансформация исторической памяти и ее влияние на национальную идентичность 46

Астоянц М. С. Великая Отечественная война в социальных представлениях российской молодежи: роль семьи в гуманизации прошлого 60

Паслер О. В. Векторы эволюции памяти о Великой Отечественной войне в сознании студентов Северо-Кавказского федерального университета 73

Беликова Е. О., Ильин Д. Ю. Коммеморативные нарративы о Великой Отечественной войне в сознании студенческой молодежи (на примере Волгоградского государственного университета) 85

Дьякова В. В. Особенности экономической активности, трудовой и предпринимательской мотивации населения Юга России: социологический анализ 97

Фольклористика

Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З. Лунная девочка или лунный заяц: толкование лунных пятен у тюрко-монгольских народов Внутренней Азии 121

Литературоведение

Кузнецов А. В. К построению «поэтики пустоты»: анализ одного эпизода из романа Федора Сологуба «Тяжелые сны» 132

Узденова Ф. Т., Толгурев Т. З. Апперцептивная специфика документально-мемуарного изложения: поэмы о войне 148

Ханинова Р. М. Историческая и личная память в рассказе Андрея Джимбиева «Мөңк гүрм» («Вечная беда») 162

Иванова И. Н., Пивоваров Е. С. Вектор просветления: буддизм как движущая сила сюжета в романе В. О. Пелевина «Тайные виды на гору Фудзи» 171

CONTENT

Source Studies

Mandzhikova L. B. Lamai Spiritual Board's Court Cases on the Rights of Kalmyk Women (1834–1848)	8
--	---

Kurapov A. A. Materials on the History of the Buddhist Clergy of the Kalmyk Steppe of the 19 th – early 20 th Centuries in the Collections of the State Archives of the Astrakhan Region	24
---	----

Archeology

Lidzhikova T. V. Osteometric Analysis of the Yamnaya Culture Population Based on Materials from Archaeological Excavations in the Republic of Kalmykia (1976–2002)	32
---	----

Sociology

Barash R. E. The Great Victory in the Mirror of Time: Transformation of Historical Memory and its Influence on National Identity	46
---	----

Astoyants M. S. The Great Patriotic War in the Social Representations of Russian Youth: Role of the Family in the Humanization of the Past	60
---	----

Pasler O. V. Evolution Vectors of the Great Patriotic War Memory in the Minds of the North Caucasus Federal University Students	73
--	----

Belikova E. O., Ilyin D. Y. Commemorative Narratives of the Great Patriotic War in the Minds of Student Youth: A Case Study of Volgograd State University	85
--	----

Dyakova V. V. Economic Activity Features, Labor and Entrepreneurial Motivation of the Population of the South of Russia: Sociological Analysis	97
---	----

Folklore Studies

Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z. The Moon Maiden or the Moon Hare: Interpretation of Lunar Spots among the Turkic and Mongolic Peoples of Inner Asia	121
---	-----

Literary Studies

Kuznetsov A. V. To the Construction of the “Poetics of Emptiness”: Analysis of an Episode from the Novel by Fyodor Sologub “Heavy Dreams” (“Tyazhelye Sny”)	132
--	-----

Uzdenova F. T., Tolgurov T. Z. Apperceptive Specifics of Documentary Memoir Presentation: Poems about the War	148
--	-----

Khananova R. M. Historical and Personal Memory in Andrey Dzhimbiev's Short Story “Menk Gurm” (“Eternal Trouble”)	162
---	-----

Ivanova I. N., Pivovarov E. S. Vector of Enlightenment: Buddhism as a Driving Force in the Plot of Viktor Pelevin's Novel “The Secret Views on Mount Fuji”	171
---	-----

- Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

УДК / UDC 94

Судебные гражданские дела Ламайского духовного правления о правах женщин-калмычек (1834–1848)

Лариса Бадмаевна Манджикова¹

Lamai Spiritual Board's Court Cases on the Rights of Kalmyk Women (1834–1848)

Larisa B. Mandzhikova¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация) ¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0003-3902-2664. E-mail: 0862larisa[at]gmail.com

Аннотация. Введение. В полномочия Ламайского духовного правления (1836–1847 гг.) входило ведение судебных гражданских дел, главным образом, рассмотрение семейно-брачных отношений, таких как брак, умыкание девушек, повторное замужество вдов и другие дела. Исследовательский интерес представляет видовой состав документов, созданных в процессе рассмотрения дел, их назначение в делопроизводственном процессе середины XIX в. Изучение содержания документов позволит узнать о правовых нормах, которыми руководствовались органы управления и судебные органы, правах женщин-калмычек, обычаях калмыцкого народа, связанных с семейно-брачными отношениями; вместе с тем позволит выявить назначение документов, порядок рассмотрения судебных дел. Цель исследования — изучить состав и содержание двух дел архивного фонда И-42 «Ламайского духовного правления», касающихся вопросов умыкания женщин-калмычек; законности их похищений и решений, вынесенных после судебного разбирательства, а также выявить и ввести в научный оборот наиболее информативные документы и рассмотреть порядок ведения судебного делопро-

изводства в Ламайском духовном правлении. *Результаты.* Исследованные архивные документы способствовали изучению роли Ламайского духовного правления в калмыцком обществе, влиянию российского государства на религиозную жизнь калмыцкого духовенства, положении женщин-калмычек в дореволюционной Калмыкии. Архивные документы, созданные в период деятельности Ламайского духовного правления с 1836–1848 гг., являются источниками по изучению: развития буддизма в Калмыкии, семейного права, социальных отношений, обычаев и традиций калмыцкого народа, а также влияния проводимых реформ в российском государственном управлении на систему управления калмыцким народом, в том числе через интеграцию калмыцкого духовенства в общегосударственную систему.

Ключевые слова: Ламайское духовное правление, Положение 1834 г., Совет Астраханского Калмыцкого Управления, судебные гражданские дела, права женщин-калмычек, обычаи, традиции, архивный документ, духовенство

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке Фонда содействия буддийскому образованию и исследованиям в рамках проекта «Исследование документов архивного фонда И-42 „Ламайское духовное правление“ как источника по изучению истории буддизма во второй половине XIX в.».

Для цитирования: Манджикова Л. Б. Судебные гражданские дела Ламайского духовного правления о правах женщин-калмычек (1834–1848) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 3. С. 8–23. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-3-35-8-23

Abstract. *Introduction.* The Lamai Spiritual Administration (1836–1847) was responsible for handling civil court cases, primarily related to family and marriage matters, such as marriage, abduction of girls, remarriage of widows, and other cases. The study focuses on the types of documents created during the court proceedings and their role in the administrative process of the mid-19th century. Studying the content of the documents will allow us to learn about the legal norms that guided the governing bodies and the judicial authorities; the rights of Kalmyk women; and the customs of the Kalmyk people related to family and marriage relations. At the same time, we will be able to identify the purpose of the documents and the procedure for reviewing court cases. *The purpose* of the study is to examine the composition and content of two cases from the I-42 archive of the Lamai Spiritual Administration, which relate to the abduction of Kalmyk women, the legality of their kidnappings, and the decisions made after the trials. The study also aims to identify and introduce into scientific circulation the most informative documents and to review the procedures for conducting legal proceedings in the Lamai Spiritual Administration. *Results.* The studied archival documents contributed to the study of the role of the Lamai Spiritual Administration in Kalmyk society, the influence of the Russian state on the religious life of the Kalmyk clergy, and the status of Kalmyk women in pre-revolutionary Kalmykia. The archival documents created during the period of the Lamai Spiritual Administration from 1836 to 1848 are sources for studying the development of Buddhism in Kalmykia, family law, social relations, customs, and traditions of the Kalmyk people, as well as the impact of ongoing reforms in Russian state administration on the system of governance of the Kalmyk people, including through the integration of the Kalmyk clergy into the national system.

Keywords: Lamai Spiritual Board, Regulations of 1834, Council of the Astrakhan Kalmyk Administration, judicial civil cases, rights of Kalmyk women, customs, traditions, archival document, clergy

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

Acknowledgements. The reported study was funded by the Foundation for the Promotion of Buddhist Education and Research, project “Study of the Documents of the I-42 Lamai Spiritual Board Archival Fund” as a source for the study of the history of Buddhism in the second half of the 19th century”.

For citation: Manzhikova L. B. Court Civil Cases of the Lamai Spiritual Board on the Rights of Kalmyk Women (1834–1848). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*. 2025. No. 3. Pp. 8–23. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-8-23

1. Введение

В середине XIX в. в Калмыцкой степи происходили изменения в социальных отношениях калмыцкого общества. Положением об управлении калмыцким народом, принятым в 1834 г. (далее — Положение 1834 г.), вводились запреты для калмыцкой знати на продажу, закладывание и дарение подвластных им людей. По новому законодательному акту калмыки имели право жаловаться на своих владельцев, чиновников органов по управлению калмыцким народом. В то же время ограничивались права калмыцкого духовенства. Согласно Положению 1834 г., в структуру государственных органов власти по управлению калмыцким народом вошло Ламайское духовное правление (далее — ЛДП или Правление), в полномочия которого входило: рассмотрение административно-хозяйственных дел по управлению буддийскими хурулами и духовенством, возведение в духовный сан, назначение на духовные должности. Правление не должно было вмешиваться в светские дела, рассматривать уголовные дела, в которых были замешаны духовные лица, а также дела, в которых затрагивались вопросы собственности. В его полномочия входило рассмотрение некоторых гражданских судебных дел, таких как семейно-брачные отношения, нравственное поведение духовенства и наказание духовных лиц за непристойное поведение, вплоть до лишения их духовного звания. Дела, не относящиеся к компетенции Правления, должны были в обязательном порядке перенаправляться в Совет Астраханского Калмыцкого Управления (САКУ) для рассмотрения и принятия решения, направления их в Суд Зарго или же улусные суды по принадлежности.

Деятельность Ламайского духовного правления рассматривалась в фундаментальном 3-х томном издании «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней», при этом в первом томе изложены основные данные о Правлении, его полномочиях, функциях и задачах как государственного органа [[История 2009а: 493](#)]; в третьем томе представлены сведения о числе хурулов и количестве духовенства [[История 2009б: 232–233](#)]. В том же аспекте развернутую характеристику дала Л. В. Оконова в своих работах «Деятельность Ламайского духовного правления и Ламы по материалам отчетов Управления калмыцким народом» [[Оконова 2017а](#)] и «Отчет Ламы калмыцкого народа как делопроизводственный источник» [[Оконова 2017б](#)]. Во второй статье Л. В. Оконовой четыре документа из архивного фонда И-9 «Управления калмыцким народом» введены в на-

учный оборот: отчеты Ламы калмыцкого народа, списки умерших и выживших духовных лиц, ведомость о числе хурулов и духовенства за 1884 г.

Теме ламаизма в Калмыкии посвящены такие исследования, как коллективная монография под редакцией В. П. Дарбаковой, А. И. Наберухина и Н. Л. Жуковской [Ламаизм 1977] и сборник статей «Ламаизм в Калмыкии и вопросы научного атеизма», ответственным редактором которого был У. Э. Эрдниев [Ламаизм 1980]. Для раскрытия темы настоящего исследования особый интерес представляют: историко-этнографический очерк У. Э. Эрдниева «Калмыки (конец XIX — начало XX вв.)» [Эрдниев 1970] и его переиздание [Эрдниев, Максимов 2007], труды Д. Д. Шалхакова «Семья и брак у калмыков» [Шалхаков 1982], М. М. Батмаева «Семья и брак в традициях калмыков» [Батмаев 2008], совместная статья Н. Н. Шараповой и М. Я. Хамраева «Роль женщины в калмыцком обществе» [Шарапова, Хамраев 2019] и др. В данных работах рассматриваются семейство-брачные отношения у калмыков, права женщин-калмычек, традиции и обычаи, связанные с подготовкой и проведением свадебной церемонии. Семейное право исследуется в совместном историко-правовом очерке В. С. Сергеева и Б. В. Сергеева «Уголовное и гражданское право калмыков в XVII–XIX вв.» [Сергеев 1998]. Данное исследование интересно тем, что позволяет на примере рассмотрения Ламайским духовным правлением двух судебных гражданских дел о похищении девушек-калмычек провести анализ применения законодательных норм на практике. Из состава и содержания архивных документов [НА РК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 20; НА РК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 22] исследователи-правоведы могут проследить ход рассмотрения судебных дел, документоведы — изучить виды документов и их функциональное назначение, делопроизводители — проследить порядок ведения судебного делопроизводства, историки — изучить влияние российской власти на развитие буддизма, судебной системы в дореволюционной Калмыкии, этнографы — исследовать обычай и традиции калмыков, права женщин-калмычек и др.

В калмыцкой историографии более 100 научных трудов посвящены теме истории буддизма в Калмыкии. Краткие историографические данные этих научных работ описаны Э. П. Бакаевой в статье «Исследования по истории буддизма в Калмыкии на современном этапе» [Бакаева 2014]. В настоящее время Э. П. Бакаева является ведущим ученым по изучению истории развития буддизма в Калмыкии, ею проведены историко-этнографические исследования, написаны монографии, научные статьи [Бакаева 1994; Бакаева 2003; Бакаева 2004; Бакаева 2013; Бакаева 2014; Бакаева 2018а; Бакаева 2018б; Бакаева 2022; и др.]. В 2010 г. вышла в свет коллективная монография «Калмыки» [Калмыки 2010].

Архивные документы, касающиеся вопросов создания и деятельности Ламайского духовного правления, назначения Ламы калмыцкого народа и председателя Ламайского духовного правления и др., содержащие сведения о состоянии развития буддизма в дореволюционной Калмыкии, введены в научный оборот А. А. Кураповым [Курапов 2023: 145–177].

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

Краткие сведения о составе и содержании документов, созданных в период деятельности Ламайского духовного правления (1834–1848) и Ламы калмыцкого народа (1848–1917), представлены в справочном издании «Фонды Национального архива Республики Калмыкия. 1713–1993» [Фонды 2002] и в «Исторической справке к фонду И-42 „Ламайское духовное правление“ (1836–1898 гг.)» [НА РК. Ф. И-42]. Более полные данные об истории самого фонда И-42 «Ламайское духовное правление» изложены в работе Л. С. Бурчиновой «Источниковедческие вопросы изучения Калмыкии» [Бурчинова 1980].

В научных трудах Д. А. Сузеевой, Д. Б. Гедеевой, И. В. Лиджиевой и Б. В. Когдановой, Л. Б. Манджиковой [Сузеева 2003; Сузеева 2009; Гедеева 2004; Гедеева 2018; Гедеева 2019; Гедеева 2022; Лиджиева, Когданова 2018; Манджикова 2022а; Манджикова 2022б; Манджикова 2023а; Манджикова 2023б; Манджикова 2023в; Манджикова 2023г; Манджикова 2024а; Манджикова 2024б] исследуются деловая письменность, ведение делопроизводства и документооборот в органах управления калмыцким народом в дореволюционной Калмыкии. Порядок рассмотрения судебных гражданских дел в калмыцкой историографии ранее не рассматривался. Данное исследование является первой попыткой освещения делопроизводственной судебной практики в дореволюционной Калмыкии.

2. Материалы и методы

Объектом исследования являются два архивных дела фонда И-42 «Ламайское духовное правление» (1836–1898), находящихся на хранении в Национальном архиве Республики Калмыкия:

- «Дело о похищении опекуном Харахусовского улуса зайдсанга Зодбо Дамбилевым дочери зайдсангши Джодже Мацаковой Манки Эркетеневского улуса» [НА РК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 20];
- «Дело по запросу и. д. помощника попечителя Малодербетовского улуса Черкасова по поводу случаев, когда в невесты берутся девушки против воли родителей и их самих» [НА РК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 22].

Данные архивные дела вошли в состав изучаемого фонда, так как вопросы семейно-брачных отношений в калмыцких семьях относились к компетенции Ламайского духовного правления. Исследование состава и содержания архивных документов, созданных в процессе деятельности Правления, представляет интерес для изучения положения женщин-калмычек, их прав в дореволюционной Калмыкии, традиций и обычаяев калмыцкого народа в семейных и брачных отношениях, а также в аспекте исследования судебного делопроизводства, сопоставления порядка организацией работы с документами в судебном делопроизводстве с общим ведением делопроизводства в ЛДП. При исследовании применялись исторические методы исследования, сравнительно-сопоставительный и хронологический, что позволило определить виды документов, их назначение, выявить различия в ведении судебного делопроизводственного процесса с организацией работы с документами в действующих органах власти по управлению калмыцким народом XIX в.

3. Положение женщины в XIX в., семейно-брачные отношения

В калмыцком обществе женщина имела низкий статус и была ограничена в социальном, экономическом и правовом поле. В то же время женщина-калмычка имела некоторые права:

– в экономическом плане: могла иметь в собственности личное имущество, например приданое, которым она могла «владеть, пользоваться и распоряжаться им единолично, так и совместно с другими членами семьи» [Шарапова, Хамраев 2019: 391];

– к социальным правам можно отнести следующие права: в случае развода женщину отсылали обратно к родственникам и возлагали на них обязанности по опекунству над ней; в случае болезни взрослых детей, в особенности сыновей, женщина могла рассчитывать на материальное обеспечение по старости; в случае смерти мужа женщину, с ее согласия, могли повторно выдать замуж за ближайшего родственника покойного мужа; в случае бездетности женщины и с ее согласия муж мог взять в жены вторую жену [Шарапова, Хамраев 2019: 391; Эрдниев 1970: 177–178, 185, 189].

У калмыцкого народа женщина-мать, особенно женщина, родившая сына, почтилась как хранительница очага, продолжательница рода и пользовалась значительным влиянием. Некоторые женщины занимали высокое положение, являясь «старшей» в семье по возрасту или же по статусу — жена хозяина дома, мать его сыновей [Батмаев 2008: 6]. Калмычки, хотя и находились в полном подчинении у мужчины и под его контролем, пользовались «известной свободой и самостоятельностью в домашнем хозяйстве и быту» [Эрдниев 1970: 182].

Положение женщин из знатных и богатых семей значительно отличалось от положения простолюдинок. Они полностью освобождались от тяжелой физической работы и руководили домашним хозяйством, а также занимались рукоделием, вышивкой и т. д.

В калмыцком обществе брачно-семейные отношения занимали важное место. Наиболее важным для любой семьи были брачные союзы, договора, связанные со сватовством невесты, при которых соблюдались калмыцкие традиции и обычаи. Однако были случаи насильственного увода девушки без ее согласия или согласия ее семьи, т. е. умыкание. Заключение брака таким путем хотя и встречалось, но было крайне редким явлением. Главной причиной умыкания девицы, как считают исследователи, заключается в «стремлении избежать уплаты выкупа за невесту или хотя бы существенно уменьшить его размер» [Батмаев 2008: 110]. Также в качестве причин рассматривалось умыкание «с инсценировкой похищения невесты всеми заинтересованными сторонами (фактивное умыкание) или нежелание родителей девушки выдать за «понравившегося ей парня» [Батмаев 2008: 110]. По мнению Д. Д. Шалхакова, «мотивами похищения были отказ родителей невесты выдать замуж свою дочь за сватающегося или любовь людей», но «основной и веской причиной было стремление избежать значительных материальных расходов, связанных

со сватовством и свадьбой», и похищение невесты происходило «с негласного, обоюдного согласия родителей» [Шалхаков 1982: 33]. Такого рода похищения были характерны для бедных и малоимущих семей. Однако были случаи несговоренного похищения девушки, повлекшие обращение родителей девушки с жалобами в органы управления калмыцким народом и к духовенству.

Браки с умыканием сурово осуждались общественным мнением [Эрдинев 1970: 189]. И не только общественным мнением, могли последовать наказания. Если просватанная невеста выйдет замуж за другого без согласия или неведения родителей, то новоявленный зять должен был выплатить штраф в тройном размере в пользу тестя. За умыкание девицы без согласования с ее родителями полагалось выплатить штраф в зависимости от социального положения жениха: «из знатной семьи — семья голов скота, среднего сословия — пять голов, а простолюдину одного верблюда» [Батмаев 2008: 110]. Данные правовые нормы были урегулированы сводом законов «Ики Цааджин Бичик» 1640 г. (Степное Уложение, Устав взысканий) и Токтолах (постановления, законы) Дондок-Даши, принятые в середине XVIII в., которых калмыки придерживались вплоть до первой четверти XIX в. [Бакаева 2013: 92; Сергеев 1998: 3–4].

Такие преступления считаются «посягательством на моральные устои семьи и незыбленность условий заключения брака» [Сергеев 1998: 166], и наказание носило, как правило, имущественный характер.

4. О рассмотрении дела о похищении Манки Мацаковой

Порядок рассмотрения дел об умыкании невест можно изучить на примере «Дела о похищении опекуном Харахусовского улуса зайсанга Зодбо Дамбилевым дочери зайдангши Джодже Мацаковой Манки Эркетеневского улуса» [НА РК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 20].

Из данного архивного дела следует, что в январе 1839 г. к попечителю Эркетеневского улуса Кавтарадзеву¹ обратилась с жалобой зайдангша Джодже (Джоодже) Мацакова о похищении ее дочери Манки. Похитителем являлся опекун Харахусовского улуса Зодбо Дамбилев. Данное обращение было направлено для рассмотрения в САКУ. Сама зайдангша Джодже Мацакова пришла на личный прием в САКУ и привела с собой калмыка Зунгру Цорикова, получившего ранение от калмыков Харахусовского улуса, соучастников похищения Манки. Она просила принять распоряжение о возврате ее дочери. САКУ принял следующие решения: 1) производство по делу поручить Кавтарадзеву, попечителю Эркетеневского улуса, который должен был провести следствие и представить виновников в Совет; 2) направить переводчика Никонова в Харахусовский улус для «отображения у опекуна З. Дамбилева дочь зайдангши Джоодже Мацаковой» [НА РК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 20. Л. 1-1об.]. По приезду Никонов доложил о результатах поездки Главному попечителю калмыцкого народа и Астраханскому военному губернатору: «опекун Дамбилев не взирая на предписание Совета

¹ Здесь и далее имя и отчество не указаны в источниках.

дочь зайдангши Джодже матери ее не возвратил, и что все принятые им Никоновыми меры к отысканию похищенной Дамбильевым девицы оказались безуспешными» [НА РК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 20. Л. 1об.].

Кроме того, САКУ поставил вопрос о законности или незаконности брачного союза. Так как вопросы брачно-семейных отношений относились к компетенции духовных лиц, дело передали для дальнейшего рассмотрения в Ламайское духовное правление. Из текста документа следует, что ЛДП после рассмотрения и принятия заключения по делу должно было его «передать в Совет для исполнения» [НА РК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 20. Л. 3]. САКУ также принял решение о возврате дочери матери с условием, что ее не выдадут замуж до вынесения окончательного решения по делу [НА РК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 20. Л. 3об.].

Так как все фигуранты дела находились в г. Астрахани, то было решено начать рассмотрение дела. В первую очередь были взяты «от означенных лиц от каждого порознь показания», в которых они объяснили: 1-е показание дал зайданг Зобдо Дамбильев, он утверждал, «что он дочь у зайдангши Джодже взял не насильно, а по согласию самой Джодже, по предварительному о том с нею условию посредством некоторых зайдангов Эркетеневского улуса, и что он Дамбильев с дочерью Джодже уже обвенчан»; 2-е — зайдангша Джодже и 3-е — Манки показали, что «Дамбильев действительно увез Манки насильно без согласия их, и что Дамбильев Манку никогда не сватал» [НА РК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 20. Л. 2]. Первые показания датируются 24 января 1839 г.

Интерес представляет сам документ «показание»: во-первых, текст документа разделен на две части, при этом с левой стороны текст написан на русском языке, а с правой — на «тодо бичиг» («ясное письмо»); документ начинается с даты записи показаний, указанием должностных лиц САКУ, ЛДП, Губернского прокурора и фигурантов дела; указанием возраста человека, дающего показание; собственно объяснение произошедшего события; документ завершается подписями присутствующих при даче показаний: Главного попечителя, товарища Главного попечителя, асессора, переводчика и представителя ЛДП.

27 января 1839 г. были взяты показания у зайдангши Джодже Мацаковой. Она сообщила следующее: зайданг Зобдо Дамбильев никогда не сватался к Манки; Манки была засватана за зайданга Балтыка Бороманджиева Малодербетовского улуса, который дал деньгами 400 руб. Кроме того, зайдангша Д. Мацакова требовала от З. Дамбильева вернуть «золотые серьги с жемченою — стоящие 200 руб.; два золотых кольца — стоимостью 60 руб. 90 коп.; парчевый кавтан¹ — стоимостью 140 руб.; кавтан гарнитурой 15 руб.; беличья мерлушчатая шуба — 20 руб. 30 коп.; гарнитурой кушак — стоящий 3 руб. 60 коп.», которые были на ее дочери в день похищения [НА РК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 20. Л. 13-14].

Так как показания были разноречивыми, решено было провести очные ставки.

¹ Так в документе. Имеется в виду слово кафтан.

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

В деле № 20 представлены три очные ставки. Все три документа оформлены одинаково. Документ имеет наименование «Очная ставка», далее перечисляются участники процессуального действия. Текст разделяется на две части: в левой стороне записаны показания первого участника, справа — второго. В очной ставке от 28 января 1839 г. Манки обвиняла Зодбо Дамбилева в ложных показаниях, в то же время она согласилась с тем, что дала неверные показания полицмейстеру о себе, что ей 15 лет (фактически ей исполнилось 13 лет) и она не желает быть женой Дамбилева. Манки объясняла свои ложные показания тем, что она «это сделала по научению и угрозам сего Зайсанга» [НА РК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 20. Л. 11]. Зодбо Дамбилев в свою очередь утверждал, что брак совершил «по Ламайскому исповеданию Харахусова улуса и рода Кирил Гелюнг Мухарийев» [НА РК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 20. Л. 11]. «За неумением грамотности девицы Манки» документ подписал Цюрюм Дензен-гелюнг, остальные участники мероприятия самолично подписали очную ставку.

Вторая очная ставка состоялась в тот же день, участниками которого стали зайсанг Зодбо Дамбилев и зайсангла Джодже Мацакова. Зайсангла Джодже подтвердила свои ранее данные показания о ложных сведениях, которые дал З. Дамбилев. В свою очередь З. Дамбилев также обвинял Д. Мацакову во лжи и дал объяснение о причинах умыкания девицы Манки: во-первых, в связи с тем, что его ранее свороненную невесту, из того же рода, что и Манки, выдали замуж за другого, Правитель улуса и его зайсанги предложили взамен прежней девушки взять в жены Манки Мацакову. Они пригласили для разговора зайсангшу Джодже, мать девушки, и объявили ей о намерении выдать ее дочь замуж за него без уплаты выкупа за невесту и подарков, на что Джодже дала согласие; во-вторых, перечисленные в показаниях зайсангши Джодже вещи: «золотая серьга с жемчужиной, парчевой старый кафтан, и (беличья) шуба крытая нанкою, мерлушчатая белая у него находили в улусе. О кушаке не припомнит, а прочих вещей у него нет и на девице их не было, когда он взял к себе ее. Не помнит также и того, золотое ли было кольцо у жемчужной серьги» [НА РК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 20. Л. 16об.]. Данную очную ставку подписали зайсанг З. Дамбилев, зайсангла Д. Мацакова, переводчик Иевлев¹, Главный попечитель, Товарищ Главного попечителя, асессор Менке Насонов.

Обо всех проведенных процессуальных действиях секретарь ЛДП на заседании Правления 19 февраля 1839 г. представил для ознакомления членам Правления: 2 показания и 3 очные ставки. На заседании было принято решение о необходимости сбора свидетельских показаний по делу с обеих сторон [НА РК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 20. Л. 17-17об.].

В соответствии с установленным порядком заключение ЛДП было направлено в САКУ для принятия решения. 15 марта 1839 г. САКУ, рассмотрев все представленные документы по делу, вынес определение: «на основании § 157 и § 158 Положения о управлении калмыцким народом отослать для рассмотрения и решения в Харахусовский улусный суд по принадлеж-

¹ Имя и отчество не указаны в источнике.

ности», при этом оговорено: 1) «улусный судья и опекун Дамбилев, как главный виновник сего дела не участвовал в рассмотрении онаго, а место его занял старший при нем член — улусный Попечитель»; 2) улусный суд должен вынести решение только по простым Харахусовским калмыкам и представить на ревизию в Суд Зарго, который определит меры взыскания с зайсанга З. Дамбилева; 3) Суд Зарго «дело сие решил немедленно преимущественно пред прочими»; 4) уведомить Ламайское правление об окончании следствия; 5) копии последнего показания зайсанга Зодбо Дамбилева и очной ставки с девицей Манки Мацаковой направить в Ламайское правление [НА РК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 20. Л. 24-24об.]. В соответствии вынесенным решением по делу 22 марта 1839 г. Канцелярия САКУ направила в ЛДП уведомление об окончании дела и одновременно сообщила, что следственное дело будет доставлено после рассмотрения дела в Суд Зарго.

Последний доклад секретаря ЛДП по делу о похищении девицы Манки Мацаковой был заслушан членами Правления 4 мая 1839 г., в котором кратко изложены все этапы его прохождения, а также последние показания и очные ставки. Из них становится ясным, что З. Дамбилев действительно насильно увез Манки, и они не были венчаны.

Завершающим действием в рассмотрении любого дела: и общего производства, и судебного гражданского является занесение в Журнал записей САКУ об окончании его рассмотрения и вынесенном решении. 2 июля 1839 г. такая запись была сделана. В Журнале обобщены все имеющие сведения о похищении девицы Манки, и САКУ принял следующее заключение: «Девицу Манки, находящуюся до решения дела у матери, оставить у нее, разрешив ей отдачу оную замуж за кого угодно; в искальстве Зодбы взять ее в супружество не будет на то доброю волею, и матери отказать; а как Манка на очной с Зодбою ставке, объяснила, что Зодбо ее изнасильничал, то есть ли это окажется справедливо, тогда поступок его должен рассматриваться в том судебном месте, где уже рассматривается дело об увозе им помянутой девицы и о прошедшей при том драке» [НА РК. Ф. И-42. Оп. 1. Д. 20. Л. 34об.]. Далее дело было направлено для производства в суд Зарго, так как изнасилование относилось к уголовному праву. Интересен то факт, что, согласно «уголовного права калмыков, потерпевшими по делам об изнасиловании выступали не женщины, подвергнувшиеся насилию, а либо мужья в отношении своих жен, либо отцы в отношении своих дочерей» [Сергеев 1998: 152]. Данное преступление расценивалось как нанесение обиды мужчине (мужу, отцу), и насильник обязан был выплатить штраф ему, а не пострадавшей женщине. В рассматриваемый период, с конца XVIII в. и в XIX в., изменилась мера наказания для насильников, помимо штрафа, к ним стали применяться и телесные наказания [Сергеев 1998: 153].

Приведенный пример рассмотрения дела о похищении девушки привел И. Черкасова, помощника попечителя Малодербетовского улуса, к выводу о том, что такой обычай оскорбляет родителей и родственников

девушки, «развращает нравственность молодых калмыков», они совершают «беззаконные в поведении религии и законов гражданских, могут впадать и в другие беззаконности» [НА РК. Ф-42. Оп. 1. Д. 22. Л. 1-16]. Он считал, что «предмет того принадлежит духовной власти» и поэтому обратился в ЛДП с вопросом: «допускается ли таковой обычай религиозными обрядами и не подлежат ли уголовному суждению таковой учинившие...?» [НА РК. Ф-42. Оп. 1. Д. 22. Л. 1-16.; Батыров 2013: 11].

Из текста записи в Журнале от 10 декабря 1839 г. становится ясно, что секретарь Ламайского правления доложил собранию об обращении помощника попечителя И. Черкасова и его предложении принять постановление о запрете обычая похищения невест. Правление рассмотрело обращение И. Черкасова и приняло следующее решение: 1) уведомить И. Черкасова о том, что такие дела подлежат рассмотрению в суде; 2) по другим задаваемым вопросам Правление «будет суждение о том иметь особо» [НА РК. Ф-42. Оп. 1. Д. 22. Л. 4].

Таким образом, изучение двух архивных документов, касающихся вопросов похищения девушек, позволило исследовать порядок рассмотрения судебных гражданских дел в дореволюционной Калмыкии, относящихся к компетенции ЛДП, а также свидетельствует о том, что судопроизводство в улусных судах и в середине XIX в. велось в соответствии с правовыми нормами «Ики Цааджин Бичик» 1640 г. и Токтолами, принятыми в середине XVIII в., которыми калмыки руководствовались в своей жизнедеятельности.

5. О вопросах делопроизводства в Ламайском духовном правлении

В Положении 1834 г. четко оговорено, что Астраханский Военный губернатор определяет порядок письмоводства в САКУ, суде Зарго, Ламайском духовном правлении и в улусных судах, «установив для сего простейшие по возможности формы и сообразив их с числом и ходом поступающих в оные дел» [Государственное 2009: 169]. Назначение письмоводителей в улусные суда, переводчиков, толмачей и канцелярских служащих во все местные органы по управлению калмыцким народом входило в полномочия САКУ [Государственное 2009: 165].

Изучение состава и содержания рассматриваемых двух дел показало, что порядок рассмотрения судебных гражданских дел особо не отличался от дел общего делопроизводства. Документы также проходили регистрацию, проставлялся входящий или исходящий номер документа, дата поступления, адресант. Документ, как правило, подписан руководителем ведомства, другими должностными лицами, а также переводчиком, письмоводителем, столоначальником. Расшифровок подписей, за редким исключением, нет, потому сложно идентифицировать личность подписавшего документ или заверившего его. Документы условно можно разделить на управленические: общего делопроизводства и судебного характера. К документам общего делопроизводства относятся такие виды документов как: переписка, отношение, донесение, доклад, представление, предложение, протокол, журнал и др. К специфике судебного делопроизводства

относятся такие виды документов, как показание, дополнительное показание, очная ставка, определение, следственное дело, уведомление.

Документы оформлялись на русском и калмыцком языках, именно поэтому при их составлении в обязательном порядке присутствовал переводчик, и его подпись также являлось обязательным элементом в оформлении документа.

Порядок рассмотрения дел можно проследить по хронологии входящих и исходящих номеров документов, а также из содержания самих документов. К сожалению, в сохранившихся архивных делах имеются пробелы в рассмотрении дел, о них узнаешь при прочтении докладов секретаря ЛДП на заседаниях Правления, так как в них дается краткий отчет о прохождении дела, принятых определениях, проведении следственных мероприятий и др. О принятых мерах или поступивших документов по делу, но не сохранившихся до наших дней, можно также узнать из Журнала заседаний. Журнал, как вид документа, относится к внутренним документам, в нем запротоколирован ход рассмотрения вопросов и решений, принятых после коллегиального обсуждения и голосования. Протоколы могли быть краткими и полными (подробными). Подробные протоколы и назывались Журналами [Манджикова 2023в: 404]. Так и по завершению рассмотрения дела о похищении девицы Манки Мацаковой был заслушан доклад секретаря ЛДП, после обсуждения представленных сведений о ходе рассмотрения дела и документов вынесено определение и сделана запись в Журнале. Судебное разбирательство завершено, заключение по делу было объявлено зайсангу Зодбо Дамбилиеву и зайнсангше Джодже Мацаковой [НА РК. Ф-42. Оп. 1. Д. 20. Л. 34–35об.].

Изучение архивных документов судебного делопроизводства Ламайского духовного правления показало, что применяемые термины к видам документам, их назначение соответствуют общероссийским стандартам. Порядок движения документов и дел судебного характера проводился так же, как и в общем делопроизводстве, различия были только в видах документов, связанных со спецификой судебного процесса.

6. Заключение

Исследование показало, что архивные дела, касающиеся вопросов похищения девушек-калмычек, являются источниками по изучению порядка рассмотрения судебных гражданских дел. Можно сделать вывод о том, что правовые нормы «Ики Цааджин Бичик» 1640 г. и Токтолы, принятые в середине XVIII в., оставались основополагающими в ведении судопроизводства в Ламайском духовном правлении, в компетенцию которого входило рассмотрение семейно-брачных отношений, таких как вопросы брака, похищение девушек, повторного замужества вдов и другие дела. Из содержания документов видно, что в правовом плане женщина-калмычка была сильно ограничена в правах, хотя и имела некоторые послабления в ведении хозяйства и быта, в управлении своим приданым. На особом положении находились женщины из знатных семей и «старшие» в семье по возрасту или же по статусу. Многое в положении женщины-калмычки

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

зависело от калмыцких обычаяев и традиций, в том числе связанных со свадебными обрядами и браком.

Изучение состава и содержания двух архивных дел, относящихся к судебному делопроизводству, позволило сделать вывод о том, что порядок рассмотрения судебных дел в середине XIX в. соответствовал стандартам ведения делопроизводства. Видовой состав документов, их оформление, реквизиты, а также их движение в документообороте ЛДП проводилось согласно общероссийским нормативным требованиям и Положению 1834 г. [Положение 1834]. Необходимо отметить, что делопроизводство велось на двух языках — калмыцком и русском так же, как и в общем делопроизводстве органов управления калмыцким народом.

Документы архивного фонда И-42 «Ламайского духовного правления» свидетельствуют о роли Ламайского духовного правления в калмыцком обществе, влиянии российского государства на религиозную жизнь калмыцкого духовенства, а также являются источниками по изучению развития буддизма в Калмыкии, социальных отношений, традиций и обычаяев калмыцкого народа.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Положение 1834 — Положение об управлении калмыцким народом. 24 ноября 1834 г. (№ 7560а) // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собр. II. Прибавление к Т. IX. СПб.: Тип. II Отд. Собств. его имп. величества канцелярии, 1848. С. 18–40.

Литература

Бакаева 1994 — Бакаева Э. П. Буддизм в Калмыкии. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 127 с.

Бакаева 2003 — Бакаева Э. П. Добуддийские верования у калмыков. Элиста: Джангар, 2003. 357 с.

Бакаева 2004 — Бакаева Э. П. Об особенностях современной религиозной ситуации в Калмыкии (буддизм и «посвященные») // Этнографическое обозрение. 2004. № 3. С. 23–39.

Бакаева 2013 — Бакаева Э. П. Об этнических группах калмыков и буддийских хурулах Малодербетовского улуса Калмыцкой степи Астраханской губернии в конце XIX в. // Вестник Бурятского научного центра РАН. 2013. № 2(10). С. 91–112.

Бакаева 2014 — Бакаева Э. П. Исследования по истории буддизма в Калмыкии на современном этапе // Oriental Studies (Вестник КИГИ РАН). 2014. № 3. С 72–88.

Бакаева 2018а — Бакаева Э. П. Первая конференция буддистов Калмыкии и Астраханской области: Предыстория и решения (1988–1991 годы) // Новый исторический вестник. 2018. № 1. С. 71–80.

Бакаева 2018б — Бакаева Э. П. Вопросы этнической идентификации в документах калмыцких буддистов первой трети XX в. // Oriental Studies. 2018. № 4. С. 52–67. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-38-4-52-67

Бакаева 2022 — Бакаева Э. П. Буддизм в Калмыкии (вторая половина XX – начало XXI в.): Историко-этнографическое исследование. Элиста: КалНЦ РАН, 2022. 384 с.

Батмаев 2008 — Батмаев М. М. Семья и брак в традициях калмыков. Элиста: Герел, 2009. 256 с.

- Батыров 2013 — Батыров В. В. Брак с умыканием у калмыков в первой половине XIX века // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 4. С. 10–12.
- Бурчинова 1980 — Бурчинова Л. С. Источниковедческие вопросы изучения истории Калмыкии (Вторая половина XIX в.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 118 с.
- Гедеева 2004 — Гедеева Д. Б. Письма наместника Калмыцкого ханства Убashi (XVIII в.). Элиста: Джангар, 2004. 194 с.
- Гедеева 2018 — Гедеева Д. Б. О слове *bīcīq* в языке калмыцкой деловой письменности XVIII — XIX вв. // Oriental Studies. 2018. Т. 39. № 5. С. 145–150. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-39-5-145-151
- Гедеева 2019 — Гедеева Д. Б. Архивные письма XVIII в. как памятники калмыцкой деловой письменности // Башкирский язык и литература в условиях глобализации и полиэтнической среды: опыт и перспективы. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 22–25 октября 2019 г.). Уфа: Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, 2019. С. 107–109.
- Гедеева 2022 — Гедеева Д. Б. О жанровом составе калмыцкой деловой письменности XVII — XIX вв. // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2022. № 3. С. 10–15.
- Государственное 2009 — Государственное строительство Калмыкии. XVII–XXI вв. Сб. док-тов и мат-лов. Элиста: Джангар, 2009. 399 с.
- История 2009а — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: В 3 тт. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. 848 с.
- История 2009б — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: В 3 тт. Т. 3. Элиста: Герел, 2009. 752 с.
- Калмыки 2010 — Калмыки / отв. ред.: Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2010. 567 с. (Серия «Народы и культуры»).
- Курапов 2023 — Курапов А. А. Буддизм и власть на юге России в XVII–XX вв.: история в документах / сост., comment., введ., заключ. А. А Курапова. Элиста: КалмНЦ РАН, 2023. 224 с.
- Ламаизм 1977 — Ламаизм в Калмыкии / ред. В. П. Дарбакова, А. И. Наберухин, Н. Л. Жуковская. Элиста: Калмыцкий науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории. 1977. 112 с.
- Ламаизм 1980 — Ламаизм в Калмыкии и вопросы научного атеизма (сб. ст.). Элиста: КНИИФЭ, 1980. 156 с.
- Лиджиева, Когданова 2018 — Лиджиева И. В., Когданова Б. В. Делопроизводственная практика управления калмыцким народом // Oriental Studies. 2018. Т. 36. № 2. С. 29–37. DOI: 10.22162/2075-7794-2018-36-2-29-37
- Манджикова 2022а — Манджикова Л. Б. Архивные документы фонда И-2 «Комиссия калмыцких дел. 1825–1836 гг.» Национального архива Республики Калмыкия как источник по изучению истории государственных учреждений в дореволюционной Калмыкии (некоторые вопросы организации делопроизводства) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022а. № 2. С 70–87. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-2-22-70-87
- Манджикова 2022б — Манджикова Л. Б. Документы Комиссии калмыцких дел как источник по изучению организации делопроизводства и документооборота в Калмыкии в XIX в. (на примере рассмотрения прошения калмыцкого владельца Э. Ц. Кичикова о дозволении носить бронзовую медаль) // Oriental Studies. 2022б. Т. 15. № 5. С. 1126–1135. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-63-5-1126-1135
- Манджикова 2023а — Манджикова Л. Б. Архивные документы фонда И-3 «Совет калмыцкого управления. 1836–1848 гг.» Национального архива Республики

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

- Калмыкия как источник по изучению организации деятельности государственных учреждений в дореволюционной Калмыкии // Монголоведение. 2023б. Т. 15. № 4. С. 683–699. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-4-683-699
- Манджикова 2023б — Манджикова Л. Б. Архивный фонд И-2 «Комиссия калмыцких дел» Национального архива Республики Калмыкия как источник по изучению организации делопроизводства и документооборота в Калмыкии в первой половине XIX в. (на примере рассмотрения проекта об оспопрививании в калмыцких улусах, разработанного инспектором Соломоном в 1832 г.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2023в. Т. 10(3). С. 398–409.
- Манджикова 2023в — Манджикова Л. Б. Документы секретного делопроизводства Совета Астраханского калмыцкого управления (1836–1848 гг.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023г. № 3. С. 92–110. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-3-27-92-110
- Манджикова 2023г — Манджикова Л. Б. О порядке рассмотрения наградных материалов за оспопрививание в дореволюционной Калмыкии XIX в. (на примере архивного дела № 141 фонда И-2 «Комиссии калмыцких дел» Национального архива Республики Калмыкия) // Oriental Studies. 2023а. Т. 16. № 3. С. 602–615. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-602-615
- Манджикова 2024а — Манджикова Л. Б. Документы Ордынского отделения Астраханской палаты государственных имуществ (1848–1867) как исторический источник по изучению организации деятельности госучреждения Калмыкии во второй половине XIX в. // Oriental Studies. 2024а. Т. 17. № 4. С. 806–820. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-807-821
- Манджикова 2024б — Манджикова Л. Б. Четыре архивных дела Ордынского отделения АПГИ как источник по изучению особых прав зайсангов после принятия Положения об управлении калмыцким народом от 23 апреля 1847 г. // Монголоведение. 2024б. Т. 16. № 4. С. 680–696. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-4-728-744
- Оконова 2017а — Оконова Л. В. Деятельность Ламайского Духовного Правления и Ламы по материалам отчетов Управления калмыцким народом // Великая степь: исторические исследования. 2017. № 2. С. 83–97.
- Оконова 2017б — Оконова Л. В. Отчет Ламы калмыцкого народа как делопроизводственный источник // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. Вып. 1 (Серия «Исторические науки»). 2017. С. 15–22. DOI:
- Сергеев 1998 — Сергеев В. С., Сергеев Б. В. Уголовное и гражданское право калмыков XVII — XIX веков (историко-правовые очерки). Элиста: Джангар, 1998. 221 с.
- Сусеева 2003 — Сусеева Д. А. Письма Аюки хана и его современников (1714–1724 гг.): Опыт лингвосоциологического исследования. Элиста: Джангар, 2003. 456 с.
- Сусеева 2009 — Сусеева Д. А. Письма калмыцких ханов и их современников (1713–1771 гг.). Избранное / сост.: Л. Б. Шалданова, Г. С. Санджиева. Элиста: Джангар, 2009. 991 с.
- Фонды 2002 — Фонды Национального архива Республики Калмыкия, 1713–1993 / сост.: В. З. Атуева и др. 2-е изд., испр. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 205 с.
- Шалхаков 1982 — Шалхаков Д. Д. Семья и брак у калмыков (XIX — начало XX вв.). Историко-этнографическое исследование. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 86 с.
- Шарапова, Хамраева 2019 — Шарапова Н. Н., Хамраев М. Я. Роль женщины в калмыцком обществе // Сетевое востоковедение: взаимодействие монгольских

- и тюркских этносов во времени и в пространстве: Мат-лы III Междунар. науч. форума (г. Элиста, 11–14 ноября 2019 г.). Элиста: Калм. ун-т, 2019. С. 389–392.
- Эрдниев 1970 — Эрдниев У. Э. Калмыки (конец XIX — начало XX вв.). Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 307 с.
- Эрдниев, Максимов 2007 — Эрдниев У. Э., Максимов К. Н. Калмыки: Историко-этнографические очерки / 4-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 428 с.

- Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

УДК / UDC 94(470.46=512.37)

Материалы по истории буддийского духовенства Калмыцкой степи XIX – начала XX вв. в фондах Государственного архива Астраханской области

Андрей Алексеевич Курапов¹

Materials on the History of the Buddhist Clergy of the Kalmyk Steppe of the 19th – early 20th Centuries in the Collections of the State Archives of the Astrakhan Region

Andrey A. Kurapov¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация) ¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-0521-2710. E-mail: akurapov78[at]rambler.ru

Аннотация. Введение. В статье представлены результаты исследований фондов Государственного архива Астраханской области по истории буддийской традиции калмыцкого народа XIX – начала XX вв., дан перечень наиболее значимых дел, связанных с историей буддийского духовенства Калмыцкой степи и проанализировано их содержание. Материалы и методы. В работе использованы историко-типологический, историко-системный и статистический методы исследования. Объектом изучения стал комплекс архивных документов XIX – начала XX вв., включающий в себя документы, относящиеся к истории буддийской монашеской общины Калмыцкой степи и ее взаимодействию с Российской государством. Результаты. Исследован и сгруппирован значительный комплекс архивных документов из фондов Государственного архива Астраханской области, относящихся к истории буддийского духовенства калмыцкого народа XIX – начала XX вв. Выявленные дела станут источниковой основой монографии «Ламы Калмыцкой степи в XIX – начале XX вв. в социально-политической жизни юга России». Вы-

воды. Фондовые коллекции Государственного архива Астраханской области обладают значительным объемом дел по истории буддийской традиции калмыцкого народа XIX – начала XX вв., которые были выявлены, атрибутированы и систематизированы в ходе исследования автора. Введение в научный оборот архивных материалов Государственного архива Астраханской области, имеющих отношение к истории буддийской монашеской общины Калмыцкой степи, позволит интенсифицировать калмыковедческие исследования, на основе ранее неопубликованных исторических материалов.

Ключевые слова: Государственный архив Астраханской области, Астраханская губерния, Калмыцкая степь, буддийское духовенство, архивный фонд, переписка, отчет

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке Фонда содействия буддийскому образованию и исследованиям «Ламы Калмыцкой степи в XIX – начале XX вв. в социально-политической жизни Юга России».

Для цитирования: Курапов А. А. Материалы по истории буддийского духовенства Калмыцкой степи XIX – начала XX вв. в фондах Государственного архива Астраханской области // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 3. С. 24–31. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-24-31

Abstract. *Introduction.* This article presents the results of a study of the collections of the State Archives of the Astrakhan Region on the history of the Buddhist tradition of the Kalmyk people in the 19th – early 20th centuries. It also lists the most significant files related to the history of the Buddhist clergy of the Kalmyk steppe and analyzes their contents. *Materials and Methods.* The study utilizes historical-typological, historical-systematic, and statistical research methods. The object of study was a set of archival documents from the 19th – early 20th centuries, including documents related to the history of the Buddhist monastic community of the Kalmyk steppe and its interaction with the Russian state. *Results.* A significant set of archival documents from the collections of the State Archives of the Astrakhan Region, related to the history of the Buddhist clergy of the Kalmyk people in the 19th – early 20th centuries, was examined and grouped. The identified files will serve as the source material for the monograph “Lamas of the Kalmyk Steppe in the 19th – early 20th Centuries in the Sociopolitical Life of Southern Russia.” *Conclusions.* The State Archives of the Astrakhan Region contain a significant volume of records on the history of the Buddhist tradition of the Kalmyk people in the 19th and early 20th centuries, which were identified, attributed, and systematized during the author’s research. The introduction of the State Archives of the Astrakhan Region archival materials related to the history of the Buddhist monastic community of the Kalmyk steppe into scholarly circulation will allow for the intensification of Kalmyk studies research based on previously unpublished historical materials.

Keywords: State Archives of the Astrakhan Region, Astrakhan Province, Kalmyk steppe, Buddhist clergy, archival collection, correspondence, report

Acknowledgements. The reported study was funded by the Foundation for the Promotion of Buddhist Education and Research, project “Lamas of the Kalmyk steppe in the 19th – early 20th centuries in the socio-political life of Southern Russia”.

For citation: Kurapov A. A. Materials on the History of the Buddhist Clergy of the Kalmyk Steppe of the 19th – early 20th Centuries in the Collections of the State Ar-

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

chives of the Astrakhan Region. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2025. No. 3. Pp. 24–31. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-24-31

1. Введение

Архивные документы, связанные с историей и культурой калмыцкого народа, хранятся в фондах ряда центральных и региональных архивов России. Архивные документы являются основой калмыковедческих исследований, начиная с XVIII в. Вместе с тем, если фонды ведущих российских архивов системно изучаются исследователями-калмыковедами, то региональные архивы не всегда оказываются востребованными и доступными. Это подчеркивает необходимость и значимость изучения фондов региональных архивов, выявления и научной атрибуции документов, имеющих отношение к истории калмыцкого народа, подготовку справочных изданий по тематическим фондовым коллекциям. Формирование и публикация соответствующей базы данных по материалам архивных коллекций Государственного архива Астраханской области (ГА АО) является важной исследовательской задачей. Изучение фондов ГА АО подтверждает, что документы, содержащие сведения по истории и культуре калмыцкого народа, широко представлены в них, что было связано со значительной интеграцией калмыцкого народа в систему управления Астраханской губернией в XVIII – начале XX вв.

Вместе с тем, если отдельные документы системно изучались и публиковались калмыковедами, то документы, имеющие отношение к буддийской традиции калмыцкого народа, нуждаются в дополнительном изучении и публикации. Это обуславливает необходимость исследования документов ГА АО, связанных с историей буддийского духовенства Калмыцкой степи, их атрибуцию и введение в научный оборот. Изучение коллекций ГА АО внесет вклад и в исследование истории самого архива. Отметим, что история архивного дела региона и комплектования фондов ГА АО был рассмотрена в работах Т. Н. Просяновой, М. С. Бураковской, В. В. Новоселовой, О. А. Харченко, Р. А. Кокановой [[Просянова 2000](#); [Бураковская 2011](#); [Бураковская 2013](#); [Новоселова и др. 2017](#)]. История буддийской традиции калмыцкого народа в XIX – начале XX вв. исследовалась в работах Г. О. Авляева, А. И. Карагодина, Э. П. Бакаевой, А. Н. Команджаева, Г. Ш. Дорджиевой, А. Н. Басхаева, Б. В. Очировой [[Авляев 1977](#); [Карагодин 1987](#); [Команджаев 1992](#); [Бакаева 1994](#); [Дорджиева 1995](#); [Дорджиева 2001](#); [Дорджиева 2009](#); [Дорджиева 2012](#); [Басхаев 2007](#); [Очирова 2011](#)]. Вместе с тем фонды ГА АО не исследовались авторами в должном объеме.

2. Материалы и методы

Основными методами исследования, использованными в работе, стали историко-типологический, историко-системный и статистический. Объектом исследования стали документы по истории буддийской традиции калмыцкого народа XIX – начала XX вв. из фондов Государственного архива Астраханской области.

3. Документы по истории буддийской традиции калмыцкого народа XIX – начала XX вв. в фонде «Канцелярия астраханского гражданского губернатора» Государственного архива Астраханской области

В ходе разработки исследовательской темы «Ламы Калмыцкой степи в XIX – начале XX в. в социально-политической жизни юга России», по проекту, поддержанному Фондом содействия буддийскому образованию и исследованиям, в 2025 г. было осуществлено изучение описей и фондо-вых коллекций ГА АО для выявления документов по истории буддийской традиции калмыцкого народа XIX – начала XX вв.

Государственный архив Астраханской области был создан 12 ноября 1920 г., при образовании Астраханского губернского архивного управления, объединившего функции архивного управления и архива [Бураковская 2011: 127]. В настоящее время Государственный архив Астраханской области насчитывает 6 645 фондов и 1 570 076 ед. хр. за XVII–XXI вв. (документация, фото-видео и кинодокументы, документы личного происхождения, тематические коллекции, документы по личному составу, микрофиши и микрофильмы страхового фонда). Научно-справочная библиотека архива содержит более 50 тыс. ед. хр. (более 600 книжных памятников за 1740–1830 гг., более 1,5 тысяч подшивок газет за 1838–2011 гг. и 250 карт за 1789–1986 гг.) [Новоселова и др. 2017: 146]. В ходе многолетних исследований автором фондов ГА АО было выявлено 2 446 дел, связанных с историей и культурой калмыцкого народа XVI–XX вв.

В результате исследований в фондах ГА АО был выявлен комплекс дел, относящийся к взаимодействию Российского государства с буддийским духовенством Калмыцкой степи. Значительная часть региональной делопроизводственной документации рассматриваемого периода по истории буддийского духовенства Калмыцкой степи выявлена в фонде 1 «Канцелярия астраханского гражданского губернатора» ГА АО. Фонд содержит документацию, относящуюся к взаимодействию властей с буддийским духовенством калмыцкого народа, межведомственную переписку региональных чиновников с членами комиссии по пересмотру законодательства, регулировавшего жизнь Калмыцкой степи, проекты правил об управлении калмыцким народом разного времени, переписку с чиновниками Ламайского духовного правления, сведения о распространении православия среди населения Калмыцкой степи, документы о судебных тяжбах лам с национальной светской элитой калмыцких улусов в начале XIX в., региональные отчеты о штате калмыцких буддийских монастырей, обращения национальной аристократии и духовенства к астраханским губернаторам.

В фонде 1 ГА АО, в частности, выявлены дела, имеющие отношение к буддийской традиции калмыцкого народа рассматриваемого периода: «Дело о доставлении сведений калмыцким гелюнгом о постройке молитвенного храма» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3371]; «Дело об объявлении калмыцким гелюнгам, что поездка в Тибет отложена до определенного времени»

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

[ГА АО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3554]; «Дело о назначении в Дербетский суд гелюнга» [ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 562]; «Дело о смерти гелюнга» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 7. Д. 39]; «Дело о доставке сведений о количестве ламаитов, их духовенства и мечетей» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 808]; «Переписка с главным попечителем калмыцкого народа об избрании ламы» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 518]; «Дело с донесением Хошеутовского владельца Тюменева о невмешательстве духовенства в рассмотрение гражданских дел» [ГА АО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1365] и др.

Раскроем содержание отдельных дел, в которых содержится информация о социально-политической истории буддийской традиции Калмыцкой степи. К периоду правления А. П. Ермолова, астраханского военного губернатора в 1816–1827 гг., в ведении которого с 1816 г. был главный пристав Калмыцкой степи, относится комплекс выявленных документов в фонде 1 ГА АО, отражающий участие буддийской монашеской общины калмыцкого народа в политической жизни Калмыцкой степи. В начале XIX в. остро встал вопрос о регламентации социально-экономической и политической жизни калмыцких улусов. Национальное буддийское духовенство традиционно играло активную роль в процессе обсуждения важнейших проблем калмыцкого общества со светскими властями. В 1816 г. члены национального суда Зарго Джалцан-гелюнг, Джамбо-гелюнг, Цюрюм Джамбо-гелюнг, Чемцо-гелюнг, представлявшие и буддийскую монашескую общину, просили астраханского губернатора сохранить статус суда Зарго в преддверии реформ суда, инспирированных властями [ГА АО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1256. Л. 7об.].

Старейший калмыцкий политический институт, в котором национальное духовенство традиционно активно участвовало, исторически защищал и интересы буддийской монашеской общины Калмыцкой степи. По мнению духовенства, изменение статуса суда Зарго могло создать условия для обострения политической ситуации в калмыцких улусах и ограничивало представителей буддийской общины в воздействии на политическую жизнь калмыцкого общества. В 1818 г. буддийское духовенство калмыцкого народа вместе с представителями светской аристократии обращается в правительство с просьбой о восстановлении должности наместника Калмыцкой степи, ликвидированной после смерти наместника Ч. Тундугова в 1803 г. [История Калмыкии 2009: 487].

После нового витка реформирования суда Зарго, связанного с инициативами главного пристава Калмыцкой степи В. Д. Смолина, калмыцкое духовенство и аристократия подготовили новое обращение в правительство, также хранящееся в ГА АО. В прошении 1818 г. представители буддийской монашеской общины и светской элиты выступали против реформирования, предлагая вернуться к системе управления калмыцким народом, существовавшей в начале XIX в. на основе законодательства Павла I [ГА АО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 995. Л. 6–7].

4. Документы по истории буддийской традиции калмыцкого народа XIX – начала XX вв. в фонде «Канцелярия астраханского военного губернатора» Государственного архива Астраханской области

В фонде 2 «Канцелярия астраханского военного губернатора» ГА АО отложилась межведомственная переписка астраханских военных губернаторов с Министерством государственных имуществ, Министерством внутренних дел, Ламайским духовным правлением по вопросам, связанным с управлением буддийским духовенством Калмыцкой степи в рассматриваемый период.

В фонде 2 ГА АО выявлены интересные дела, относящиеся к истории буддийского духовенства Калмыцкой степи: «Переписка с Министерством внутренних дел о доставлении сведений об исповедующих ламаизм» [ГА АО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 547]; «Переписка с Ламайским духовным правлением об увольнении из духовного сословия калмыков Багацохуровского улуса» [ГА АО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 577]; «Переписка с Министерством государственных имуществ об исключении из духовного звания калмыков Манглама хурала и манджи Хара Манжиева» [ГА АО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 593]; «Переписка с Астраханским Калмыцким управлением о назначении секретарем Ламайского духовного управления губернского секретаря Максимова» [ГА АО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1088] и др.

Обращает на себя внимание межведомственная переписка, связанная с организацией Астраханского калмыцкого училища, отложенная в фонде 2 ГА АО.

С 30-х гг. XIX в. Министерство внутренних дел активизировало деятельность, направленную на формирование штата сотрудников для государственных учреждений в калмыцких улусах. Сенатор Ф. И. Энгель в ходе своей ревизии в Астраханской губернии в 1827 г. отметил недостаточное количество переводчиков в штате Астраханской комиссии калмыцких дел [История Калмыкии 2009: 491]. По указу Комитета министров для пополнения штата переводчиков Управления калмыцким народом классы калмыцкого языка были открыты 16 октября 1828 г. в Санкт-Петербурге при Медицинской школе на Аптекарском острове [ГА АО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 447. Л. 1]. После закрытия классов в 1836 г. Департамент исполнительной полиции Министерства внутренних дел в августе того же года предложил астраханскому губернатору И. С. Тимирязеву организовать калмыцкое училище в г. Астрахани [ГА АО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 237. Л. 1об.]. К ноябрю 1836 г. Совет Астраханского калмыцкого управления разработал проект устава училища, в котором целью создания нового учебного заведения в губернском центре была указана подготовка новых служащих для губернских учреждений. Национальному буддийскому духовенству и буддийской обрядности в работе нового учебного заведения отводилась определенная роль. В штат училища планировалось ввести представителя калмыцкой буддийской монашеской общины, который должен был преподавать учащимся основы буддийского

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

вероучения. По проекту учащиеся могли посещать буддийские молебны и отмечать календарные праздники [[ГА АО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 237. Л. 28об.](#)].

Отметим, что планы по привлечению буддийских священнослужителей духовенства к образовательному процессу училища по проекту устава вызвали критику Министерства народного просвещения. Чиновники Министерства народного просвещения дали отрицательную рецензию на проект устава училища главного попечителя калмыцкого народа, отметив, что преподавание в одном учебном заведении Закона Божьего и буддийского вероучения может стать опасным прецедентом. Было предложено ограничить участие ламы в жизни училища только проведением календарных ритуалов [[ГА АО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 237. Л. 90](#)].

Итогом межведомственной переписки по данному вопросу становится разработка и утверждение проекта нового устава на основе региональных предложений. Устав стал основным документом Астраханского калмыцкого училища, работавшего при Главном управлении калмыцкого народа. Отдельные параграфы устава относились к участию буддийского духовенства Калмыцкой степи в воспитательном процессе училища. Гелюнг, назначенный ламой, вошел в штат вспомогательного персонала училища, получив статус комнатного надзирателя. Священнослужитель являлся помощником основного преподавателя, в его обязанности входило обучение калмыцкому языку воспитанников [[ГА АО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 237. Л. 163](#)].

5. Заключение

Результатом изучения фондовых коллекций ГА АО стало выявление комплекса дел, относящихся к истории буддийского духовенства Калмыцкой степи XIX – начала XX вв. Изучение публикационной активности историков, работавших с материалами отдельных из рассмотренных фондов, позволяет сделать вывод о том, что основной массив источников еще не введен в научный оборот.

Выявленные архивные материалы включают документацию, имеющую отношение к контактам региональных и центральных властей с буддийской монашеской общиной Калмыцкой степи, межведомственное обсуждение работы и результатов деятельности комиссий по пересмотру законодательства, регулировавшего жизнь калмыцкого народа, переписку регионального чиновничества и представителей министерств Российской империи с буддийским духовенством калмыцкого народа, статистические данные о численности буддийских монастырей и буддийского духовенства Калмыцкой степи

Выявление, изучение, систематизация и публикация документов ГА АО по истории и культуре калмыцкого народа, по истории буддийской традиции Калмыцкой степи позволит ввести в научный оборот значительный объем неопубликованного исторического материала.

На основании исследования описей и дел из фондовых коллекций ГА АО проведена работа по подготовке издания «Ламы Калмыцкой степи в XIX – начале XX вв. в социально-политической жизни юга России».

Источники

ГА АО — Государственный архив Астраханской области.

Литература

- Авляев 1977 — Авляев Г. О. Калмыцкие хурулы в XIX в. (история создания, административная система, приход, хозяйство) // Ламаизм в Калмыкии. Элиста: Калмыцкий научно-исследовательский ин-т языка, литературы и истории, 1977. С. 56–69.
- Бакаева 1994 — Бакаева Э. П. Буддизм в Калмыкии: Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 127 с.
- Басхаев 2007 — Басхаев А. Н. Буддийская церковь Калмыкии: 1900–1943 гг. Элиста: Джангар, 2007. 239 с.
- Бураковская 2011 — Бураковская М. С. У истоков астраханского архива (о первом заведующем Губернским архивным фондом И. И. Солосине) // Солосинские чтения: Мат-лы межрегион. историко-архивной науч. конф. Астрахань: ГА АО, 2011. С. 127–132.
- Бураковская 2013 — Бураковская М. С. Комплектование астраханского архива в 1920–1928 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 2. С. 325–333.
- Дорджиева 1995 — Дорджиева Г. Ш. Буддизм и христианство в Калмыкии. Опыт анализа религиозной политики правительства Российской империи (середина XVII – начало XX вв.). Элиста : Джангар, 1995. 126 с.
- Дорджиева 2001 — Дорджиева Г.Ш. Буддийская церковь в Калмыкии в конце XIX – первой половине XX в. М.: Институт российской истории РАН, 2001. 177 с.
- Дорджиева 2009 — Дорджиева Г. Ш. Буддизм у калмыков // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 3. Элиста: Герел, 2009. С. 218–259.
- Дорджиева 2012 — Дорджиева Г. Ш. Буддизм Калмыкии в вероисповедной политике Российского государства (середина XVII – начало XX вв.). Элиста: Калм. ун-т, 2012. 203 с.
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. I. Элиста: Герел, 2009. 848 с.
- Карагодин 1987 — Карагодин А. И. Калмыцкое духовенство в XVII – первой половине XIX вв. // Вопросы истории ламаизма в Калмыкии. Элиста: Калмыцкий научно-исследовательский ин-т истории, филологии и экономики, 1987. С. 5–23.
- Команджаев 1992 — Команджаев А. Н. Положение ламаистской церкви в калмыцком обществе (конец XIX – начало XX в) // Orient. 1992. Вып. 1. С. 145–151.
- Новоселова и др. 2017 — Новоселова В. В., Харченко О. А., Кокanova Р. А. История государства и народа в архивных документах Государственного архива Астраханской области // Вестник архивиста. 2017. № 2. С. 144–155.
- Очирова 2011 — Очирова Б. В. Буддизм Калмыкии в конце XIX – начале XX века // Буддизм Ваджраяны в России: от контактов к взаимодействию. Сб. трудов II Междунар. науч.-практ. конф. М.: Алмазный путь, 2011. С. 419–426.
- Просянова 2000 — Просянова Т. Н. Архивное дело в Астраханском крае // История Астраханского края: Монография. Астрахань: Астраханский гос. пед. ун-т, 2000. С. 1058–1070.

- Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

УДК / UDC 903.5+397.4

Остеометрическая характеристика населения ямной культуры по материалам археологических раскопок на территории Республики Калмыкия 1976–2002 гг.

Татьяна Васильевна Лиджикова¹

Osteometric Analysis of the Yamnaya Culture Population Based on Materials from Archaeological Excavations in the Republic of Kalmykia (1976–2002)

Tatyana V. Lidzhikova¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация) ¹ Kalmyk Scientific Centre of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

младший научный сотрудник Junior Research Associate

 0000-0003-4155-4301. E-mail: tlidzhikova[at]yandex.ru

Аннотация. В данной работе представлены результаты анализа костных останков населения ямной культуры (ранняя бронза), полученных в ходе изучения погребальных памятников курганного типа на территории Республики Калмыкия с 1976 г. по 2002 г. По краниологическим данным население, проживавшее на территории Нижнего Поволжья в эпоху ранней бронзы, относилось кprotoевропеоидному типу, с резко профилированным лицом и сильным выступанием носа. Преобладают долихокранные черепа. Исследование проводилось на 42 скелетах с разной степенью сохранность костной ткани. Бедренные и большеберцевые кости мужчин отмечены средней массивностью. Средняя длина тела у мужчин ямной культуры составила 172,2 см. Средняя длина тела у женщин 155,9 см. Изучаемая группа характеризуется как высокорослая и среднемассивная.

Ключевые слова: палеоантропология, остеометрия, ранняя бронза, ямная культура, морфология длинных костей, длина тела, Республика Калмыкия

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субси-

дии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Лиджикова Т. В. Остеометрическая характеристика населения ямной культуры по материалам археологических раскопок на территории Республики Калмыкия 1976–2002 гг. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 3. С. 32–45. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-32-45

Abstract. This paper presents the results of the analysis of the bone remains from the Yamnaya culture population (Early Bronze Age), obtained from the study of the burial mounds in the Republic of Kalmykia in the period from 1976 to 2002. According to craniological data, the population inhabiting the Lower Volga region during the Early Bronze Age belonged to the proto-Europoid type, characterized by a sharply profiled face and a strongly protruding nose. Dolichocranial skulls predominate. The study was conducted on 42 skeletons with varying degrees of bone preservation. The femoral and tibial bones of males are noted for their moderate robusticity. The average body length for Yamnaya culture males was 172.2 cm, and for females, it was 155.9 cm. The studied group is characterized as tall and moderate robusticity.

Keywords: paleoanthropology, osteometry, Early Bronze Age, Yamnaya culture, long bone morphology, body length, Republic of Kalmykia

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 “The South-Eastern Belt of Russia: A Study of the Political and Cultural History of Social Communities and Groups”.

For citation: Lidzhikova T. V. Osteometric Characteristics of the Yamnaya Culture Population Based on Materials from Archaeological Excavations in the Republic of Kalmykia (1976–2002). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*. 2025. No. 3. Pp. 32–45. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-32-45

1. Введение

Изучение памятников ранней бронзы населения ямной культурно-исторической общности начато еще с середины прошлого века [Дебец 1948; Гинзбург 1959; Шевченко 1973; Шевченко 1974; Шевченко 1986; Романова 1991], в основном анализируется краниологический материал [Фирштейн 1967; Кондукторова 1969; Кондукторова 1973; Круц 1977; Круц 1984]. Антропологический материал с территории Украины является наиболее исследованным. Так, Т. С. Кондукторова в своей работе краниологической серии ямной культуры с территории Днепро-Донецка выделяет в основном долихокранные черепа, хотя в единичных случаях наблюдаются мезокранные и брахиокранные черепа. Объем мозговой коробки большого размера, продольные и высотные диаметры имеют большие величины, поперечные — среднюю. Рельеф черепа имеет выраженную структуру: выделяются по своим размерам надпереносье, наружный затылочный бугор, сосцевидный отросток. Лобная кость имеет высокий угол наклона. Лицо широкое и средневысокое, хотя по указателю оно относится к низким, ортогнатным. Горизонтальная профилировка лица имеет ярко выраженные значения: орбиты низкие, нос средней шири-

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

ны, сильно выступающий, переносье хорошо выражено, клыковые ямки глубокие. Автор отмечает, что на момент существования ямной культуры формирование физического типа современного европейца уже было завершено в части горизонтальной профилировки лица черепов [Кондукторова 1973: 76]. Гендерные различия особо четко выражаются в абсолютных размерах черепа, в степени выраженности рельефа, выступании лба, носа. Менее выраженная долихокрания женских черепов, а точнее, относительно большая величина поперечного диаметра указывает на половой диморфизм. Посткраниальный скелет автор описывает на 32 индивидах с сохранившимся трубчатыми костями. Абсолютные продольные размеры характеризуются большими величинами. Указатели массивности имеют большие и средние величины. Длина тела 172,2 см [Кондукторова 1973: 55–77].

В результате изучения ямной культуры на территории Волго-Уралья А. А. Хохлов сообщает, что население, принадлежавшее к данной культурно-исторической общности, не было гомогенным. В своих работах он выделяетprotoевропеидный тип с резко профицированным лицом и сильным выступанием носа. Ученым установлено, что преобладают долихокранные черепа, посткраниальный скелет относится к массивным, с крупными костями и сильным развитым рельефом в местах прикрепления мышц [Хохлов 2013: 12–16]. А. В. Шевченко также считает, что население ямной культуры морфологически неоднородное, и опираясь на этом выделяет один protoевропеидный тип. К краниологическим особенностям черепа он относит крупную мозговую капсулу, широкое и средневысокое лицо, низкие и широкие орбиты, резко выступающий нос. Он указывает на своеобразие прикаспийских групп ямной культуры на общем фоне ямного населения [Шевченко 1986: 121–135]. Материалы Восточно-маныческих степей позволяют зафиксировать гипermорфный, брахицераный, относительно низколицый и широколицый европеидный вариант [Хохлов 2006: 136–146]. Опубликованный А. А. Казарницким материал ямной культуры с территории Азово-Каспия подтверждает выводы А. В. Шевченко о том, что черепа из Калмыкии и Нижнего Поволжья отличаются от всех известных на тот момент краниологических серий ямной культурно-исторической общности Восточной Европы значительными широтными размерами мозгового и лицевого отделов [Казарницкий 2012: 172–179; Казарницкий 2014: 142–150]. А. А. Казарницкий исследует посткраниальный скелет ямного населения, выделяя абсолютные продольные размеры длинных костей скелета большими и средними величинами. Длина тела составляет по расчетам 177 см.

Степень исследования морфологии посткраниального скелета ямной культуры изучена неравномерно по регионам, в то время как для Волго-Уралья имеются репрезентативные серии и обобщающие публикации, аналогичные данные по волго-манычской территории крайне немногочисленны [Боруцкая 2012; Боруцкая 2016; Григорьев 2018; Хохлов, Григорьев 2019; Григорьев 2020; Григорьев 2024].

Благодаря фондохранилищу антропологического и археозоологического материала на базе Калмыцкого научного центра РАН автору исследования удалось собрать приемлемую серию для исследования посткраниального скелета населения ямной культуры с территории Калмыкии.

Цель исследования ввести в научный оборот остеометрические данные населения ямной культурно-исторической общности на территории волго-манычских степей, дать морфологическую характеристику посткраниальному скелету.

2. Материалы и методы

Материал, анализируемый в данной работе, относится к группе кочевых племен, являющихся носителями ямной культуры волго-манычских степей (3300–2600 гг. до н. э.). Серия сформирована на основе костного материала, полученного в результате археологических раскопок из двенадцати курганных могильников (табл. 1). Культурная принадлежность погребений была взята из свода археологических памятников волго-манычских степей и его дополнения [Очир-Горяева 2008; Бембеева, Очир-Горяева 2021]. Из 87 скелетов (76 взрослых, 11 детей) 42 взрослых (30 мужчин и 12 женщин) индивида соответствуют для проведения остеологического исследования. Кости хороший и средней сохранности, повреждения целостности костей перимущественно обусловлено ненадлежащими условиями хранения в прошлом. Для увеличения численности исследуемого материала были проведены реставрационные работы, в которых использовался столярный клей ПВА. Средний возраст смерти у мужчин составил 30,4 года, женщин — 28,4 года, при этом при подсчетах не учитывались детские кости. Наиболее полные остеологические коллекции были представлены из курганных могильников: Джангар (1980–1989); Чограйский-3, 4, 5 (1986); Канал Волга-Чограй-53, 56 (1988); Кевуды-1 (2001). Женских посткраниальных скелетов меньше, чем мужских. Подобные соотношение полов часто встречается при изучении древних популяций [Широбоков 2018: 175–176].

Таблица 1. Авторы раскопок и могильники

№ п/п	Могильник	Год раскопок	Автор	Количество костяков
1.	Заханата	1976	Е. В. Шнайдштейн	1
2.	Кермен Толга	1986	Л. М. Гаврилина	2
3.	Джангар	1980–1989	Е. В. Цуккин; В. П. Шилов; С. М. Васюткин	5
4.	Эвдык-1	1983	В. П. Шилов	3
5.	Шолмун Толга	1984	Н. А. Николаева	1
6.	Чограйский-3, 4, 5	1986	Л. М. Гаврилина, Н. И. Шишлина	10

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

7.	<i>Цаган-Усн-3, 5</i>	1987	С. В. Арапов; Н. Л. Лапа	2
8.	<i>Канал Волга-Чограй-53, 56</i>	1988	Е. В. Шнайдштейн; Н. И. Шишилина; Ю. Г. Романов; В. Н. Мышкин	7
9.	<i>Зунда Толга-1</i>	1994	Н. И. Шишилина	1
10.	<i>Шаред</i>	1989	П. М. Кольцов	3
11.	<i>Кевюды-1</i>	2001	А. Д. Матюхин	6
12.	<i>Кануково</i>	2002	П. М. Кольцов	1

Остеологическое исследование проводилось по классической для отечественной антропологии схеме [Алексеев 1966; Martin 1928]. Использованы 58 признаков стандартного бланка (1965 г.), 17 указателей. Для оценки значений признаков мужской выборки привлекались рубрикации абсолютных величин, составленные В. В. Бунаком [Мамонова 1986] и Д. В. Пежемским [Пежемский 2011], женская выборка оценивалась по рубрикациям, предложенным А. Г. Тихоновым [Тихонов 1997]. Вся выборка базировалась на традиционных категориях указателей сечений и формы костей [Алексеев 1966]. Все оценки и реконструкции проведены по правой стороне скелета. Рост рассчитывался по десяти разным формулам и только на основе продольных размеров костей ног, за исключением двух некомплектных скелетов, где были использованы продольные размеры плечевых костей (курган 36 погребения 8 могильника Джангар (1982); курган 2 погребения 2 могильника Чограйский-4 (1986)). Окончательная длина тела представлена не средними арифметическими цифрами всех результатов, а наиболее повторяющейся цифрой.

Остеометрическое исследование проводились с помощью специальных антропологических инструментов: малого толстотного, большого толстотного и скользящего циркулей, остеометрическая доска, измерительная лента. Перед началом измерения инструменты были проверены верификатором.

3. Результаты и обсуждение

3.1. Остеологическая характеристика мужской части серии

Абсолютные значения продольных размеров длинных костей относятся к категории выше среднего, кроме значений лучевой кости и ключицы, которые имеют большие и очень большие значения соответственно. Остеологическая длина ноги ($F2+T1=833,5$) находится в категории выше среднего, а остеологическая длина руки ($H1+R1=592,8$) в больших значениях (табл. 2).

Массивность. В исследуемой мужской серии наблюдается среднемассивность (нормостеничность).

Форма сечения плечевых костей относится к средний значениям, что указывает на платибрахию — небольшую уплощенность диафиза. Стре-

ние верхней части диафиза локтевых костей в исследуемой группе средней формы (эуроления). Поперечное сечение верхней части диафиза бедренной кости свидетельствует об эуримерии, т. е. о расширении верхней части диафиза. Форма сечения большеберцовых костей средняя (мезокнемия).

Конституциональные особенности. Длина тела мужчин ямной культуры — 172,2 см. Тип телосложения представляется как мезоморфный, сбалансированный, пропорциональный с укороченными относительно длины рук ногами. Ширина плеч средняя. Таз узкий. Крестец платихиерический, характерный по данным указателя (112,3) для европейских мужчин.

3.2. Остеологическая характеристика женской части серии

Абсолютные значения продольных размеров длинных костей относятся к категории очень больших, кроме значений большеберцовых костей, которые имеет средние значения. Остеологическая длина ноги ($F2+T1=743,4$) имеет большие значения, со сдвигом в сторону очень больших значений. Поперечные размеры также относятся к категории больших значений (плечевая, бедренная, голень) (табл. 2).

Массивность. Абсолютные размеры длинных костей женщин в изучаемой группе можно охарактеризовать, как среднемассивные. За исключением голени, чья массивность в цифрах (19,5) чуть ниже среднего. Ключица обладает достаточной массивностью (25,3).

Формы поперечных сечений. Плечевые и лучевые кости имеют малые показатели сечения. Верхняя часть диафиза локтевых костей женщин ямной культуры имеют особую форму сечения платоления (70,6). Верхние отделы бедренных костей уплощены в сагittalном направлении — платимерию (83,6). Верхняя часть сечения большеберцовых костей расширены в поперечном направлении — эурикнемия (76,9).

Конституциональные особенности. Длина тела женщин в исследуемой группе 155,9 см, что можно описать как среднерослость с тенденцией к высокорослости. Тип телосложения также мезоморфный, прослеживается укороченность относительно длины рук ногами. Берцово-бедренный указатель указывает на удлиненную голень относительно бедра. Среднее соотношение длины плеча и предплечья показал лучеплечевой указатель. Таз среднеширокий.

Таблица 2. Средние размеры мужского и женского населения ямной культуры (правая сторона)

Признак, № по Р. Мартину	n	X	sd	n	X	sd
	Мужчины			Женщины		
Плечевая кость						
H1. Наибольшая длина	21	336,1	16,7	6	308,0	20,9
H2. Общая длина	21	331,8	16,2	6	304,6	20,7
H3. Верхняя эпифизарная ширина	21	52,7	1,9	6	44,6	2,1
H4. Нижняя эпифизарная ширина	21	66,7	2,6	6	58,3	2,3

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

H5. Наибольший диаметр середины диафиза	23	25,1	1,7	7	22,3	1,6
H6. Наименьший диаметр середины диафиза	23	18,8	1,3	7	16,4	0,9
H7. Наименьшая окружность диафиза	22	67,3	3,3	7	58,8	2,7
H7a. Окружность середины диафиза	23	72,2	4,0	8	62,0	4,3
7:1 Указатель прочности	21	20,0	-	6	19,1	-
6:5 Указатель поперечного сечения диафиза	23	75,1	-	7	73,7	-
Лучевая кость						
R1. Наибольшая длина	13	256,7	11,2	5	232,7	11,8
R2. Суставная длина	13	248,6	11,5	5	226,0	11,2
R4. Поперечный диаметр диафиза	16	18,9	1,3	5	17,5	1,8
R5. Сагиттальный диаметр диафиза	16	13,1	0,6	5	11,6	0,8
R3. Наименьшая окружность диафиза	15	45,7	2,3	6	40,2	1,8
5:4 Указатель сечения	15	68,9	-	5	66,3	-
3:2 Указатель прочности	13	16,7	-	5	17,8	-
Локтевая кость						
U1. Наибольшая длина	13	273,4	8,8	4	250,4	12,2
U2. Суставная длина	13	241,2	7,9	4	217,7	11,2
U11. Переднезадний диаметр середины диафиза	17	15,3	1,1	4	13,4	0,4
U12. Поперечный диаметр середины диафиза	17	18,3	1,4	4	15,2	1,5
U13. Верхний поперечный диаметр диафиза	16	21,9	1,4	4	17,4	2,4
U14. Верхний дорзоволляр. диаметр	15	27,5	1,5	4	24,6	2,6
U3. Наименьшая окружность	16	40,3	2,5	4	36,1	3,2
3:2 Указатель прочности	13	16,7	-	4	16,6	-
11:12 Указатель поперечного сечения диафиза	17	83,9	-	4	87,7	-
13:14 Указатель платолениии	15	79,6	-	4	70,6	-
Ключица						
Cl1. Наибольшая длина	12	158,4	7,7	4	136	6,7
Cl6. Окружность середины диафиза	13	41,6	3,2	5	34,4	2,4

6:1 Указатель массивности	12	26,3	-	4	25,3	-
Лопатка						
Sc1. Морфологическая ширина	3	164,3	5,7	-	-	-
Sc2. Морфологическая длина	4	107,3	2,0	-	-	-
2:1 Указатель формы	3	65,3	-	-	-	-
Бедренная кость						
F1. Наибольшая длина	8	462,3	21,2	7	403,3	18,4
F2. Длина в естественном положении	9	456,8	22,6	8	400,4	16,5
F21. Мыщелковая ширина	10	84,5	3,1	7	72,7	1,7
F6. Сагиттальный диаметр середины диафиза	10	29,0	2,5	7	25,4	1,8
F7. Поперечный диаметр середины диафиза	10	28,2	1,7	7	25,7	0,6
F9. Верхний поперечный диаметр	11	33,2	2,1	7	30,0	1,5
F10. Верхний сагиттальный диаметр	11	29,5	2,1	8	25,1	1,2
F8. Окружность середины диафиза	11	91,1	5,5	7	80,6	4,1
8:2 Указатель массивности	9	19,9	-	8	20,1	-
6:7 Указатель пиястрии	10	102,8	-	7	98,5	-
10:9 Указатель платимерии	9	88,9	-	7	83,6	-
Большая берцовая кость						
T1. Полная длина	13	376,7	12,1	8	343,0	12,9
T2. Мыщелково-таранная длина	12	360,6	11,5	8	326,6	12,5
T1a. Наибольшая длина	13	383,1	11,2	8	348,0	13,5
T3. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	13	78,6	3,0	7	67,8	1,0
T6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	13	54,6	1,6	8	48,3	1,7
T8. Сагиттальный диаметр середины диафиза	14	33,8	2,3	8	25,8	0,6
T8a. Сагиттальный диаметр на уровне for. nutr.	13	38,6	3,3	7	29,6	1,5
T9. Поперечный диаметр середины диафиза	14	23,4	1,8	8	20,8	2,9
T9a. Поперечный диаметр на уровне for. nutr.	14	25,4	1,9	7	22,8	1,5
T10. Окружность на уровне середины диафиза	15	90,0	4,2	8	73,8	4,7

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

T10b. Наименьшая окружность диафиза	13	80,3	3,1	8	67,2	4,3
9a:8a Указатель патологемии	13	65,8	-	7	76,9	-
10b:1 Указатель прочности	13	21,3	-	8	19,5	-
Малоберцовавая кость						
Fi1. Наибольшая длина	7	364,1	6,7	-	-	-
Крестец						
Sac1. Длина тазовой поверхности	10	107,2	7,7	5	118,3	15,2
Sac2. Передняя высота	10	120,5	3,6	5	105,0	14,2
Sac5. Верхняя ширина	10	122,2	8,1	6	112,3	4,6
5:2 Указатель крестца	10	112,3	-	5	106,9	-
Таз						
1. Высота таза	10	226,1	7,6	5	201,4	4,8
9. Высота подвздошной кости	8	155,8	3,9	5	138,3	6,3
10. Высота крыла подвздошной кости	9	115,3	5,6	5	99,6	6,3
15. Высота седалищной кости	8	77,2	2,4	5	68,3	1,4
17. Длина лобковой кости	9	78,2	5,1	5	82,7	1,7
23. Сагиттальный диаметр входа в малый таз	7	108,5	6,2	5	116,2	8,7
24. Поперечный диаметр входа в малый таз	6	129,9	5,5	5	125,5	8,8
2. Наибольшая ширина таза	5	290,0	13,3	5	251,6	9,1
7. Суставная ширина таза	6	114,2	6,0	5	114,3	10,6
12. Ширина подвздошной кости	9	167,2	5,9	5	147,9	13,6
22. Наибольший диаметр вертлужной впадины	10	57,1	2,1	5	48,8	1,7
1:2 Высотно-широтный указатель	5	77,9	-	5	80,0	-
23:24 Указатель входа в малый таз	6	83,5	-	5	92,5	-
Пропорции конечностей						
R1:H1 луче-плечевой указатель		76,4			75,5	
T1:F2 берцово-бедренный указатель		82,5			85,7	
H1:F2 плече-бедренный указатель		73,6			76,9	
R1:T1 луче-берцовый указатель		68,1			67,7	
(R1+H1):(F2+T1) интермембральный указатель		71,1			72,7	

3.3. Сравнительная характеристика мужского и женского населения

Половой диморфизм прослеживается визуально и, следовательно, в абсолютных значениях продольных размеров диафизов, где женская часть выборки имеет очень большие величины, а мужская — выше среднего. Также имеются явные различия в форме сечения, например, плато-ления локтевых и платимерия бедренных костей у женщин. Тогда как у мужчин наблюдается эуримерия на локтевых костях и эуримерия на бедренных костях. Это может быть связано с разной степенью типологических физических нагрузок или же нормальным половым диморфизмом, характерным для этой группы.

При этом прослеживается общий конституциональный габитус, как средняя массивность в обоих случаях. Мезоморфный тип телосложения. Стоит учитывать, что изучаемая женская выборка имеет меньшее количество индивидов, что сказывается на адекватности полученных данных.

3.4. Сравнительная характеристика

Следующим этапом исследования стал сравнительный анализ признаков скелетной системы у различных географических групп ямной культурно-исторической общности. К сравнительному анализу привлечены только мужские серии, было решено не брать женские скелеты из-за их плохой представленности. Кроме того, использовались данные по населению ямной культуры Волго-Урала, Днепро-Донецка и Азово-Каспия, приведенные в следующих работах: [[Кондукторова 1973](#); [Казарницкий 2012](#); [Григорьев 2018](#)]. В выборке Азово-Каспия имеются скелеты из курганных могильников Калмыкии. На этом этапе исследования не применялись статистические методы.

В ходе проведения сравнительного анализа выборки, сформированной на основе костных скелетов волго-манычских степей, обнаруживается ее несхожесть с синхронными родственными группами ямной культуры других популяций. Как было выше указано, представители ямной культурно-исторической общности были неоднородными по крааниологическим данным. Подобный вывод можно сделать и об остеометрических данных. Абсолютные продольные размеры населения Волго-Уралья относятся к категории очень больших величин. Население Днепро-Донецка и Азово-Каспия имеют большую схожесть в абсолютных продольных размерах и имеют большие и очень большие величины соответственно. При этом население волго-манычских степей обладают значениями абсолютных продольных размеров диафиза выше среднего.

Сравнительный анализ палеоантропологических материалов, полученных из памятников ямной культуры в пределах одного региона, показывает отсутствие «единства» в остеометрических данных. Выявленный разброс посткраниальных характеристик между синхронными погребенными комплексами указывает на отсутствие жесткой биологической гомогенности среди локальных групп населения. Внутренняя структура ямной культуры отличалась сложностью и мозаичностью, что находит

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

подтверждение в наличии различных морфологических комплексов даже в рамках ограниченной территории.

Что касается схожести анализируемых групп, то можно утверждать, что морфологический комплекс показал сбалансированные признаки среднемассивности, имеющие тенденцию к массивности. Длина тела варьируется между 172,2–175,7 см. Как и ожидалось, самые высокорослые выборки приходятся на территорию Волго-Уралья. По длине тела население волго-манычских степей ближе к Днепро-Донецким ямникам (табл. 3).

В результате проведенного анализа обнаружено, что население ямной культурно-исторической общности из ареалов ее распространения (Днепро-Донецк, Волго-Уралье, Азово-Каспий, волго-манычские степи) демонстрирует общий комплекс макроморфологических признаков, характеризующийся высокорослостью, мезоморфным типом телосложения и среднemассивностью. Вместе с тем на субпопуляционном уровне выявляются устойчивые остеометрические различия. Так, представители волго-манычского региона отличаются несколько меньшими значениями длины тела и абсолютных продольных размеров диафизов длинных костей. Полученные данные свидетельствуют, что ранее отмеченная по крааниологическим материалам неоднородность населения ямной культуры находит свое подтверждение и в вариабельности остеометрических характеристик.

Таблица 3. Сравнительная характеристика пропорций конечностей у мужчин ямной культуры

Ранняя бронза (ямная культура)				
Ареал	Волго-Уральская	Днепро-Донецк	Азово-Каспий	Волго-Манычская
Автор исследования	А. П. Григорьев	Т. С. Кондукторова	А. А. Казарницкий	По данным автора
Пропорции конечностей				
(R1+H1):(F2+T1) интермембральный указатель	69,9	68,9	69,2	71,1
T1:F2 берцово-бедренный указатель	82,0	84,4	83,8	82,5
R1:H1 луче-плечевой указатель	76,7	75,9	77,8	76,4
H1:F2 плече-бедренный указатель	71,9	72,5	71,6	73,6
R1:T1 луче-берцовый указатель	67,3	64,8	66,7	68,1
Длина тела	175,7	173,4	175,1	172,2

Указатели массивности				
Бедренная кость (8:2)	19,9	19,7	21,0	19,9
Большеберцовая кость (10в:1)	21,3	21,5	21,1	21,3
Плечевая кость (7:1)	20,1	20,3	20,1	20,0
Лучевая кость (3:1)	17,5	17,5	17,8	17,8
Локтевая кость (3:1)	14,4	14,9	14,6	14,7
Бедренная кость				
1.Наибольшая длина	485,6	467,7	477,0	462,3
2.Длина в естественном положении	481,5	465,1	473,8	456,8
8.Окружность в середине диафиза	96,6	91,8	99,7	91,1
Большеберцовая кость				
1.Наибольшая длина	395,1	392,7	401,5	376,7
10в.Наименьшая окружность	84,2	84,6	84,9	80,3
Плечевая кость				
1.Наибольшая длина	346,6	339,2	339,3	336,1
7.Наименьшая окружность	69,8	68,9	67,9	67,3
Лучевая кость				
1.Наибольшая длина	265,9	256,5	266,3	256,7
3.Наименьшая окружность	46,6	45,1	47,4	45,7
Локтевая кость				
1.Наибольшая длина	286,1	281,6	287,3	273,4
3.Наименьшая окружность	41,1	41,9	41,9	40,3

4. Выводы

Население ямной культурно-исторической общности с территории волго-манычских степей можно охарактеризовать, как среднемассивное с длиной тела у мужчин 172,2 см и 155,9 см у женщин. Как для мужской, так и для женской части выборки характерна конституциональная особенность: укороченные руки относительно нижних конечностей за счет длины голени. Форма сечения верхних конечностей в мужской группе указывает на иную форму типа хозяйств с активным использованием верхних конечностей. В женской части такие морфологические признаки отсутствуют.

Сравнение ямников волго-манычских степей с другими популяциями раннего бронзового века имеет еще пока незаконченный характер исследования. Тем не менее уже можно подтвердить раннее полученные учеными данные в части краинологии, указывающих на неоднородность ямной культурно-исторической общности даже на субпопуляционном уровне.

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

Литература

- Алексеев 1966 — Алексеев В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 252 с.
- Бембеева, Очир-Горяева 2021 — Бембеева Л. А., Очир-Горяева М. А. Археологические памятники волго-манычских степей (по материалам раскопок с 1998 по 2009 гг.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 8–53. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-1-17-8-53
- Боруцкая 2012 — Боруцкая С. Б. Остеологическая характеристика мужских погребений ямной культуры эпохи бронзы самарского Поволжья // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2012. № 1. С. 234–245.
- Боруцкая 2016 — Боруцкая С. Б. Пропорции и массивность мужских скелетов из погребений эпохи ранней бронзы самарского Поволжья // Вестник антропологии. 2016. № 3 (35). С. 5–10.
- Гинзбург 1959 — Гинзбург В. В. Этногенетические связи древнего населения Стalingрадского Заволжья (по антропологическим материалам Калиновского могильника) // Материалы и исследования по археологии. М.; Л.: АН СССР. 1959. № 60. С. 524–594.
- Григорьев 2018 — Григорьев А. П. Морфологические особенности посткраниальных скелетов из погребений ямной культуры раннего бронзового века Волго-Уралья // Актуальная археология 4. Комплексные исследования в археологии. Мат-лы Междунар. науч. конф. молодых ученых. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 170–175.
- Григорьев 2020 — Григорьев А. П. Особенности скелетной конституции населения раннего бронзового века Волго-Уралья // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9. № 4. С. 224–231.
- Григорьев 2024 — Григорьев А. П. Сравнительная остеометрическая характеристика населения энеолита и ранней бронзы степного Поволжья. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 2. С. 33–48. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-2-30-33-48
- Дебец 1948 — Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л.: АН СССР, 1948. 392 с. (Труды Института этнографии. Т. 4).
- Казарницкий 2012 — Казарницкий А. А. Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы (антропологический очерк). СПб.: Наука, 2012. 264 с. (Kunstkamera Petropolitana).
- Казарницкий 2014 — Казарницкий А. А. О краниологических особенностях носителей ямной археологической культуры Северо-Западного Прикаспия // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 1(57). С. 142–150.
- Круц 1977 — Круц С. И. Население степной Украины в эпоху энеолита-бронзы (по антропологическим данным): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1977. 21 с.
- Круц 1984 — Круц С. И. Палеоантропологические исследования степного Поднепровья: (Эпоха бронзы). Киев: Наукова думка, 1984. 207 с.
- Кондукторова 1969 — Кондукторова Т. С. Антропологический состав населения территории Украины в эпоху бронзы // Материалы по антропологии Украины. Вып. 4. Киев: АН УРСР, 1969. С. 33–57.
- Кондукторова 1973 — Кондукторова Т. С. Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М.: Наука, 1973. 126 с.
- Мамонова 1986 — Мамонова Н. Н. Опыт применения таблиц В. В. Бунака при разработке остеометрических материалов // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас / отв. ред. В. П. Алексеев, А. А. Зубов. М.: Наука, 1986. С. 21–33.

- Очир-Горяева 2008 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники волго-маньческих степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.); вступ. ст. А. С. Скрипкин, Г. Парцингер. Элиста: Герел, 2008. 298 с.
- Пежемский 2011 — *Пежемский Д. В.* Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения: дисс. ... канд. биол. наук. М., 2011. 326 с.
- Романова 1991 — *Романова Г. П.* Палеоантропологические материалы из степных районов Ставрополья эпохи ранней и средней бронзы // Советская археология. 1991. Вып. 2. С. 160–170.
- Тихонов 1997 — *Тихонов А. Г.* Физический тип средневекового населения Евразии по данным остеологии: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997. 36 с.
- Фирштейн 1967 — *Фирштейн Б. В.* Антропологическая характеристика населения Нижнего Поволжья в эпоху бронзы // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев: Наукова думка, 1967. С. 100–140.
- Хохлов 2006 — *Хохлов А. А.* О краниологических особенностях населения ямной культуры северо-западного Прикаспия // Вестник антропологии. Вып. 14: посв. 115-летию со дня рождения Виктора Валериановича Бунака [по материалам конф. «Историко-антропологические исследованияmetisных и контактных групп населения на территории Евразии】]. М.: [б. и.], 2006. С. 136–146.
- Хохлов 2013 — *Хохлов А. А.* Палеоантропология Волго-Уралья эпох неолита-бронзы: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2013. 34 с.
- Хохлов, Григорьев 2019 — *Хохлов А. А., Григорьев А. П.* Морфологические характеристики антропологической выборки курганного могильника эпохи бронзы Красивокский I. Археологические памятники Оренбуржья. Сб. науч. трудов. Оренбург, 2019. С. 69–80.
- Шевченко 1973 — *Шевченко А. В.* К антропологической характеристике населения Нижнего Поволжья эпохи бронзы (по материалам Старицкого могильника) // Советская этнография. 1973. № 6. С. 100–108.
- Шевченко 1974 — *Шевченко А. В.* Новые материалы по палеоантропологии Нижнего Поволжья (эпоха бронзы) // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л.: Наука, 1974. С. 123–135.
- Шевченко 1986 — *Шевченко А. В.* Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1986. С. 121–215.
- Широбоков 2018 — *Широбоков И. Г.* Влияние фактора сохранности на палеодемографическую характеристику (на примере групп русского населения XVII–XVIII вв.) // Piles of bones: палеоантропология, биоархеология, палеогенетика. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием, посвящ. 90-летию И. И. Гохмана. СПб.: МАЭ РАН, 2018. С.175-181.
- Martin 1928 — *Martin R.* Lehrbuch der Anthropologie in Systematischer Darstellung. Bd. II. KranioLOGIE. Osteologie. Jena: G. Fischer, 1928. 1182 p.

- Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

УДК / UDC 316.454.2

Великая Победа в зеркале времени: трансформация исторической памяти и ее влияние на национальную идентичность

Раиса Эдуардовна Бараш¹

The Great Victory in the Mirror of Time: Transformation of Historical Memory and its Influence on National Identity

Raisa E. Barash¹

¹ Институт социологии Федерально-го научно-исследовательского социологического центра РАН (д. 24/35, корп. 5, ул. Кржижановского, 117218 Москва, Российской Федерации)

кандидат политических наук, веду-
щий научный сотрудник

¹ Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (24/35, bldg. 5, Krzhizhanovsky St., 117218 Moscow, Russian Federation)

Cand. Sc. (Politology), Leading Research Associate

 0000-0002-5899-973X. E-mail: raisabarash[at]gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается трансформация исторической памяти в современном российском обществе и ее влияние на национальную идентичность современных россиян. Анализируя роль коллективной памяти о Великой Отечественной войне как фундамента национального единства и морального ориентира общества, автор особенное внимание уделяет изучению взаимодействия формальной истории страны и личного опыта и семейной памяти россиян, а также влиянию государственной политики памяти и цифровой коммуникации на формирование представлений граждан о прошлом. На основании данных социологических опросов исследуется взаимосвязь между знанием семейной истории, оценкой собственных знаний по истории России и отношением к попыткам фальсификации исторических событий. Подчеркивается готовность россиян противостоять искажению исторической правды, особенно в контексте событий Великой

Отечественной войны, что рассматривается ими как защита не столько национальной исторической, но и семейной памяти.

Ключевые слова: историческая память, национальная идентичность, Великая Отечественная война, политика памяти, социологические исследования

Для цитирования: Бараш Р. Э. Великая Победа в зеркале времени: трансформация исторической памяти и ее влияние на национальную идентичность // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 3. С. 46–59. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-46-59

Abstract. The article examines the transformation of historical memory of the contemporary Russian society and its influence on the national identity of the citizens. The author analyzes the role of collective memory of the Great Patriotic War as a foundation for national unity and moral guidance for society. Special attention is paid to the interaction between formal history and personal experience, as well as the impact of state memory policy and digital communication on the formation of citizens' perceptions of the past. Applying to the sociological data the author studies the relationship between knowledge of family history, assessment of one's own knowledge of Russian history, and attitude towards attempts to falsify historical events is investigated. As the author notes the willingness of Russians to resist the distortion of historical truth, especially in the context of the Great Patriotic War events, demonstrates their desire to protect not only historical but also family memory.

Keywords: historical memory, national identity, Great Patriotic War, memory policy, sociological research

For citation: Barash R. E. The Great Victory in the Mirror of Time: Transformation of Historical Memory and its Influence on National Identity. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*. 2025. No. 3. Pp. 46–59. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-46-59

1. Введение. Теоретические основания исследования исторической памяти и национальной идентичности

Представления граждан об отечественной истории, закрепленные в коллективной памяти, служат фундаментом для формирования национальной идентичности социума. Эти представления формируют систему национальных ценностей, влияют на то, как люди видят настоящее положение дел и как представляют себе возможные пути развития государства [Хальбвакс 2007: 30–31]. Поскольку историческая память шаблонна, «соткана» из «нarrативных привычек» [Wertsch, Roediger 2008: 320], общественные конвенции о ключевых событиях национальной истории и их трактовке [Ассман 2014: 27–28] наделяют прошлое понятными каждому гражданину смыслами, поддерживают живой интерес к истории.

Под влиянием социокультурных изменений, общественных дискуссий и заявлений политиков историческая память становится нормативной рамкой оценки реальности. Дж. Верч пишет о том, что сложившиеся в социуме «нarrативные привычки» [Wertsch 2021: 230–231] формируют нарративы прошлого, действуя как глубинные шаблоны, которые воспроизводятся даже при смене политических режимов и идеологий, структурируя историческую память общества.

Я. Ассман, развивая идеи М. Хальбвакса, предложил концепцию четырех форм памяти: миметической, оперативной, коммуникативной и культурной — и особое внимание уделял изучению функций культурной памяти как интегрирующей остальные формы памяти и влияющей на персональную идентичность. Он утверждал, что культурная память фиксирует ключевые исторические моменты в символах прошлого, формируя стройное историческое повествование [Ассман 2004: 52–54]. Таким образом, представления граждан об отечественной истории, закрепленные в их культурной памяти, прямо формируют ценностные ориентиры общества и оказывают непосредственное влияние на восприятие настоящего.

Дж. Верч также обращает внимание на то, что в современном мире исторические нарративы часто выступают основанием для интерпретации текущих социально-политических процессов, действуют как шаблоны, формируя подсознательные установки, которые трудно осознать [Wertsch 2021: 90]. В России, чья национальная история полна героическими подвигами и драматическими событиями, историческая память играет особенную консолидирующую роль.

Присутствие образов прошлого в повседневности наделяет граждан, интересующихся историей, аналитической «оптикой», влияет на восприятие ими актуальной ситуации. Эмоциональные образы памяти надстраиваются на каркас исторических фактов, оживляют «казенные» мемориальные конструкции, связывают воспоминания очевидцев и их потомков с национальной историей [Бараш 2023: 142].

При этом коллективное запоминание — это активный процесс, формирующийся в процессе социального взаимодействия. Образы прошлого формируются в постоянном взаимодействии двух связанных процессов — складывания официального исторического знания и личного опыта. Общественные представления о прошлом непрерывно проверяются и корректируются личным опытом, а индивидуальные воспоминания в свою очередь встраиваются в более широкий контекст коллективной идентичности. Этот синтез формальных исторических сведений и личных воспоминаний особенно интенсивно формируется сейчас, когда цифровая коммуникация играет важную роль в формировании мировоззрения современных людей, открывая доступ к самым разным источникам информации, включая историческую, и люди активно формируют собственные представления о прошлом. Поэтому в представлениях граждан о прошлом страны сюжеты официальных нарративов исторического прошлого переплетаются с сюжетами личной и коллективной памяти.

Национальная история — это основание коллективной идентичности. Общественные конвенции о прошлом и его трактовках формируют национальные ценности, отражаются на оценке гражданами текущей ситуации и представлениях о желаемом развитии страны. Коллективные представления и интерпретация ключевых исторических событий страны придают прошлому смысл, понятный каждому гражданину, а образы

прошлого проникают в повседневную жизнь, предоставляют гражданам возможность оценить актуальную ситуацию, опираясь на эмоциональные выводы из «уроков» истории.

2. Актуальность изучения исторической памяти современного российского общества

Сегодня, как показывают данные социологических опросов, историческая память выступает одним из базовых оснований оценки российским обществом происходящих событий [[Стрела времени 2024: 13](#)]. Среди множества ключевых вех российской истории особое место занимает Победа в Великой Отечественной войне. Согласно результатам социологических исследований, Великая Отечественная война воспринимается российским обществом как важнейшее историческое событие и главный предмет национальной гордости. В 2024 г. три четверти опрошенных россиян (75 %) назвали это событие, определившим судьбу страны [[Российское общество 2024](#)]. Консенсус о ключевой значимости для национальной истории Великой Победы сохраняется во всех возрастных группах российского общества, подтверждая особенный статус Победы в коллективном сознании. Память о Победе — это не просто воспоминание об одном из эпизодов истории, а символ стойкости, мужества и единства народа перед смертельной угрозой, свидетельство способности россиян к самоотверженности и героическому сопротивлению.

Однако историческая память постоянно изменяется под влиянием новых вызовов, динамичной социокультурной среды и особенно смены поколений [[Историческое сознание 2022: 128–129](#)]. Так, память о Великой Победе, несмотря на ее неоспоримый приоритет, претерпевает в российском обществе определенные трансформации. Если среди россиян старших поколений, выросших в военные и первые послевоенные годы, к числу самых значимых исторических событий Великую Отечественную войну отнесли более 80 %, то среди молодых людей младше 30 лет — 66 %. Это не означает умаления значения Победы в российском обществе, но указывает на изменение механизмов передачи исторической памяти и ее места в общей картине мира молодого поколения. Для молодежи Великая Победа — это не живое воспоминание или опыт, передаваемый напрямую от участников, а скорее, символ, формирующийся через образовательную систему, медиа и семейные рассказы.

Несмотря на поколенческие различия в восприятии военного времени, с началом Специальной военной операции память о Победе в Великой Отечественной войне в общественном сознании укрепилась как фундаментальная основа национального единства, а вследствие обострения международной обстановки и внешнеполитических угроз в сознании россиян произошла переоценка geopolитических приоритетов: характерное для периода 1990–2000-х гг. стремление к глобальной интеграции уступило место идеям исторического суверенитета и ориентации на собственные ценности и цели. Это актуализирует ис-

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

следовательскую цель по изучению памяти о Великой Отечественной войне в формировании национальной идентичности россиян, а также ее влияния на социально-политические установки и современную политику памяти.

В этой связи актуальным является изучение трансформации восприятия в российском обществе Великой Отечественной войны под влиянием разных факторов, включая смену поколений и государственную политику памяти, а также исследование роли семейной памяти в формировании исторического сознания россиян. Особенно важно изучить отношение россиян к попыткам пересмотра истории в контексте происходящих в современном цифровизированном мире информационных войн.

Целью данной статьи является изучение на основании данных многолетних социологических исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ИС ФНИСЦ РАН) трансформации исторической памяти современного российского общества, особенно памяти о Великой Отечественной войне, и ее влияния на формирование национальной идентичности россиян, их социально-политические установки и современную политику памяти.

Поставленная исследовательская цель может быть достигнута посредством реализации ряда исследовательских задач:

- исследовать, как исторические нарративы и семейная память способствуют консолидации общества и формированию коллективной идентичности;

- изучить влияние государственных инициатив, таких как «Бессмертный полк», на сохранение и передачу россиянами памяти о Великой Отечественной войне, а также на связь между семейной истории и интересом к национальному прошлому;

- изучить, как национальная политика памяти влияет на коллективные представления россиян о прошлом;

- исследовать особенности восприятия россиянами попыток пересмотра исторических событий, особенно связанных с Победой в Великой Отечественной войне, и их готовность защищать историческую правду.

Решение поставленных задач позволит изучить влияние коллективной памяти российского общества о Великой Отечественной войне на современную национальную идентичность россиян и их социально-политические взгляды.

3. Методология исследования

Методической основой для подготовки статьи явились данные многолетних социологических наблюдения ИС ФНИСЦ РАН. Для достижения поставленной исследовательской цели использовались данные социологических опросов, проведенных в 2020 г. [Исторические символы 2020], 2022 г. [Исторические символы 2022], в 2023 г. [Влияние нематериальных факторов 2023] и в 2024 г. [Российское общество 2024].

Объем выборочной совокупности каждого опроса составил 2 000 респондентов, репрезентирующих взрослое (18 лет и старше) население РФ по параметрам пола, социально-профессионального статуса, образования и типа населенного пункта проживания.

Репрезентативность социологической информации обеспечивалась моделью многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения (респондентов) на последней ступени. Районирование осуществлялось по федеральным округам Российской Федерации с использованием данных Росстата, касающихся населения Российской Федерации.

Все исследования проводились в 22 субъектах РФ и охватили 112 поселений, в том числе 2 мегаполиса, 19 административных центров субъектов РФ, 35 районных центров, 19 поселков городского типа (ПГТ) и 37 сел.

4. Основная часть

4.1. Как россияне оценивают собственные знания истории России и какие источники используют для их получения: анализ социологических данных

Важнейшую роль в формировании исторической памяти играют источники знаний о прошлом. Активная информационная политика российского государства, разнообразные культурные проекты, направленные на популяризацию нарратива отечественной истории, ведут к росту исторической осведомленности граждан. Пристальное внимание к национальной истории в публичном поле делает для россиян исторические сюжеты более знакомыми и доступными, даже если их реальные знания невысоки. Так, по данным ИС ФНИСЦ РАН, в 2024 г. четверть опрошенных россиян (25 %) оценили свои знания по истории России как хорошие, а большинство, более половины (52 %), признались, что имеют лишь общее представление об исторических событиях в России, треть участников опроса (30 %) сочли свои знания скорее плохими, а 6 % затруднились с ответом [[Российское общество 2024](#)]. По сравнению с 2020 г. в 2024 г. стал заметен серьезный рост доли россиян, оценивающих свои знания по истории России как хорошие, с 11 % [[Исторические символы 2020](#)] до 25 % [[Российское общество 2024](#)]. Одновременно сократилась доля тех, кто оценивает свои исторические познания «скорее, как плохие», с 30 % до 17 %.

На протяжении 2020–2024 гг. самой многочисленной оставалась группа респондентов, которые имеют «общее представление об исторических событиях» национальной истории. Численность этой группы за 4 года наблюдений почти не изменилась, оставшись на уровне в 52–53 %, что свидетельствует о доминировании в российском обществе «ядра» общего исторического знания. Вместе с тем за последние несколько лет в российском обществе произошел структурный сдвиг: за счет резкого сокращения доли граждан, уверенных в своем плохом знании истории, и за счет резкого роста уверенности граждан в своей хорошей исторической осве-

домленности. С одной стороны, государственная политика по поддержке ясных трактовок ключевых событий национальной истории делает прошлое более ясным, что повышает уверенность в собственных знаниях. С другой стороны, государственная политика памяти, направленная на поддержание памяти о ключевых для национальной истории событиях прошлого, прежде всего памяти о Победе в Великой Отечественной войне, способствует тому, что россияне чаще идентифицируют себя с главным историческим событием национальной истории.

Интересу россиян к национальному прошлому особенно способствует целенаправленная образовательная политика, реализуемая политическим руководством. Неслучайно школьные и вузовские учебники лидируют среди ресурсов знания россиян по истории страны (51 %), подтверждая роль формального образования как фундамента исторического сознания. Почти равную значимость имеют художественные и документальные фильмы (48 % и 47 % соответственно). Однако здесь наблюдается ярко выраженный «возрастной разрыв»: если среди молодежи 18–30 лет в качестве источников исторического знания их используют 38 % и 33 %, то среди респондентов старше 61 года — 60 % и 59 %. Таким образом, старшее поколение в значительной степени сохраняет доверие к традиционным медиа, в то время как молодежь 18–30 лет активнее других потребляет исторический контент через интернет-ресурсы (30 %), демонстрирует повышенный интерес к научной литературе (24 %) и к компьютерным играм с историческими сюжетами (12 %). В то же время аудитория старше 61 года чаще других обращается к специализированным программам и ток-шоу на исторические темы (24 %), а также к тематическим выступлениям Президента РФ (35 %). Для молодежи же политические выступления являются наименее значимым источником исторических знаний (16 %).

Помимо официальных источников, серьезное влияние на историческую память оказывают семейные предания и рассказы родственников. Семейная память помогает россиянам воссоздавать национальную историю через призму судьбы родных и близких, делая ее более осозаемой и эмоционально окрашенной. Именно семья, как показывают исследования, выступает основанием исторической памяти в периоды социокультурных трансформаций. Что подтверждают и данные социологических исследований: семейная память как ресурс исторического знания высоко значима для представителей всех возрастных групп (38 % в среднем). Причем по сравнению с данными 2020 г. в 2024 г. воспоминания и рассказы родных и близких о событиях национальной истории «укрепили свои позиции» в качестве ресурсов исторического знания, что свидетельствует о растущей важности для россиян личного опыта и семейной истории в восприятии прошлого.

В последние годы в целом произошел заметный сдвиг в предпочитаемых россиянами источниках исторических знаний. Если еще в 2020 г. основными источниками информации об отечественной истории счита-

лись исторические художественные фильмы и сериалы, а также документальные фильмы [Исторические символы 2020], то к 2024 г. в авангарде ресурсов исторического знания оказались школьные и вузовские учебники истории [Российское общество 2024]. Вследствие последовательной государственной политики повышения качества учебной литературы и повышения роли базового, прежде всего школьного, образования после внедрения в 2023 г. в образовательный стандарт «единого учебника истории» школьные и вузовские учебники по истории вышли на первое место. За четыре года популярность школьных и вузовских учебников по истории резко выросла в перечне источников исторического знания: с 7-го места (21 %) в 2020 г. [Исторические символы 2020] на 1-е место (51 %) в 2024 г. [Российское общество 2024]. Это свидетельствует об эффективности в современной России государственной политики усиления роли официального образовательного нарратива как основы формирования исторической памяти.

Популярность интернет-ресурсов исторического знания опустилась с 4-го на 7-е место, несмотря на стабильность абсолютных показателей (26–27 %) [Российское общество 2024], что говорит о том, что на фоне укрепления популярности образовательных ресурсов исторического знания роль цифровой среды как источника альтернативных трактовок остается значимой, но не первоочередной.

Другой вопрос, что ресурсы цифровой коммуникации используются многими современными россиянами как источник информации об истории своей семьи, особенно о судьбе родных и близких в военное время. И в этом смысле интернет-ресурсы служат важным источником реконструкции россиянами истории своей семьи и укрепления семейной памяти, таким образом, влияя на их общую историческую компетентность.

4.2. Влияние семейной памяти россиян на историческую осведомленность и восприятие Великой Отечественной войны

Данные социологического опроса ФНИСЦ РАН, проведенного в сентябре 2020 г., демонстрируют интересную взаимосвязь между знанием истории своей семьи и оценкой собственных знаний по истории России. Опрос выявил, что семейная история для многих россиян выступает «мостом» к национальной истории: чем длиннее их «семейная память», тем выше уверенность в знании истории страны, чем лучше информированность россиян о судьбах своих предков, тем внимательнее они к национальному прошлому. Россияне, хорошо знакомые с историей своей семьи на протяжении как минимум четырех поколений, считают свои знания истории России «хорошими» (39 %), а доля тех, кто оценивает свои познания в семейной истории как «плохие», значительно меньше (15 %) [Исторические символы 2020].

В тех семьях, где не принято вспоминать прошлое, преобладает низкая оценка собственных исторических знаний. Среди этой группы респондентов целых 19 % считают свои знания истории России «плохими»,

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

что значительно выше, чем в других группах. Это подчеркивает важность семейной памяти и передачи исторического опыта для формирования исторической грамотности. Более глубокое понимание своей семейной истории, вероятно, способствует более внимательному интересу граждан к истории страны.

Ключевую роль в представлениях россиян о прошлом страны играет семейная память большинства граждан о военном времени и Победе советского народа в Великой Отечественной войне. В современной России победа в Великой Отечественной войне воспринимается абсолютным большинством россиян как ключевое историческое достижение, которое объединяет разные поколения и социальные группы. Это событие продолжает играть центральную роль в формировании коллективной идентичности, выступая в качестве морального и символического фундамента современного российского общества.

Поскольку Великая Отечественная война затронула практически каждую семью, это делает ее не абстрактным историческим фактом, а личной, эмоционально насыщенной памятью. Рассказы о родственниках-фронтовиках, сохранение фотографий, наград, писем и дневников, а также участие в акциях типа «Бессмертного полка» укрепляют связь между индивидуальной биографией и общенациональной историей.

Родственники большинства опрошенных в 2023 г. россиян (85 %) воевали на фронтах Великой Отечественной войны, и это является основанием национальной идентичности российского общества. Россияне не только бережно хранят память об участии родных в Великой Отечественной войне, но и активно участвуют в мемориальных мероприятиях [[Влияние нематериальных факторов 2023](#)].

По данным исследования ИС ФНИСЦ РАН, в сентябре 2020 г. большинство опрошенных россиян разных возрастных групп знали об акции «Бессмертный полк», при этом самый низкий процент знающих об акции наблюдался в возрастной группе 18–30 лет (64 %), а самый высокий — в группах 51–60 лет и старше 60 лет (по 72 %) [[Исторические символы 2020](#)]. Самая высокая доля участия наблюдалась в возрастной группе 41–50 лет (34 %), в то время как в группах 51–60 лет и старше 60 лет этот показатель составлял 27 %. Возможно, это связано с тем, что люди более старшего возраста, хотя и знают об акции, испытывают трудности с участием в массовых мероприятиях. Доля россиян, которые знают об акции, но не принимали в ней участия, также увеличивается с возрастом, что тоже может быть связано с состоянием здоровья пожилых россиян. Важно, что лишь небольшой процент респондентов (от 1 % до 2 %) впервые слышал об акции «Бессмертный полк», что говорит о ее широкой известности.

Немало этому способствует российское государство, которое крайне активно продвигает сохранение памяти о войне через мемориальные проекты («Бессмертный полк», «Георгиевская ленточка»), масштабное празднование Дня Победы и законодательные меры (например, законы

против реабилитации нацизма). Эти усилия направлены на консолидацию общества, воспитание патриотизма и обеспечение национальной безопасности.

Проведенный ИС ФНИСЦ РАН в 2024 г. опрос убедительно показывает, что Великая Отечественная война устойчиво занимает первое место среди событий, определивших судьбу России, опережая такие ключевые периоды, как распад СССР, революция 1917 г. или современные события. Воссоединение Крыма с Россией (46 %) занимает второе место, отражая его высокую значимость в общественном сознании и современной политической повестке [[Российское общество 2024](#)]. Полет Ю. А. Гагарина в космос (44 %), Крещение Руси в 988 г. (42 %) и образование СССР (40 %) также занимают высокие позиции, указывая на важность достижений в науке, религии и государственном строительстве.

Восприятие событий отечественной истории различается в зависимости от возраста респондентов. Так, для старшего поколения (старше 60 лет) полет Ю. Гагарина и Крещение Руси имеют большее значение, чем для молодежи (18–30 лет). Это может быть связано с тем, что эти события происходили в период их формирования и становления, оставив более глубокий след в их памяти. В то же время воссоединение Крыма с Россией почти одинаково оценивается всеми возрастными категориями, что свидетельствует о его актуальности и важности для всех слоев общества.

События, связанные с реформами и революциями, такие как отмена крепостного права в 1861 г. (39 %) и Октябрьская революция 1917 г. (38%), также занимают значимое место в списке, хотя и уступают по популярности Победе в Великой Отечественной войне. Распад СССР (31 %) и перестройка (17 %) вызывают более противоречивое отношение, что может быть связано с неоднозначной оценкой этих периодов в истории страны в отличие от общественного консенсуса в оценках событий военного времени. На протяжении всего постсоветского периода Победа в Великой Отечественной войне сохраняет лидирующие позиции в качестве ключевого момента национального прошлого, оставаясь краеугольным камнем национальной идентичности и оказывая доминирующее влияние на формирование исторического сознания российского общества. Как и в 2020 г., в 2024 г. в рейтинге событий отечественной истории, которые россияне считают определившими судьбу страны, на первом месте находилась победа СССР в Великой Отечественной войне [[Исторические символы 2020; Российское общество 2024](#)].

Ощущение значимости для национальной истории воссоединения Крыма с Россией за четыре года наблюдений, с 2020 г. по 2024 г., серьезно обострилось. С 10–11 места в списке наиболее важных событий отечественной истории воссоединение Крыма с Россией поднялось на вторую позицию. Вероятно, под влиянием событий, произошедших после 2020 г., Крым занял место ключевого события новейшей истории, символизирующего начало нового этапа национальной истории.

Кроме того, относительно стабильную позицию в рейтинге событий, воспринимаемых российским обществом в качестве ключевых для национальной истории, сохраняют те, что связаны с космической эрой, прежде всего полет Ю. А. Гагарина в космос. Сохраняют свою значимость также и события более отдаленного прошлого, такие как Крещение Руси и освобождение от татаро-монгольского ига, хотя их ранг и несколько понизился.

4.3. Отношение россиян к фальсификации фактов национальной истории

Результаты социологических опросов наглядно демонстрируют, что в российском обществе воспоминания о Великой Отечественной войне играют роль не только мемориальную, не только закрепляют в коллективной памяти представления о ключевом событии национальной истории, но и выступают как фактор социальной консолидации, укрепляющий связь между поколениями и формирующий единые ценности, базирующиеся на принципах самопожертвования ради общего блага, героизма и совместного преодоления трудностей. Одновременно с этим под влиянием текущих внешнеполитических реалий память о Победе становится доводом российского общества в защиту национального суверенитета и поддержания исторической правды. Попытки исказить роль Советского Союза в победе над нацизмом, как и другие факты отечественной истории, воспринимаются гражданами России как посягательство не только на историческую правду, но и на национальную гордость.

Согласно данным опроса, проведенного ИС ФНИСЦ РАН в 2020 г., значительная часть респондентов (37 %) выразила мнение о необходимости решительного отпора попыткам искажения трактовки российской истории [Исторические символы 2020]. Особенно часто такую позицию высказывали представители среднего и старшего поколений: 39 % респондентов в возрасте 41–50 лет и 45 % среди лиц старше 51 года, что указывает на их более традиционный взгляд на вопросы исторической памяти и национальной самоидентификации.

Чуть меньшее число россиян придерживалось мнения, что на неверную интерпретацию исторических событий России следует реагировать, защищая собственную версию истории и продвигая ее через художественные произведения, литературу, средства массовой информации и интернет-платформы (34 %). Данный вариант ответа был наиболее востребован среди молодежи (его выбрали 40 % респондентов в возрасте 18–30 лет), что отражает не только стремление молодых россиян использовать современные каналы коммуникации для популяризации национальной истории и культуры, но и готовность молодых людей формировать личное мнение на основе различных источников информации.

Еще реже россияне полагали, что реакцией на фальсификацию российской истории должно стать принятие справедливых обвинений в адрес нашей страны и попытка переосмысления некоторых историче-

ских событий (так полагали 4 %), и стремление сблизить позиции с оппонентами через научные дискуссии (8 %), что указывает на готовность значительной части граждан к конфронтационному разрешению исторических споров.

Обращает на себя внимание, что доля россиян, затруднившихся ответить на вопрос о должной реакции на фальсификацию истории, составляет всего 9 %, что свидетельствует о серьезной озабоченности россиян проблемой исторической интерпретации. В ситуации глубокой личной включенности в национальный нарратив большинство россиян выражает готовность активно противостоять попыткам фальсификации истории, особенно связанным с ролью СССР во Второй мировой войне. Это отражает не только доверие к официальному нарративу, но и глубокую личную вовлеченность в сохранение памяти о войне.

В 2023 г. 57 % россиян полагали, что трактовка исторических событий серьезно влияет на будущее страны, а «борьба за прошлое» имеет политическое и международное значение. По мере взросления растет популярность этой точки зрения: такая позиция популярна среди 71 % респондентов старше 60 лет, что значительно превышает средний показатель в других возрастных группах. Возможно, люди старшего поколения чаще, исходя из своего опыта, видят прямую связь между исторической памятью и консолидацией общества [[Влияние нематериальных факторов 2023](#)]. Противоположного мнения придерживаются 43 % опрошенных, которые полагают, что не стоит уделять слишком много внимания прошлому, а необходимо сосредоточиться на настоящем и будущем, оставив прошлое историкам и архивистам. Эта точка зрения более распространена среди молодых людей 18–30 лет, многие из которых хотят больше внимания уделять настоящему и будущему, в отличие от старших поколений, более внимательно относящихся к влиянию исторической памяти на общественное единство.

5. Выводы

На основании анализа социологических данных многолетних наблюдений ИС ФНИСЦ РАН, можно резюмировать, что в современном российском обществе представления об отечественной истории, закрепленные в коллективной памяти, служат основой национальной идентичности, формируют ценностные ориентиры и влияют на восприятие настоящего и будущего страны. Образы прошлого проникают в повседневную жизнь, предоставляя гражданам возможность оценивать текущую ситуацию под влиянием «уроков» национальной истории. Память о Победе в Великой Отечественной войне является базовым основанием национального единства и моральным фундаментом российского общества, объединяющим разные поколения и социальные группы.

Война затронула буквально каждую российскую семью, поэтому память о военном времени — не абстрактный исторический сюжет, а неотъемлемая часть семейной истории. Семейная память о родственни-

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

ках-фронтовиках, участие в акциях типа «Бессмертный полк» укрепляют связь между личной и общенациональной историей.

Связь национальной и семейной истории эмоционально усиливает восприятие прошлого, пробуждает исследовательский интерес и размышления о взаимосвязанных судьбах семьи и страны. Персонифицированная через семейные судьбы история делает восприятие прошлого более «чутким». В условиях внешнеполитической напряженности попытки пересмотреть историческую роль России и СССР воспринимаются современными россиянами как угроза не столько исторической, сколько семейной памяти.

Источники

Влияние нематериальных факторов 2023 — Данные проекта «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз», выполненного в ИС ФНИСЦ РАН. Проект РНФ по приоритетному направлению деятельности Российского научного фонда «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (№ 20-18-00505). Социологическое исследование проведено в апреле 2023 г. по общероссийской выборке (N=2 000), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него — по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения.

Исторические символы 2020 — Данные проекта «Исторические символы как фактор укрепления общероссийской гражданской идентичности», выполненного в ИС ФНИСЦ РАН в рамках реализации Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности, 2020–2022 г. Социологическое исследование проведено в сентябре 2020 г. по общероссийской выборке (N=2 000), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него — по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения.

Исторические символы 2022 — Данные проекта «Исторические символы как фактор укрепления общероссийской гражданской идентичности», выполненного в ИС ФНИСЦ РАН в рамках реализации Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности, 2020–2022 г. Социологическое исследование проведено в марте 2022 г. по общероссийской выборке (N=2 000), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него — по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения.

Российское общество 2024 — Данные проекта «Российское общество середины 2020-х гг.: символы прошлого, ценности настоящего, ожидания от будущего», выполненного в ИС ФНИСЦ РАН в рамках реализации Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности, 2023–2025 гг. Социологическое исследование проведено в феврале 2024 г. по общероссийской выборке (N=2 000), репрезентировавшей население страны по региону проживания, а внутри него — по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения.

Литература

- Ассман 2004 — Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Ассман 2014 — Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
- Бараш 2023 — Бараш Р. Э. Семейная история и семейная память в России 2020-х годов // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2023. № 4 (111). С. 141–162.
- Историческое сознание 2022 — Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы: опыт социологического измерения / М. К. Горшков, А. Л. Андреев, Р. Э. Бараш и др. М.: Весь Мир, 2022. 248 с.
- Стрела времени 2024 — «Стрела времени» в массовом сознании россиян: оценки прошлого, суждения о настоящем, представления о будущем / М. К. Горшков, А. Л. Андреев, Р. Э. Бараш и др. М.: Весь Мир, 2024. 308 с.
- Хальбвакс 2007 — Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.
- Wertsch 2021 — Wertsch J. V. How Nations Remember: A Narrative Approach. New York: Oxford University Press, 2021. 271 р.
- Wertsch, Roediger 2008 — Wertsch J. V., Roediger H. L. Collective memory: Conceptual foundations and theoretical approaches // Memory. 2008. Vol. 16. No. 3. Pp. 318–326. DOI: 10.1080/09658210701801434

- Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

УДК 316.752

Великая Отечественная война в социальных представлениях российской молодежи: роль семьи в гуманизации прошлого

Маргарита Сергеевна Астоянц¹

The Great Patriotic War in the Social Representations of Russian Youth: Role of the Family in the Humanization of the Past

Margarita S. Astoyants¹

¹ Южный федеральный университет (д. 105/42, ул. Большая Садовая, 344006 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

¹ Southern Federal University (105/42 Bolshaya Sadovaya St., 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation)

доктор социологических наук, доцент, заведующий

Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department

 0000-0002-0373-7484. E-mail: mastoyanc[at]sfedu.ru

Аннотация. В статье анализируются социальные представления современной российской молодежи о Великой Отечественной войне. Актуальность исследования обусловлена постепенным угасанием коммуникативной памяти в связи с уходом поколений, имевших непосредственный опыт войны, и одновременной актуализацией исторической памяти в публичном дискурсе. Теоретической основой исследования выступил социально-конструктивистский подход, объединяющий теорию социальных представлений (С. Московичи) и теорию социальных рамок памяти (М. Хальбвакс). На основе материалов 5 фокус-групп и 21 глубинного интервью показано, что в представлениях молодых людей выстраивается четкая иерархия доверия к агентам памяти, где семья, в отличие от государственных институтов и медиа, наделяется статусом основного источника подлинности. Централь-

ным результатом является выявление механизма «гуманизации» прошлого, ключевым агентом которого выступает семья. Семейные нарративы, фокусирующиеся на личном опыте, трагическом измерении события и сложных моральных выборах, позволяют молодым людям усложнять монументальный образ героя, обогащая его фигурой выжившего. Сделан вывод, что именно ценностные установки, сформированные в семье, становятся основой для рефлексивного отношения молодежи к современным коммеморативным практикам с их героико-монументальной эстетикой. Семейная память предстает как ключевой институт, сохраняющий сложную и многомерную версию прошлого в противовес тенденциям к его упрощению и ритуализации.

Ключевые слова: коллективная память, Великая Отечественная война, социальные представления, семейная память, гуманизация прошлого, молодежь, коммеморативные практики

Для цитирования: Астоянц М. С. Великая Отечественная война в социальных представлениях российской молодежи: роль семьи в гуманизации прошлого // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 3. С. 60–72.
DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-60-72

Abstract. The article analyzes social representations of the Great Patriotic War among modern Russian youth. The study's relevance stems from the fading of communicative memory as the witness generation departs, alongside the increasing actualization of the historical memory in public discourse. Based on 5 focus groups and 21 in-depth interviews, and drawing on the theories of social representations (S. Moscovici) and social frames of memory (M. Halbwachs), the research identifies a clear hierarchy of trust in memory agents. The family emerges as the primary source of authenticity for young people, distinct from state institutions and the media. The central finding is the mechanism of "humanization of the past", driven by the family. By focusing on personal experience, the tragic dimension of the event, and complex moral choices, family narratives enrich the monumental hero image with the figure of the "survivor." The article concludes that value attitudes formed within the family foster a reflexive attitude towards modern commemorative practices with their heroic-monumental aesthetics. Family memory thus acts as the key institution preserving complex and multidimensional version of the past against simplification and ritualization.

Keywords: collective memory, Great Patriotic War, social representations, family memory, humanization of the past, youth, commemorative practices

For citation: Astoyants M. S. The Great Patriotic War in the Social Representations of Russian Youth: Role of the Family in the Humanization of the Past. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*. 2025. No. 3. Pp. 60–72. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-60-72

1. Введение

Память о Великой Отечественной войне является центральным элементом современной российской национальной идентичности и ключевым ресурсом для поддержания социального единства. В публичном пространстве она представлена преимущественно в форме героического и монументального нарратива, активно транслируемого государственными институтами, в первую очередь через систему образования и офици-

альные коммеморативные практики. Однако, как отмечают ведущие отечественные социологи, за рамками этого канонического образа остаются неоднозначные, трагические и многоплановые аспекты события [Тощенко 2020: 20-29].

Актуальность социологического анализа представлений о войне сегодня обусловлена двумя ключевыми процессами. Во-первых, происходит смена поколений и уход последних прямых свидетелей, что ведет к неизбежной трансформации коммуникативной памяти, основанной на личном опыте, в опосредованную, культурную [Ассман 2014: 45-51]. Во-вторых, наблюдается повышенное внимание со стороны государственных институтов к вопросам исторической памяти, которая рассматривается как важный фактор национальной консолидации [Миллер 2012: 345-347]. В современной российской науке память о Великой Отечественной войне, действительно, активно анализируется именно как ключевой фактор консолидации полиэтнического общества, а основной акцент в научном дискурсе делается на единстве и сплоченности народов [Гриценко 2021: 168].

В этих условиях возникает ключевой исследовательский вопрос: какие социальные механизмы в современном российском обществе позволяют сохранять сложный и многомерный образ войны на фоне тенденций к его упрощению и ритуализации? Данная статья отвечает на этот вопрос посредством анализа представлений молодого поколения россиян, чье отношение к войне сформировалось исключительно на основе опосредованной памяти.

Основной тезис исследования заключается в том, что, несмотря на ослабление межпоколенческих связей, ключевым социальным институтом, обеспечивающим сохранение сложной, гуманизированной версии прошлого, продолжает оставаться семья. Мы предполагаем, что семейная память в представлениях молодых россиян функционирует не столько как простое хранилище частных воспоминаний, сколько как активная морально-этическая рамка, предоставляющая молодому поколению ресурсы для критического осмыслиения, усложнения и персонализации официальной версии истории.

2. Теоретические основания и методология анализа

Цель данной статьи — определить роль и функции семейной памяти в процессе конструирования представлений о Великой Отечественной войне у молодых россиян. Для достижения этой цели логика нашего анализа будет выстроена в три последовательных шага. Во-первых, мы охарактеризуем специфику семейной рамки памяти в сравнении с государственной и медийной, определив ее место в иерархии доверия у молодежи. Во-вторых, мы раскроем содержание процесса «гуманизации» прошлого, изучив, как семейные нарративы усложняют, персонализируют и наполняют трагическим содержанием канонический образ войны. Наконец, в-третьих, мы покажем, как опора на ценности, транслируемые в семье,

становится основой для критического восприятия молодежью современных коммеморативных практик.

Теоретико-методологической основой исследования выступает социально-конструктивистский подход, объединяющий две комплементарные концепции: теорию коллективной памяти и теорию социальных представлений. Согласно теории социальных представлений, разработанной Сержем Московичи, общество производит коллективные формы познания — «теории здравого смысла», которые позволяют индивидам осмыслять и интерпретировать окружающую их реальность [Московичи 1995]. Память о таком значимом событии, как Великая Отечественная война, функционирует в современном обществе именно как система социальных представлений — разделяемых образов, идей и ценностей, формируемых в процессе коммуникации.

В свою очередь теория коллективной памяти, заложенная Морисом Хальбваксом, позволяет проанализировать, в каких именно «социальных рамках» происходит конструирование и трансляция этих представлений. Согласно его подходу, память не является индивидуальным психологическим феноменом, а конструируется и поддерживается в «социальных рамках» — внутри определенных групп, которые предоставляют индивиду язык, ценности и схемы для воспоминаний [Хальбвакс 2007]. Вслед за ним мы выделяем три ключевые рамки, формирующие представления о войне: государственную, медийную и семейную.

Наше исследование выполнено в русле обширной традиции изучения памяти о войне в отечественном социально-гуманитарном знании. Современные российские исследования подтверждают, что память молодежи о войне формируется именно во взаимодействии этих трех институтов [Ивченков и др. 2021: 126]. При этом многие авторы фиксируют нарастающий кризис межпоколенческой трансляции. Так, О. Н. Сенюткина подчеркивает, что по мере ухода поколения свидетелей возникает острые необходимость в поиске новых, методологически обоснованных подходов к сохранению исторической памяти [Сенюткина 2020: 214]. Исследования И. А. Грошевой и соавторов эмпирически подтверждают этот разрыв, отмечая, что молодое поколение дистанцируется от обсуждения военных событий с родственниками, что ведет к возникновению потенциального отчуждения между поколениями [Грошева и др. 2020: 45]. Этот парадокс — ослабление коммуникации при сохранении высокого статуса семьи как источника доверия — и делает анализ семейной рамки особенно актуальным. П. В. Фадеев также указывает на фрагментарность и политизированность исторических знаний россиян, что, по его мнению, свидетельствует о кризисе традиционных институтов трансляции исторической памяти, таких как школа и семья [Фадеев 2021: 41].

На фоне ослабления межпоколенческой коммуникации и фрагментации знаний возрастает значимость вопроса о доверии к различным институтам памяти. Современные исследования фиксируют сложность и неоднозначность социальных представлений молодежи в этой сфере.

Так, отмечается сосуществование патриотических настроений, связанных с позитивным образом Родины / Отечества, и более сдержанного отношения к государственным институтам как таковым. Г. С. Степанова, анализируя социальные представления молодежи, показывает, что в их сознании понятия «Родина» и «Государство» не являются тождественными: первое вызывает преимущественно положительные ассоциации, в то время как второе может восприниматься с определенной долей дистанции [Степанова 2020: 139–140].

Эта дифференциация в восприятии проецируется и на отношение к памяти о Великой Отечественной войне. Молодежь, как правило, признает высокую ценность этого события как неотъемлемой части истории страны. Вместе с тем сложное отношение к официальным институтам как трансляторам этой памяти может приводить к неоднозначности и вариативности в индивидуальных оценках. Эта тенденция находит подтверждение в исследовании С. Д. Лебедева и соавторов, которое выявило, что наряду с большинством студентов, демонстрирующих позитивное отношение к событиям войны, существует значительная доля «колеблющихся в оценках», что свидетельствует об отсутствии гомогенного и непротиворечивого взгляда [Лебедев и др. 2020: 15]. Эта неоднозначность в восприятии институциональных рамок памяти актуализирует значимость семейных нарративов как основного источника подлинности.

Для концептуализации специфики семейной памяти мы обращаемся к идеям Алейды Ассман о разграничении «культурной» и «коммуникативной» памяти [Ассман 2014: 45–51], а также к концепции «постпамяти» Марианны Хирш [Hirsch 2012: 5]. Семейная память предстает как основной носитель коммуникативной постпамяти — эмоционально заряженных, фрагментарных и глубоко личных историй, унаследованных от предыдущих поколений.

Исходя из данной теоретической рамки, мы можем сформулировать центральный тезис статьи: в условиях кризиса доверия к официальным институтам и ослабления межпоколенческих связей именно семейная рамка, как носитель коммуникативной постпамяти, предоставляет молодым россиянам морально-этические ресурсы для процесса «гуманизации» культурной памяти о войне, транслируемой государством.

Эмпирической базой исследования послужили материалы, собранные в марте-апреле 2025 г. Был применен комплекс качественных методов: проведено 5 фокус-групповых интервью со студентами и учащимися лицея ($N=35$) и 21 глубинное интервью с представителями студенческой и работающей молодежи в возрасте от 16 до 35 лет. Выборка формировалась методом «снежного кома» с целевыми критериями (возраст, наличие высшего образования или обучение в вузе). Нами был проведен тематический анализ [Braun, Clarke 2006: 87–93] транскриптов интервью. Процедура анализа носила индуктивный характер и опиралась на принципы обоснованной теории (grounded theory) [Charmaz 2006: 2–3], что позволило не накладывать на заранее заданные категории, а выявлять темы и

концепции, возникающие непосредственно из нарративов самих респондентов.

3. Иерархия рамок памяти: доминирование и эрозия семейного нарратива

В представлениях молодых россиян социальные рамки памяти выстраиваются в четкую иерархию, в основе которой лежит критерий доверия и воспринимаемой аутентичности. В этой иерархии институциональные рамки, транслируемые государством и медиа, уступают первенство семейной памяти. Их содержание не всегда принимается на веру и может подвергаться критической рефлексии, в то время как семейная память наделяется наиболее высоким авторитетом.

Государственная рамка, формируемая в первую очередь через систему образования, предоставляет респондентам основной фактологический «каркас» для разговора о войне: хронологию, ключевые события, имена. Однако попытки государства сформировать ценностное отношение к прошлому не всегда находят ожидаемый отклик. У респондентов возникает дистанцирование от тех практик, которые воспринимаются как излишне формализованные и директивные. Обязательное участие в ритуалах и уроках памяти, лишенное личной мотивации, воспринимается как внешняя повинность, что препятствует формированию глубокой эмоциональной связи с событием:

«Ну, я считаю, что нужно помнить... но без какого-то фанатизма, особенно когда школьников прям заставляют, вынуждают. Все должно идти добровольно...» [ИСиР ЮФУ 2025: жен., 20 лет, студентка].

Еще большее недоверие вызывают современные медиа. Если советский кинематограф в представлениях молодежи все еще сохраняет статус канонического источника, то современные СМИ и популярные формы коммеморации часто воспринимаются как инструмент политической манипуляции, коммерциализации и профанации памяти. Респонденты демонстрируют высокий уровень медиаграмотности, критически оценивая подобные практики. Они указывают на неискренность и формальный характер современных мероприятий, что подрывает доверие к ним как к источнику подлинной памяти:

«Не знаю, как это, наверное, транслируется в СМИ, как это преподносится, как это начинает навязываться очень сильно именно всякими организациями новыми, как это... выглядит не очень искренне...» [ИСиР ЮФУ 2025: жен., 24 года, работает].

На фоне этого институционального недоверия семья в нарративах респондентов предстает как основной, а порой и единственный носитель «подлинной» памяти. Семейная память, как отмечает Л. Ю. Логунова, играет ключевую роль в передаче социокультурного опыта и формировании идентичности [Логунова 2011: 6]. Наши данные подтверждают, что семейные истории воспринимаются как наиболее достоверные, поскольку они передают не идеологию, а личный человеческий опыт. Доверие к

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

ним настолько высоко, что они способны корректировать или даже опровергать официальные исторические версии.

Однако, наделяя семью высоким статусом доверия, респонденты одновременно фиксируют процесс ослабления этого канала трансляции. Наши данные, подтверждающие выводы других исследователей [Кабытов и др. 2020: 488], показывают, что этот «разрыв памяти» проявляется на нескольких уровнях.

Во-первых, это фрагментарность знаний. Даже у тех, кто заявляет о наличии воевавших предков, знания об этой части семейной истории часто носят поверхностный и обрывочный характер. Молодые люди могут не знать имен, мест службы или конкретных фактов биографии:

«Конечно, были участники Великой Отечественной войны у меня в семье. Это мой прадедушка, который точно так же принимал, естественно, непосредственно свое участие, вносил какую-то, играл роль» [ИСиР ЮФУ 2025: муж., 21 год, работает];

«Мне крайне неловко, потому что я очень плохо знаю историю своей семьи. <...> у нас не было вот этих семейных уз» [ИСиР ЮФУ 2025: жен., 21 год, студентка].

Эта фрагментарность особенно заметна у младшей когорты респондентов (до 18 лет), что говорит об усугублении проблемы с каждым новым поколением.

Во-вторых, наблюдается угасание материальной памяти. Семейные реликвии — фотографии, награды, письма — являются важными элементами, объективирующими воспоминания. Однако респонденты отмечают, что таких реликвий в семье не сохранилось, либо интерес к ним носит, скорее, ситуативный, чем системный характер. Зачастую они хранятся у старших родственников, и молодежь видит их лишь изредка:

«Да, фотографии хранятся и награды хранятся. С фронта точно есть пару фотографий, ... я видел их пару-тройку раз и все...» [ИСиР ЮФУ 2025: муж., 21 год, работает];

«Остались только фотографии деда, в том числе военные. Смотрим редко. В детстве носил в школу на какие-то мероприятия...» [ИСиР ЮФУ 2025: муж., 35 лет, работает].

Даже при наличии реликвий не возникает практики их совместного изучения; ни один из респондентов не упомянул об оцифровке архивов или целенаправленной передаче этих знаний своим детям.

В-третьих, трансформируются коммеморативные семейные ритуалы. Если в школьные годы участие в публичных акциях (парады, «Бессмертный полк») было более активным, то у студенческой и работающей молодежи оно часто сменяется пассивными, медиатизированными формами:

«Посещал, но в основном в детстве, в детские годы да, когда мне было лет 7–8–10... теперь стали просто смотреть по телевизору» [ИСиР ЮФУ 2025: муж., 31 лет, работает];

«Обычно это проходило так, что вначале мы включаем телевизор и все вместе смотрим парад Победы. Меня к этому приучали еще с малых лет....» [ИСиР ЮФУ 2025: жен., 19 лет, студентка].

Традиция совместного просмотра военных фильмов, характерная для старшего поколения, также упоминается лишь изредка.

Таким образом, семейная рамка памяти находится в амбивалентном состоянии. С одной стороны, она остается для молодежи основным источником доверия и моральным ориентиром. С другой — ее содержание и каналы трансляции подвержены эрозии. Именно этот высокий статус на фоне прогрессирующего ослабления и делает семейную память ключевым объектом для анализа, так как в ней сохраняются те сложные и гуманизированные версии прошлого, которые вытесняются из других социальных рамок.

4. Механизм гуманизации: усложнение исторического нарратива в семейной памяти

Обладая высоким статусом доверия, семейная память становится для молодых россиян не просто хранилищем информации, а активным инструментом для интеллектуальной и этической работы с прошлым. Ее ключевая функция заключается в «гуманизации» — процессе, в ходе которого монументальный, обезличенный нарратив о войне, усвоенный из институциональных источников, усложняется, персонализируется и наполняется человеческим содержанием. Этот механизм работает в нескольких направлениях.

Во-первых, семейная память обеспечивает персонализацию истории, смещая фокус с макрособытий на микроуровень человеческой судьбы. В отличие от учебника, оперирующего масштабами армий и фронтов, семейный рассказ всегда повествует о конкретном человеке. Имена, места службы, детали биографии, даже если они фрагментарны, превращают абстрактного «солдата-победителя» в «моего прадеда Петра Михайловича», делая историю частью личной идентичности:

«По отцовской линии у меня был дед, Петр Михайлович. В конце войны, когда мы взяли Берлин, русский народ взял, а он воевал на корабле с Японией <...>. ... и по маминой линии прадед — он был танкистом» [ИСиР ЮФУ 2025: муж., 20 лет, студент];

«В моей семье есть участник, значимый участник для нашей семьи <...>. Это дедушка моей мамы, мой прадед Пашков Михаил Степанович. Он родился в Севастопольском крае, в селе Красногвардейском, где и родилась я» [ИСиР ЮФУ 2025: жен., 19 лет, студентка].

Одновременно с персонализацией происходит акцентирование трагического измерения войны. Если официальный нарратив тяготеет к триумфальному пафосу, то в семейной памяти доминируют мотивы страдания, потерь и высокой цены, заплаченной за Победу. Даже те респонденты, чьи предки не были на фронте, унаследовали память о войне как о тотальной травме, пронизывавшей все аспекты жизни, в первую очередь — через память о голоде.

«И она [прабабушка] не рассказывала про какие-то события на фронте, потому что она была маленькая и жила в Сибири. <...> но при этом я

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

отчетливо помню, что она всегда говорила именно об ужасном голоде» [ИСиР ЮФУ 2025: жен., 22 года, студентка].

В этом контексте само событие Победы в семейной традиции часто воспринимается не только как повод для ликования, но и как день скорби, что создает смысловой диссонанс с некоторыми современными коммеморативными практиками.

Во-вторых, семейные нарративы вводят в картину войны моральную неоднозначность, разрушая простую дилемму «герой – предатель». Канонический образ героя, готового без колебаний отдать жизнь за Родину, в семейных историях усложняется трагической и многогранной фигурой «выжившего». Это человек, который сталкивался со страхом, нечеловеческими условиями и принимал сложные решения, не всегда вписывавшиеся в героическую рамку. Семейные истории полны таких сюжетов о спасении через хитрость, о вынужденной работе на оккупантов или о преодолении ужасов плены:

«Один из дедов... попал в концлагерь, оттуда чудом выбрался и сменив одну букву в фамилии... каким-то чудом вышел» [ИСиР ЮФУ 2025: муж., 19 лет, студент];

«И мне рассказывал дедушка, что его отец... просто продолжал работать [машинистом], но уже на немецких захватчиков. То есть там, грубо говоря, под угрозой расстрела, ему ничего не оставалось» [ИСиР ЮФУ 2025: муж., 18 лет, студент].

Эти истории не отменяют подвига, но показывают, что пространство войны было не только полем боя, но и пространством выживания, где моральные выборы были гораздо сложнее, чем это представлено в официальной истории.

Наконец, в некоторых случаях семейная память становится носителем того, что в «memory studies» принято называть «контр-памятью». Речь идет о воспоминаниях, которые не просто дополняют, а вводят в исторический контекст сюжеты, находящиеся за рамками канонической версии прошлого, построенной на идее всенародного единства. В первую очередь это касается памяти о трагических страницах истории 1930-х гг. Включение этих сюжетов в рассказ о войне существенно усложняет его структуру, показывая, что семейная история некоторых респондентов хранит память о трагических событиях, связанных не только с внешней агрессией, но и с внутренними политическими процессами того времени:

«И по материнской и по отцовской линии <...> мои прабабушки, прадедушки по материнской линии были репрессированы, дедушки находился в Ярославле в так называемой шарашке» [ИСиР ЮФУ 2025: муж., 27 лет, работает].

Такие нарративы, чаще встречающиеся у респондентов из старшей возрастной группы (работающей молодежи), свидетельствуют о более глубокой рефлексии и способности интегрировать в личную историю сложные и противоречивые пластины прошлого.

Таким образом, механизм гуманизации, работающий через семейную рамку, выполняет важнейшую социокультурную функцию. Он не позво-

ляет исторической памяти превратиться в застывший, безличный и одномерный конструкт. Обогащая официальную историю личным опытом, трагическим содержанием и моральной сложностью, семейная память сохраняет ее живой, многомерной и по-настоящему значимой для новых поколений.

5. Критическое осмысление коммеморативных практик

Процесс гуманизации прошлого, укорененный в семейной памяти, не остается чисто рефлексивным актом, а напрямую влияет на то, как молодые россияне воспринимают и оценивают современные публичные формы коммеморации. Наши данные показывают, что именно опора на семейные нарративы, акцентирующие трагизм и человеческую цену войны, становится основой для критического дистанцирования от некоторых официальных и популярных ритуалов. В этой точке мы можем наблюдать сложное взаимодействие двух различных коммеморативных эстетик. С одной стороны, это «эстетика скорби», укорененная в семейной памяти о цене победы, с другой — «героико-монументальная эстетика», доминирующая в публичном пространстве и акцентирующая триумф. В представлениях молодых людей эти две эстетики не столько противостоят друг другу, сколько сосуществуют, порождая то самое амбивалентное отношение к празднику, о котором говорят респонденты, где гордость за победу неразрывно связана с грустью и скорбью по погибшим:

«Чувства вызывают смешанные. Гордость, радость, печаль» [ИСиР ЮФУ 2025: муж., 34 года, работает];

«...у меня вызывает больше и гордость, и грусть. Потому что, да, на самом деле грустно, потому что столько людей пострадало...» [ИСиР ЮФУ 2025: муж., 20 лет, студент].

Именно эта сформированная в семье установка на восприятие войны как трагедии и порождает критическое отношение к тем коммеморативным практикам, которые, по мнению молодежи, игнорируют или приглушают это измерение. Негативную реакцию вызывают формы, которые респонденты интерпретируют как профанацию, неуместную коммерциализацию или демонстрацию воинственности:

«...не люблю, что на машинах любят наклейки клеить, типа, может, повторим. (...) Ты хочешь повторить тот кошмар, который происходил?» [ИСиР ЮФУ 2025: жен., 21 год, студентка].

Респонденты отмечают смещение акцента в публичных ритуалах с памяти о людях на демонстрацию государственной мощи, что также вызывает у них внутренний диссонанс:

«...они [парады] как будто из зданий памяти превращались больше в демонстрацию силы» [ИСиР ЮФУ 2025: жен., 22 года, студентка].

Особенно показателен пример ритуала «Бессмертного полка». Задуманный как глубоко личный акт семейной памяти, в восприятии молодежи он часто предстает как формализованное, «обязательное» мероприятие, особенно в контексте школьного участия:

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

«В школе устраивали бессмертный полк, вот, и мы всегда шли» [ИСиР ЮФУ 2025: жен., 18 лет, студентка];

«Мой класс был казачьей направленности, и мы постоянно участвовали в местном нашем станичном параде Победы, были всячески задействованы» [ИСиР ЮФУ 2025: муж., 19 лет, студент].

Такое организованное участие, лишенное личного порыва, снижает ценность ритуала в глазах молодых людей и превращает его в еще одну формальную обязанность, аналогичную школьным урокам.

Таким образом, семейная память выполняет функцию морально-этического фильтра. Она формирует у молодого поколения определенные критерии «подлинности» и «уместности» в разговоре о войне. Практики, которые соответствуют этим критериям (например, просмотр старых советских фильмов о Великой Отечественной войне или возложение цветов), принимаются. Те же, что воспринимаются как неискренние, чрезмерно пафосные или агрессивные, вызывают критику и отторжение. Это демонстрирует, что семейная рамка не просто существует с государственной, но и активно влияет на ее восприятие, позволяя индивиду занимать рефлексивную и оценочную позицию.

6. Заключение

Социальные представления о Великой Отечественной войне у современной российской молодежи представляют собой сложный, многоуровневый конструкт. Результаты проведенного исследования показали, что в условиях ослабления прямых каналов межпоколенческой трансляции именно семейная память становится ключевым институтом сохранения гуманизированной версии прошлого. Память о войне формируется вialectическом взаимодействии трех основных социальных рамок — государственной, медийной и семейной, — которые выстраиваются в сознании молодых людей в четкую иерархию доверия.

Особый статус семейной памяти является центральным феноменом, выявленным в ходе исследования. В отличие от государственной рамки, предоставляющей фактологический каркас, но часто воспринимаемой как излишне формализованная, и медийной, вызывающей критику за манипулятивность, семья функционирует для молодежи как основной маркер подлинности исторического опыта. Высокий кредит доверия к семейным нарративам позволяет им выступать в качестве активной морально-этической рамки.

Ключевая функция этой рамки заключается в запуске процесса «гуманизации» прошлого. Семейные истории не столько опровергают официальную версию, сколько усложняют и дополняют ее через персонализацию, акцентирование трагического измерения войны и введение моральной неоднозначности. Монументальный образ героя в представлениях молодежи обогащается многогранной фигурой выжившего, а идея государственного триумфа обретает глубину через призму личной скорби.

Результат этого процесса гуманизации проявляется в критическом осмыслении молодежью современных коммеморативных практик. Опи-

ряясь на ценности, транслируемые в семье, респонденты выражают не-приятие тех форм коммеморации, которые они воспринимают как профанацию или неуместную демонстрацию воинственности. Семейная память формирует у них рефлексивную позицию по отношению к публичному дискурсу о войне.

Таким образом, коллективная память о Великой Отечественной войне у современного молодого поколения россиян представляет собой сложное поле, характеризующееся одновременным существованием официального, монументального канона и личной, гуманизированной и зачастую противоречивой версии прошлого. Именно семейная память выполняет важнейшую социокультурную функцию, препятствуя окончательной ритуализации и упрощению исторического сознания. Изучение этого взаимодействия позволяет глубже понять не только механизмы работы памяти, но и ценностные основания, на которых молодежь выстраивает свое отношение к историческому прошлому.

Источники

ИСиР ЮФУ 2025 — Материалы качественного социологического исследования «Великая Отечественная война в социальных представлениях современной российской молодежи», проведенного коллективом исследователей Института социологии и регионоведения Южного федерального университета в марте-апреле 2025 г. Эмпирическая база: 5 фокус-групповых интервью (N=35), 21 глубинное интервью (N=21). Архив ИСиР ЮФУ.

Литература

- Ассман 2014 — Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
- Гриценко 2021 — Гриценко Г. Д. Память о Великой Отечественной войне как фактор консолидации российского полиэтнического общества // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 2. С. 156–172. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-156-172
- Грошева и др. 2020 — Грошева И. А., Грошев И. Л., Грошева Л. И. Коллективная память студенческой молодежи в эпоху постмодерна // Siberian Socium. 2020. Т. 4. № 3(13). С. 33–48. DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-3-33-48
- Ивченков и др. 2021 — Ивченков С. Г., Никифоров Я. А., Ситникова С. В. Социальная память о Великой Отечественной войне в поколенческом ракурсе (кейс Саратовской области) // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 125–136. DOI: 10.31857/S013216250014473-3
- Кабытов и др. 2020 — Кабытов П. С., Кабытова Н. Н., Баринова Е. П. Семейные истории о Великой Отечественной войне: специфика исторических источников // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2020. Т. 20. Вып. 4. С. 482–489. DOI: 10.18500/1818-9601-2020-20-4-482-489
- Лебедев и др. 2020 — Лебедев С. Д., Шаповалова И. С., Рошупкина Н. А., Шкапенко А. А. Социальная травма и ценности поколений: Великая Отечественная война в исторической памяти студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6. № 2. С. 3–18. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-1

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

- Логунова 2011 — *Логунова Л. Ю.* Семейно-родовая память как социальный феномен. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2011. 227 с.
- Миллер 2012 — *Миллер А. И.* Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. / под ред. А. Миллера, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 328–367.
- Московичи 1995 — *Московичи С.* Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 1. С. 3–18.
- Сенюткина 2020 — *Сенюткина О. Н.* Рецензия на монографию «Спасибо прадеду за Победу...». Материалы IV этапа мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 4. С. 212–218. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.686
- Степанова 2020 — *Степанова Г. С.* Содержание социальных представлений о государстве и отечестве у современной молодежи как проявление патриотизма // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 4 (94). Ч. 2. С. 138–141. DOI: 10.23670/IRJ.2020.94.4.046
- Тощенко 2020 — *Тощенко Ж. Т.* Что происходит с исторической памятью о Великой Отечественной войне // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 20–29. DOI: 10.31857/S013216250009444-7
- Фадеев 2021 — *Фадеев П. В.* Историческая память россиян в социологических опросах: основания, реальность, проблемы // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 36–54. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.710.
- Хальбвакс 2007 — *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
- Braun, Clarke 2006 — *Braun V, Clarke V.* Using thematic analysis in psychology. Qualitative Research in Psychology. 2006. Vol. 3. No. 2. Pp. 77–101. DOI: 10.1191/1478088706qp063oa
- Charmaz 2006 — *Charmaz K.* Constructing Grounded Theory: A Practical Guide Through Qualitative Analysis. London: Sage Publications, 2006. 288 p.
- Hirsch 2012 — *Hirsch M.* The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. New York: Columbia University Press, 2012. 320 p.

УДК / UDC 316.65

**Векторы эволюции памяти
о Великой Отечественной войне
в сознании студентов Северо-Кавказского
федерального университета¹**

Ольга Владимировна Паслер¹

**Evolution Vectors of the Great Patriotic War Memory
in the Minds of the North Caucasus Federal University
Students**

Olga V. Pasler¹

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355017 Ставрополь, Российская Федерация) кандидат политических наук, доцент

¹ North Caucasus Federal University (1, Pushkin St., 355017, Stavropol, Russian Federation)

Cand. Sc. (Politics), Associate Professor

 0000-0003-1846-2054. E-mail: olga_pasler[at]mail.ru

Аннотация. На материалах социологического исследования, проведенного в 2025 г. в Северо-Кавказском федеральном университете, анализируются ключевые тенденции восприятия студенческой молодежью Дня Победы и памяти о Великой Отечественной войне. Выборка составила 396 респондентов. Рассматриваются факторы, влияющие на формирование исторического сознания студентов, включая источники информации, семейную память и участие в памятных практиках. Выявлен устойчивый высокий уровень значимости темы войны для молодого поколения при одновременной трансформации способов ее осмысливания. Отмечается смещение акцентов в сторону цифровых форматов сохранения памяти и роста запроса на ее цифровизацию. Эмоциональное восприятие Дня Победы эволюционирует в сторону усиления мемориально-скорбной составляющей при сохранении понимания его как важнейшего исторического события. Результаты исследования сопоставляются с данными общероссийских исследований.

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историческая память, молодежь, студенты, Северо-Кавказский федеральный университет, социологическое исследование, патриотизм, цифровизация памяти

Для цитирования: Паслер О. В. Векторы эволюции памяти о Великой Отечественной войне в сознании студентов Северо-Кавказского федерального университета // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 3. С. 73–84. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-73-84

Abstract. The article analyzes the key trends in student perception of Victory Day and the Memory of the Great Patriotic War based on the materials of a sociological study conducted in 2025 at the North Caucasus Federal University. A total of 396 respondents were interviewed. The factors influencing the formation of students' historical consciousness, including information sources, family memory, and participation in memorial practices, are considered. A stable high level of importance of the topic of war for the younger generation has been revealed, while at the same time transforming the ways of understanding it. There is a shift in emphasis towards digital storage formats and an increasing demand for its digitalization. The emotional perception of Victory Day is evolving towards strengthening the memorial and mournful component while maintaining its understanding as an important historical event. The results of this study are compared with data from nationwide studies.

Keywords: The Great Patriotic War, historical memory, youth, students, North Caucasus Federal University, sociological research, patriotism, digitalization of memory

For citation: Pasler O. V. Evolution Vectors of the Great Patriotic War Memory in the Minds of the North Caucasus Federal University Students. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*. 2025. No. 3. Pp. 73–84. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-73-84

1. Введение

Актуальной задачей для современного общества, в особенности для России, являются обеспечение преемственности поколений, трансляция накопленного исторического опыта, а также сохранение и актуализация исторической памяти. Эти элементы служат основой для общественной консолидации, стабильности и устойчивого развития, являясь приоритетами государственной молодежной политики. Отсутствие связи с традициями и непонимание исторического контекста может привести к повторению ошибок прошлого и неэффективному ответу на современные вызовы.

Историческое сознание российской молодежи формируется в условиях динамичных трансформаций последних десятилетий, что требует глубокого и объективного анализа. Новые социальные нормы, нередко противоречащие традиционным установкам, порождают иные практики и структуры, которые зачастую вызывают отторжение, особенно в молодежной среде. Углубление разрыва между поколениями, отсутствие взаимопонимания и уважения создают риски для социальной стабильности. Молодые люди, слабо ориентирующиеся в истории своей страны, более подвержены внешнему влиянию и манипуляциям.

Особую озабоченность вызывает учащающиеся случаи искажения и фальсификации истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. [Обзор. НЦПТИ 2022; Заявление МИД 2020; РБК 2019]. Это представляет собой не только историческую проблему, но и прямую угрозу национальной безопасности. Попытки пересмотра роли советского народа в победе над нацизмом подрывают национальное самосознание и ослабляют государство.

Историческая память представляет собой сложный, динамичный и субъективный духовный феномен. На ее формирование влияет множество социально-экономических факторов, а сама она интегрирует элементы национальных традиций и повседневной жизни. Память отдельных людей, социальных групп и общества в целом отличается фрагментарностью, избирательностью и зависимостью от идеологических установок и личных переживаний. Учет этих особенностей важен для формирования исторического сознания и патриотизма, который должен включать не только запоминание, но и критическое осмысление прошлого.

Великая Отечественная война и День Победы занимают центральное место в коллективной памяти российского общества, однако их восприятие молодежью постоянно меняется. В условиях смены поколений и цифровой трансформации общества возникают новые вызовы, связанные с сохранением аутентичной памяти о ключевых исторических событиях. Молодежь, находящаяся в процессе становления ценностных ориентаций, представляет особый интерес для анализа эволюции коллективной памяти. Целью настоящего исследования является выявление специфики восприятия памяти о Великой Отечественной войне современным студенчеством, а также факторов, влияющих на ее формирование.

2. Материалы и методы

В основе нашей работы лежат теоретические концепции, которые анализируют такие важные аспекты, как коллективные представления, публичная история и политика памяти. Мы можем выделить две ключевые группы исследований, каждая из которых предлагает уникальный подход к пониманию исторической памяти и ее влияния на общество.

К первой группе принадлежат работы, в которых ученые сконцентрированы на процессе формирования исторической памяти в условиях со-перничества альтернативных трактовок коллективного прошлого [Малинова 2015; Бубнов 2017]. Согласно данной парадигме, ключевую роль в конструировании массовых исторических представлений играют государственные институты и структуры гражданского общества, которые воздействуют на укрепление национальной идентичности через акцентирование внимания на конкретных исторических событиях и персонажах. Взаимодействие официальных нарративов и общественного сознания формирует сложную смысловую структуру, определяющую особенности осмыслиения и оценки тех или иных исторических событий.

- Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

Вторая группа исследований специализируется на социологическом изучении памяти о Великой Отечественной войне. В них осуществляется комплексный анализ того, как различные социальные группы воспринимают данное историческое событие, какие механизмы формирования, трансформации и актуализации коллективной памяти о войне доминируют в сознании различных поколений [Афанасьева, Меркушин 2005; Бубнов, Савельева 2021; Лашук 2015; Немирова 2015; Тавокин, Табатадзе 2010].

В основу эмпирической части нашей работы легли результаты пилотажного анкетного исследования, проведенного в апреле 2025 г. на базе Северо-Кавказского федерального университета (СКФУ) в преддверии празднования 80-летия Победы. Выборочная совокупность составила 396 студентов в возрасте от 17 лет и старше, включая магистрантов 1–2 курсов. Ошибка выборки не превышает 5 %. Сбор данных осуществлялся методом стандартизированного онлайн-опроса. В качестве инструментария частично использовалась методика мониторингового проекта Российского общества социологов (РОС) «Отношение студенчества к Великой Отечественной войне» [Вишневский и др. 2020: 124–125], который реализуется с периодичностью раз в 5 лет, начиная с 2005 г.

Для сравнительного анализа с общероссийскими тенденциями использовались также данные ряда социологических исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), посвященных тематике Дня Победы [ВЦИОМ 2023; ВЦИОМ 2024].

Структура выборочной совокупности авторского исследования представлена на рис. 1.

Несмотря на пилотажный характер исследования, где пол, возраст и специализация не были ключевыми переменными, выборка свидетельствует, что большинство респондентов родились после 2000 г., т. е. являются внуками или правнуками ветеранов. Поскольку основную массу участников исследования составили студенты гуманитарных и общественных направлений, а также креативных индустрий, то большую часть опрошенных составили девушки.

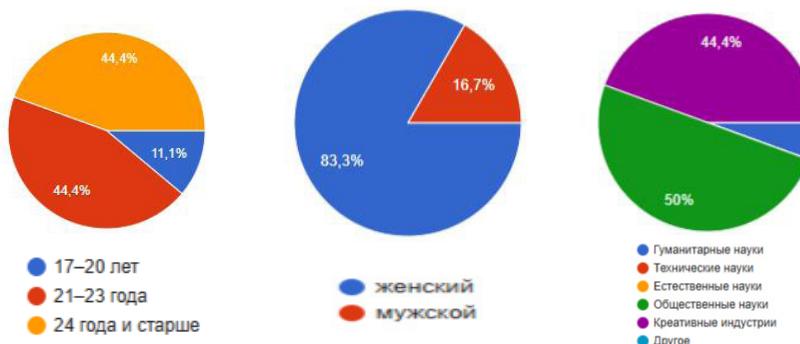

Рис. 1. Характеристика выборочной совокупности (%)

3. Результаты и их обсуждение

1. Уровень информированности и источники знаний о Великой Отечественной войне

Восприятие исторических событий во многом определяется уровнем информированности о них. В первой части анкеты студентам было предложено самостоятельно оценить свои знания о Великой Отечественной войне (рис. 2).

Подавляющее большинство студентов (83,3 %) оценивают свой уровень знаний о Великой Отечественной войне как хороший или достаточный (знание общих исторических фактов). Респондентов с низкой самооценкой знаний не выявлено.

В качестве более объективных показателей знаний о Великой Отечественной войне мы предложили респондентам перечислить 3 ключевых события войны и назвать 3 значимые фигуры из числа исторических деятелей, полководцев, героев Великой Отечественной войны. Необходимо отметить, что почти 98 % опрошенных смогли справиться с заданием. Наиболее частыми ассоциациями были Курская битва, блокада Ленинграда, Сталинградская битва, а также личности И. В. Сталина, Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского. На рис. 3 представлена визуализация популярных ответов респондентов.

На вопрос «Откуда Вы чаще всего получаете информацию о Великой Отечественной войне?», предполагающий возможность выбора нескольких ответов, большинство студентов отметили в качестве постоянных источников фильмы и документальные проекты (88,9 %), а также музеи и выставки (72,2 %). Значительная доля респондентов черпает сведения из рассказов родных, учебников и лекций (по 55,6 %) (рис. 4).

При этом высокий уровень знаний на предыдущие вопросы коррелирует с использованием традиционных источников информации (учебники и лекции, рассказы родных). Молодежь, опирающаяся на социальные сети и интернет-ресурсы, чаще оценивает свои знания как «средние».

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете свой уровень знаний о событиях Великой Отечественной войны?» (%)

- Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

Рис. 3. Визуализация ответов студентов СКФУ о ключевых событиях и значимых фигурах Великой Отечественной войны

По сравнению с общероссийскими показателями исследования РОС 2020 г., молодежь СКФУ демонстрирует смену акцентов. Так, 5 лет назад приоритетным источником информации о Великой Отечественной войне с точки зрения общероссийской студенческой молодежи были школьные учебники и лекции (более 75 %). Резко упал показатель обращения в качестве источника информации к встречам с ветеранами войны — с 43,4 % до 11,1%, а также рассказы родных — с 64,6 % до 55,6 % [РОС].

К сожалению, в силу объективных причин, ветеранов, непосредственно участвовавших в боевых действиях, равно как и их вдов, несовершеннолетних узников концлагерей, тружеников тыла и жителей блокадного Ленинграда, осталось на сегодняшний день очень мало. Ведь всем ветеранам войны уже под сотню лет. Министр обороны России Андрей Белоусов во время заседания оргкомитета «Победа» 15 января 2025 г. сообщил, что в стране осталось лишь около семи тысяч ветеранов-фронтовиков Великой Отечественной войны [[Белоусов назвал 2025](#)]. И это количество с каждым годом стремительно снижается. В связи с этим молодое поколение уже не имеет возможности общаться с очевидцами тех далеких событий. По данным исследования, все больше студентов СКФУ обращаются к социальным сетям и интернет-ресурсам как источнику информации (55,6 % по сравнению с 2020 г. — 18,5 %). С очевидностью можно отметить растущий запрос молодежи на цифровизацию памяти, проекты оцифровки семейных архивов с размещением информации в открытом интернет-доступе.

2. Оценка вклада стран в Победу. На вопрос о вкладе различных стран в победу над фашизмом все опрошенные (100 %) отметили значительную роль СССР. При оценке вклада других участников антигитлеровской коалиции преобладала оценка «не очень значительный»: США (67 %), Великобритания (55,8 %), Франция (44,7 %), Китай (44,6 %). Наименее весомым, по мнению студентов, был вклад Франции (44,2 %) (рис. 5).

Любопытным является сравнение полученных результатов с европейскими исследованиями. Так, по данным опроса общественного мнения, проводившегося британским агентством ICM Research весной 2015 г. в Великобритании, Франции и Германии (N=3 000), только 13 % опрошен-

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Откуда Вы чаще всего получаете информацию о Великой Отечественной войне? (%)»

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете вклад разных стран в победу над фашизмом? (%)

ных «отдали» ключевую роль в освобождении Европы Советской армии. Большинство французских и немецких граждан полагали, что наиболее весомый вклад в освобождении стран Европы от фашизма принадлежит американским войскам — 61 % и 52 % соответственно, а почти половина (46 %) опрошенных жителей Великобритании уверены, что ключевую роль в тех боях сыграла армия Великобритании [Российский диалог 2015].

Между тем, по разным оценкам, Красная армия освободила около 50 % территории современных европейских государств, исключая при этом собственно европейскую часть России. При этом следует подчеркнуть, что Красная армия понесла колоссальные человеческие потери, значительно превышающие потери союзников. Совокупное население освобожденных Красной армией стран составило более 120 млн чел., что

подчеркивает масштаб и значимость ее действий в контексте освобождения Европы от фашистского гнета.

3. Семейная память и мемориальные практики. Все респонденты осведомлены об участии или неучастии своих родственников в Великой Отечественной войне, однако лишь 44,4 % знают детали их боевого пути.

Необходимо отметить, что за последние годы, по данным общероссийских исследований ВЦИОМ, россияне стали чаще говорить в своей семье о Великой Отечественной войне (2018 г. — 81 %, 2024 г. — 89 %) [ВЦИОМ 2024]. По результатам нашего исследования 94,4 % студентов СКФУ беседуют с родными на данную тему. Однако каждый третий опрошенный (33,3 %) не знает боевой путь своих дедов и прадедов, подробностей их жизни в годы войны, а примерно каждый шестой респондент (16,7 %) сообщил, что их родственники, которые принимали участие в Великой Отечественной войне, пропали без вести или погибли и больше ничего о них не известно. Почему же так происходит?

Одной из причин является то, что многие молодые люди никогда не встречались со своими родственниками, которые были участниками войны, что приводит к утрате живого контакта и передачи личных историй. Кроме того, в современном мире, где время стало дефицитом, часто не хватает возможности для долгих и содержательных бесед между детьми и родителями. Хотя такие беседы, как мы видим из результатов опроса, ведутся, но в большинстве своем знания о семейной истории, касающейся Великой Отечественной войны, у молодежи сводятся к кратким справочным сведениям, а детали и эмоции, связанные с этими событиями, остаются нерассказанными.

На рис. 6 представлено распределение ответов на вопрос: «Если в Вашей семье хранятся реликвии военных лет, то какие?». Результаты показали, что в 33,3 % семей военные реликвии отсутствуют, а 14,6 % студентов не информированы об их наличии. Среди сохранившихся артефактов преобладают фотографии (7 %), награды (47,2 %) и документы (27,8 %). Полученные результаты схожи с данными общероссийского исследования ВЦИОМ, где в 32,9 % семей не хранятся военные реликвии и в 16,7 % не знают об этом [ВЦИОМ 2024].

Таким образом, эмоциональная связь, которая могла бы формироватьсья через носителей памяти, через передачу военных реликвий от старшего поколения к младшему, постепенно теряется.

4. Восприятие Дня Победы и его значение. Отвечая на вопрос о способах проведения 9 мая, студенты чаще всего выбирали варианты: «участвую в праздничных мероприятиях» (72,2 %), «смотрю парад по ТВ» (66,7 %), «принимаю участие в шествии „Бессмертный полк“ (в том числе в онлайн-формате)» (61,1 %).

Показательной является статистика ответов на вопрос о разделяемой в отношении Великой Отечественной войны позиции, а также ее сравнение с данными общероссийских исследований ВЦИОМ разных годов (табл. 1).

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Если в Вашей семье хранятся реликвии военных лет, то какие?» (%)

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Сегодня по поводу Великой Отечественной войны высказываются различные точки зрения. Скажите, пожалуйста, какую из них Вы разделяете? Выберете одну, наиболее близкую Вам позицию» (в %)

	РФ, 2005*	РФ, 2024*	СКФУ, 2025
Это самая большая победа России на протяжении всей ее истории, поэтому 9 Мая для нас самый важный праздник	76	67	59,3
В ходе Великой Отечественной войны погибли десятки миллионов наших граждан, и надо считать 9 Мая не праздником, а днем памяти и скорби	18	25	33,5
Сегодня Великая Отечественная война — это уже далекая история, которая не слишком волнует нынешнее поколение	5	4	1,3
Затрудняюсь ответить	1	4	5,9

*Данные из обзора исследований ВЦИОМ [[ВЦИОМ 2024](#)].

Для 59,3 % студентов День Победы остается самым важным праздником, однако наблюдается рост доли тех, кто рассматривает его преимущественно как день памяти и скорби (33,5 %). Федеральные исследования подтверждают, что фундаментальная роль Великой Отечественной войны в истории России остается незыблемой даже для молодого поколения. Действительно, лишь незначительное число студентов СКФУ (1,3 %) считают Великую Отечественную войну далеким прошлым, не интересным нынешнему поколению.

Наблюдается общероссийская тенденция, характерная и для СКФУ, — усиление восприятия Дня Победы как дня памяти и скорби. Эта трансформация эмоциональной окраски связана с переходом к опосредованному восприятию событий через книги, фильмы, музеи, мемориалы и интернет.

Чувство скорби и почтения к памяти павших — это также проявление патриотизма, только у современной молодежи его выражение принимает более разнообразные формы: от участия в различных мероприятиях

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

(культурных, спортивных, волонтерских и др.), посвященных Дню Победы, встреч с ветеранами или их потомками, до распространения собственного контента, посвященного войне.

При этом, по результатам опроса, 72,2 % студентов подтвердили, что уже участвовали в мероприятиях, посвященных Великой Отечественной войне, организованных университетом, а 22,3 % — не участвовали, но изъявили такое желание в будущем, лишь 5,6 % заявили об отсутствии интереса.

На вопрос «Что, по Вашему мнению, университет должен делать для сохранения памяти о войне?» большинство студенческой молодежи СКФУ выбрали вариант «создавать цифровые архивы (истории студентов, фото, видео)» — 88,9 %. Таким образом, обнаруживается запрос молодежи на новые инструменты для сохранения и передачи памяти о войне.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о значении памяти о Великой Отечественной войне для будущих поколений. 66,7 % респондентов полагают, что память о войне сохранится, и будет служить примером мужества и стойкости и впредь (рис. 7).

Однако почти треть участников опроса 31,8 % полагают, что современные события и проблемы способствуют тому, что с годами память о Великой Отечественной войне стирается. Действительно, молодежь сегодня становится свидетелями новых героических подвигов российских бойцов на Украине в зоне Специальной военной операции, память о них не менее ценна для воспитания будущих поколений.

4. Выводы

Исходя из результатов исследования, можно сделать ряд выводов. Во-первых, память о Великой Отечественной войне среди молодежи не исчезает, а трансформируется. Живые воспоминания ветеранов, которые были основой памяти для старшего поколения, сменяются опосредованым восприятием через культуру, образование и цифровые ресурсы, а события тех лет начинают восприниматься через призму современных

Рис. 7. «Какая точка зрения наиболее близка Вам?» (%)

конфликтов, формируя новые смыслы и героические нарративы. Вторых, происходит сдвиг эмоциональной окраски Дня Победы от «праздника» к «дню памяти и скорби», что является естественным процессом по мере отдаления от событий. В-третьих, молодежь демонстрирует четкий запрос на использование современных технологий (цифровые архивы, интернет-ресурсы) для сохранения и передачи исторической памяти. В-четвертых, несмотря на высокий общий уровень информированности, глубина семейной памяти (знание деталей, хранение реликвий) снижается, что требует компенсации через институциональные и цифровые каналы.

В целом можно отметить, что, несмотря на различия в восприятии между поколениями, его основа — глубокое понимание значения Великой Отечественной войны как события, определившего судьбу России и обеспечившего ее мир и независимость ценой огромных жертв — остается неизменной. Разница заключается в способах осмыслиения и трансляции этой памяти, которые адаптируются к социокультурному контексту каждой эпохи. Современные технологии и образовательные методики предлагают новые инструменты для сохранения памяти, позволяя молодежи формировать осознанное и эмоционально насыщенное отношение к прошлому. Поэтому наблюдаемые изменения следует рассматривать не как забвение, а как естественную адаптацию исторической памяти к новым реалиям и каналам коммуникации.

Литература

- Афанасьева, Меркушин 2005 — Афанасьева А. И., Меркушин В. И. К 60-летию Великой Победы. Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 11–12.
- Белоусов назвал 2025 — Белоусов назвал число оставшихся фронтовиков Великой Отечественной [электронный ресурс] // Газета.ru. 15 января 2025 г. URL: <https://www.gazeta.ru/army/news/2025/01/15/24839000.shtml?updated>. (дата обращения: 20.04.2025).
- Бубнов 2017 — Бубнов А. Ю. Историческая политика и борьба интерпретаций коллективного прошлого в публичной сфере // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. Т. 4. С. 3–12.
- Бубнов, Савельева 2021 — Бубнов А. Ю., Савельева М. А. Память о Великой Отечественной войне: сравнительный анализ взглядов российской и белорусской молодежи // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9. № 2(27). С. 13–13.
- Вишневский и др. 2020 — Вишневский Ю. Р., Дулина Н. В., Икингин Е. Н., Мансуров В. А., Пронина Е. И., Широкалова Г. С., Шкурин Д. В. Цена Победы: что помнят и знают студенты России о Великой Отечественной войне (четвертая волна федерального проекта российского общества социологов) // Социум и власть. 2020. № 2(82). С.124–125.
- ВЦИОМ 2023 — День Победы — 2023: обзор исследований ВЦИОМ. 04.05.2023 [электронный ресурс] // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-pobedy-2023> (дата обращения: 20.04.2025).
- ВЦИОМ 2024 — 9 мая и память о Великой войне: обзор исследований ВЦИОМ. 07.05.2024 [электронный ресурс] // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews>

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

analiticheskii-obzor/9-maja-i-pamiat-o-velikoi-voine. (дата обращения: 20.04.2025).

Заявление МИД 2020 — Заявление МИД России в связи с попытками в США переписать историю Победы над нацизмом. 10.05.2020 [электронный ресурс] // URL: https://archive.mid.ru/web/guest/maps/us/-/asset_publisher/unVXBbj4Z6e8/content/id/4117753 (дата обращения: 20.04.2025).

Лашук 2015 — Лашук И. В. Социальный компонент исторической памяти о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси: поколенческие различия // Социологический альманах. 2015. № 6. С. 210–220.

Малинова 2015 — Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 288 с.

Немирова 2015 — Немирова Н. В. Историческая память о Великой Отечественной войне: опыт качественного социологического исследования // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Сер.: Социологические науки. 2015. № 4. С. 157–165.

Обзор. НЦПТИ 2022 — Проблемы исторической памяти о Великой Отечественной войне [электронный ресурс] // Обзор. НЦПТИ. № 2(29). 30.06.2022. URL: [https://minobrnauki.gov.ru/upload/2022/07/Обзор.НЦПТИ%202\(29\).pdf](https://minobrnauki.gov.ru/upload/2022/07/Обзор.НЦПТИ%202(29).pdf) (дата обращения: 20.04.2025).

РБК 2019 — РБК: В США выпустили монету с союзниками во Второй мировой войне без СССР. 23.05.2019 [электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/05/2019/5ce5f09d9a79475bffc81f30> (дата обращения: 20.04.2025).

РОС — Что мы знаем о войне... Исследование Российского общества социологов [электронный ресурс] // URL: <https://www.ssa-rss.ru/files/File/OtdelaniyaROS/Uralskoe/Chto%20my%20znaem%20o%20Velikoy%20Otechestvennoy.pdf> (дата обращения: 20.04.2025).

Российский диалог 2015 — ICM Research: жители Европы считают, что от фашизма их освободили американцы // Российский Диалог. 2015 / [электронный ресурс] / URL: https://rusdialog.ru/news/24687_1430229649 (дата обращения: 20.04.2025).

Тавокин, Табатадзе 2010 — Тавокин Е. П., Табатадзе И. А. К вопросу об исторической памяти о Великой Отечественной войне // Социологические исследования. 2010. № 5. С. 62–66.

УДК / UDC 316.647: 94(470)

**Коммеморативные нарративы
о Великой Отечественной войне
в сознании студенческой молодежи
(на примере Волгоградского
государственного университета)**

Екатерина Олеговна Беликова¹, Дмитрий Юрьевич Ильин²

**Commemorative Narratives
of the Great Patriotic War in the Minds of Student Youth:
A Case Study of Volgograd State University**

Ekaterina O. Belikova¹, Dmitry Y. Ilyin²

¹ Волгоградский государственный университет (100, Университетский просп., 400062 Волгоград, Российская Федерация)
¹ Volgograd State University (100, Universitetsky Av., 400062 Volgograd, Russian Federation)

кандидат социологических наук, доцент Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor

 0000-0002-8686-1770. E-mail: eo_belikova[at]volsu.ru

² Волгоградский государственный университет (100, Университетский просп., 400062 Волгоград, Российская Федерация)
² Volgograd State University (100, Universitetsky Av., 400062 Volgograd, Russian Federation)

доктор филологических наук, профессор Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0001-6387-757X. E-mail: dilyin[at]volsu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу состояния и структуры исторической памяти о Великой Отечественной войне среди студенческой молодежи. Акту-

© КалмНЦ РАН (KalmSC RAS), 2025

© Беликова Е. О. (Belikova E. O.), Ильин Д. Ю. (Ilyin D. Y.), 2025

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

альность исследования обусловлена необходимостью изучения механизмов трансляции коллективной памяти в условиях смены поколений и активизации дискурсов, направленных на пересмотр итогов Второй мировой войны. Эмпирическую базу составили результаты анкетирования 451 студента Волгоградского государственного университета, проведенного в 2025 г. Методология исследования основана на структурно-функциональном анализе, позволяющем выявить устойчивые элементы и лакуны в историческом сознании молодежи. В работе системно исследуются такие аспекты, как уровень интереса к теме, репертуар источников знания, глубина усвоения ключевых исторических фактов и персонажей, роль культурного канона в формировании представлений, а также оценочные суждения о вкладе СССР в Победу. Научная новизна заключается в комплексном подходе к изучению памяти в ее региональном измерении, поскольку Волгоград представляет собой уникальный «case» «города-памяти». Делается вывод об эффективности существующей системы патриотического воспитания, но отмечается необходимость ее адаптации к новым коммуникативным реалиям.

Ключевые слова: историческая память, Великая Отечественная война, студенческая молодежь, коллективная идентичность, Волгоград

Для цитирования: Беликова Е. О., Ильин Д. Ю. Коммеморативные повествования о Великой Отечественной войне в сознании студенческой молодежи (на примере Волгоградского государственного университета) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 3. С. 85–96. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-85-96

Abstract. The article analyzes the state and structure of the historical memory of the Great Patriotic War among student youth. The relevance of the study is determined by the need to examine the mechanisms of transmitting collective memory in the context of generational change and the intensification of discourses aimed at revising the outcomes of the Second World War. The empirical base consists of the results of a survey of 451 students from Volgograd State University, conducted in 2025. The research methodology is based on structural-functional analysis, which allows to identify stable elements and lacunae in the historical consciousness of youth. The work systematically examines aspects such as the level of interest in the topic, the repertoire of knowledge sources, the depth of assimilation of key historical facts and personalities, the role of the cultural canon in shaping perceptions, as well as evaluative judgments about the USSR's contribution to the Victory. The scientific novelty lies in the comprehensive approach to the process of studying the memory in its regional dimension, since Volgograd represents a unique case of a "memory city." The conclusion is drawn on the effectiveness of the existing system of patriotic education, but the need for its adaptation to new communicative realities is noted.

Keywords: historical memory, Great Patriotic War, student youth, collective identity, Volgograd

For citation: Belikova E. O., Ilyin D. Y. Commemorative Narratives of the Great Patriotic War in the Minds of Student Youth: A Case Study of Volgograd State University. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*. 2025. No. 3. Pp. 85–96. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-85-96

1. Введение

Историческая память, понимаемая как социально конструируемый и транслируемый комплекс представлений о прошлом, является фундаментальным элементом коллективной идентичности и важным объектом социологического анализа. В современном российском обществе память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. сохраняет статус ключевого «места памяти», выполняющего консолидирующую и ценностно-образующую функции. Однако в условиях естественной смены поколений, когда уходят непосредственные носители «живой» памяти — ветераны, и на фоне активизации дискурсов, направленных на ревизию истории Второй мировой войны в целом, процессы трансляции и актуализации этого наследия приобретают особую остроту и социальную значимость. Так, например, М. Хальбвакс своих работах «Коллективная и историческая память» [Хальбвакс 2005] и «Социальные рамки памяти» [Хальбвакс 2007: 48–324] выделял «фигуры памяти» — формы, через которые передается память. Теоретической основой исследования также выступили концепции коммеморативных практик [Нора 1999: 17–50] и культурной памяти [Ассман 2004: 214–340].

Проблема заключается в необходимости диагностики текущего состояния исторической памяти у молодежи, являющейся основным реципиентом опосредованных форм знания о прошлом. Насколько эффективно функционируют традиционные каналы социализации (семья, система образования)? Каково соотношение традиционных и новых медиа в формировании представлений о войне? Какова структура этих представлений — какие события, персонажи и символы составляют ее ядро, а какие оказываются на периферии? Ответы на эти вопросы имеют не только академическое, но и сугубо практическое значение для выработки эффективной стратегии государственной политики памяти и патриотического воспитания.

Особый научный интерес представляет региональный аспект данной проблемы. Например, Волгоград, как топоним-символ Сталинграда, представляет собой уникальный «case» «города-памяти» [Ильин 2020: 112], где глобальное историческое событие вписано в локальный ландшафт и повседневность. Исследование памяти в таком контексте позволяет выявить не только общероссийские тенденции, но и специфику, обусловленную региональной идентичностью.

Особый интерес представляет студенческая среда, которая является, с одной стороны, реципиентом формального исторического образования, а с другой — наиболее активным потребителем информации из цифровых и медийных источников. Как отмечают Н. В. Дулина и Р. М. Петрунева, «именно в студенческой среде наиболее рельефно проявляется конфликт между институционально транслируемым знанием и альтернативными интерпретациями, циркулирующими в медиасреде» [Дулина и др. 2022: 36–48]. Изучение мнемонических процессов в этой группе позволяет не только диагностировать актуальное состояние коллективных представ-

лений о прошлом, но и экстраполировать тенденции их эволюции в среднесрочной перспективе. Изучение исторической памяти этой социальной группы позволяет диагностировать не только текущее состояние коллективных представлений о прошлом, но и выявить тенденции их изменения в ближайшей перспективе. Многие российские исследователи часто связывают феномен патриотизма со знанием истории России и отношением к событиям Великой Отечественной войны. В современных условиях особенно важно сформировать историческую память молодежи, понимание ею смысла и значимости Великой Победы, гордости за поколение победителей. Как справедливо отмечают Ю. Р. Вишневский и его коллеги, «историческая память ... не является раз и навсегда данным феноменом, она постоянно воспроизводится и переосмысливается в контексте современных общественных запросов» [[Спасибо прадеду 2020: 45](#)].

Целью исследования является социологический анализ трансформации исторической памяти о Великой Отечественной войне в студенческой среде на примере студентов г. Волгограда — города, имеющего уникальный символический статус в истории войны. Исследование приурочено к 80-й годовщине Победы, что придает ему особую значимость в контексте юбилейных мероприятий и актуализации военной тематики в публичном пространстве.

Для достижения поставленной цели в ходе исследования решались следующие взаимосвязанные задачи:

- оценить общий уровень интереса студенческой молодежи к истории Великой Отечественной войны и выявить его корреляцию с самооценкой информированности;
- определить иерархию значимости каналов и источников получения знаний о войне, проанализировав соотношение роли институциональных (школа, вуз), семейных и медийных агентов социализации;
- реконструировать структуру исторических знаний респондентов через анализ узнаваемости ключевых событий, исторических личностей (военачальников, героев) и хронологических фактов;
- исследовать роль культурного канона (художественная литература, кинематограф, музыка) в качестве ретранслятора коллективной памяти;
- проанализировать систему оценочных суждений студентов, касающихся вклада СССР и стран-союзников в Победу, а также их отношение к дискуссионным точкам исторического нарратива;
- выявить особенности региональной памяти, связанные с осознанием вклада Волгограда / Стalingрада в Победу и состоянием мемориальной культуры в городе.

Решение этих задач позволит не просто зафиксировать уровень информированности, но и выявить латентные структуры коллективных представлений, их сильные стороны и «узкие места», что является необходимой основой для корректировки образовательных и воспитательных практик.

2. Материал и методология

Эмпирической базой исследования послужили данные анкетирования, проведенного в феврале-марте 2025 г. среди студентов Волгоградского государственного университета (ВолГУ). Выборочная совокупность составила 451 человек, что обеспечивает репрезентативность для данного типа исследования. Выборка целевая, квотная, репрезентирующая генеральную совокупность студентов ВолГУ по курсам и факультетам. Согласно данным, 53,66 % респондентов являются уроженцами Волгограда, а 20,62 % — Волгоградской области, что в совокупности (74,28 %) подтверждает релевантность регионального контекста для анализа. Исследование проводилось в рамках мониторинга Российской общества социологов (РОС) «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005, 2010, 2015, 2020, 2025 гг.) [Вишневский и др. 2020]. Результаты предыдущих этапов представляют интерес и как объясняющие реальную ситуацию в момент проведения замера, так и для отслеживания динамики как на уровне РФ, так и в регионах страны.

В качестве основного метода анализа данных использовался структурно-функциональный подход, позволивший рассмотреть историческую память как систему взаимосвязанных элементов (знания, оценки, символы), выполняющую определенные социальные функции (интегративная, идентификационная, легитимирующая).

3. Основная часть

3.1. Уровень интереса и самооценка информированности

Данные исследования свидетельствуют о высоком уровне актуальности темы Великой Отечественной войны для студенческой аудитории. Подавляющее большинство респондентов — 87,81 % — выразили интерес к истории войны: 39,69 % ответили «Да, очень» и 48,12 % — «Интересует». Лишь 1,33 % опрошенных указали на отсутствие интереса (см. табл. 1). Это опровергает тезис о тотальной исторической аполитичности молодежи и свидетельствует о сохранении высокого символического статуса темы войны.

Таблица 1. Уровень интереса студентов к истории Великой Отечественной войны, (в %)

Значения	% от опрошенных
1. Да, очень	39,69
2. Интересует	48,12
3. Мало интересует	10,86
4. Не интересует	1,33
Итого ответивших:	100

Источник: [ПМА 2025].

При этом обсуждение темы в личном общении носит в значительной степени ритуализированный характер: 53,22 % обсуждают ее «в связи с памятными датами». Это указывает на календарную, событийную ак-

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

туализацию памяти, приуроченную к таким датам, как 9 мая, 2 февраля, 22 июня. Самооценка информированности распределилась следующим образом: 38,80 % студентов считают свои знания достаточными, а еще 29,71 % отмечают, что знаний «не совсем» хватает, но их это устраивает. Лишь 9,31 % чувствуют острую нехватку знаний. Среди препятствий для углубления знаний доминирует «недостаток времени» (50 %), что является типичным для современного студенчества, а также «лень» (13,46 %).

Абсолютное большинство студентов (85 %) выразили глубокое уважение к поколению победителей. Это подтверждает устойчивость ядра патриотического нарратива, в центре которого — героизм народа и сакральный статус Победы. Однако выявлен существенный разрыв между декларируемым уважением и практической вовлеченностью: лишь 15 % респондентов готовы лично участвовать в волонтерских акциях по помощи ветеранам. Это указывает на формирование дистанционного, почитающего, но не деятельного отношения к наследию войны. В отечественной научной традиции патриотизм нередко коррелирует с глубиной усвоения истории, где события Великой Отечественной войны выступают ключевым маркером. В российском научном дискурсе прочная связь между патриотизмом и историческим сознанием часто устанавливается через призму восприятия Великой Отечественной войны. Данный исторический сюжет, занимая центральное место в коллективной памяти, неизбежно оказывается в эпицентре идеологических споров и интерпретаций [Козлов 2015: 7–17].

3.2. Каналы трансляции исторического знания

Анализ источников получения знаний (табл. 2) выявил устойчивую иерархию их значимости. Абсолютными лидерами, формирующими историческую память, являются традиционные, институциональные и семейные каналы.

Таблица 2. Источники знаний о Великой Отечественной войне (% , множественный выбор)

Значения	% от опрошенных
2. Учителя	87,8
1. Школьные учебники	85,37
4. Рассказы родных	66,74
17. Исторические музеи	64,3
5. Советские художественные фильмы	64,08
11. Художественная литература	47,23
3. Преподаватели вуза	46,12
7. Советские документальные фильмы	45,68
16. Экскурсии по историческим местам, связанным с историей ВОВ	44,57
6. Современные художественные фильмы	41,46
15. Социальные сети в Интернете	41,24
13. Телепередачи	38,14
8. Современные документальные фильмы	35,03

9. Общение с ветеранами, знакомство с их воспоминаниями	33,7
18. Стенды, сайты учебного заведения	18,4
12. Мемуары полководцев	15,08
10. Научные исследования	14,86
14. Сайты «Дорога памяти», «Память народа» и др.	12,2
19. Радиопередачи	9,09
20. Другое	1,55

Источник: [ПМА 2025].

Иерархия каналов формирования исторических представлений демонстрирует сложную гибридную модель с явным смещением в сторону медиасреды [Григорьев, Чистяков 2022: 111]. Представленный рейтинг демонстрирует высокий уровень доверия к формальным агентам социализации (школа) и классическому культурному наследию. Школа, таким образом, остается системообразующим институтом формирования исторического сознания [Широкалова 2023: 20]. Примечательно, что советское кинематографическое наследие сохраняет свое влияние, выступая мощным эмоциональным проводником в историческую эпоху.

Новые медиа (социальные сети — 41,24 %), современные художественные фильмы — 41,46 %) играют заметную, но все же дополнительную или даже, второстепенную роль. Важно отметить, что такой источник, как «общение с ветеранами», отмечают лишь 33,70 % респондентов, что объективно отражает уход из жизни, поколения непосредственных участников событий и переход к полностью опосредованной памяти.

3.3. Структура исторических знаний

Анализ фактических знаний выявил их мозаичный, фрагментарный характер с выраженной «пикообразной» структурой, где отдельные символические события и фигуры резко выделяются на фоне общего информационного вакуума. Проведенный анализ эмпирических данных позволяет концептуализировать структуру исторических знаний о Великой Отечественной войне в студенческой среде через призму модели «ядро-периферия» [Тощенко 2020: 18]. Эта модель объясняет то, как функционирует коллективная память в условиях информационной фрагментации. Ядро формируется ограниченным набором высокозначимых, часто ритуализированных символов — событий, дат и персоналий, обладающих максимальным уровнем узнаваемости и устойчивости. Периферия же состоит из менее актуализированных, хотя и важных с исторической точки зрения, элементов, знание о которых носит спорадический и неустойчивый характер. Выявленная «пикообразная» структура знаний, где несколько смысловых вершин резко доминируют на фоне обширных информационных лакун, является наглядным подтверждением действия данной модели [Репина 2004: 39–52].

Данные исследования отражают строгую стратификацию в узнаваемости исторических личностей, что позволяет реконструировать свое-

образный «пантеон героев» в коллективной памяти студенческой молодежи. Среди выдающихся военачальников наиболее узнаваема фигура Г. К. Жукова (90,07 %), которая транслируется как архетип «Маршала Победы», концентрируя в себе представления о военном руководстве и стратегическом гении. Его образ является не просто самым узнаваемым, но и выполняет функцию метонимии, замещая собой всю многосложную деятельность советского генералитета. Значительно уступают ему К. К. Рокоссовский (58,60 %), А. М. Василевский (25,42 %) и И. С. Конев (24,94 %). Это свидетельствует о том, что в ядро памяти входит, как правило, один доминирующий символ, в то время как другие, даже ключевые фигуры, оттесняются на периферию, их знание становится уделом более подготовленной части аудитории.

В ядре памяти закрепляются образы, кристаллизующие ключевые нарративы о массовом героизме и самопожертвовании советского народа. Зоя Космодемьянская, Александр Матросов, Василий Зайцев — эти имена становятся символами стойкости партизан, самопожертвования солдата и мастерства снайпера. Среди пионеров-героев лидируют Валя Котик (52,73 %) и Леня Голиков (43,27 %). При этом тот факт, что 24,83 % респондентов не смогли назвать ни одного имени партизана, указывает на процесс маргинализации целого пласта истории, связанного с народным сопротивлением на оккупированных территориях. Он постепенно перемещается из ядра на периферию коллективной памяти. Фигуры А. И. Покрышкина (38,26 %) и И. Н. Кожедуба (37,10 %) сохраняют устойчивую позицию, однако их узнаваемость уже существенно ниже, чем у «маршала-символа» Г. К. Жукова. Это позволяет отнести их к устойчивой периферии, близкой к ядру, но не входящей в него полностью.

Структура знаний о событиях войны также подчиняется логике «ядро – периферия». Продемонстрировано уверенное знание ключевых, ставших частью национального кода, дат. Дату начала Великой Отечественной войны (22 июня 1941 г.) корректно указали 75 % респондентов. Абсолютным ядром событийной памяти для волгоградских студентов является, на наш взгляд, Сталинградская битва (86,94 %). Это яркий пример того, как локальная идентичность, подкрепленная физическим присутствием в «месте памяти», мощно усиливает и актуализирует общенациональный нарратив, выводя его на первый план. Далее с заметным отрывом следуют Курская битва (52,02 %), Битва за Москву (49,88 %) и Блокада Ленинграда (40,62 %), формируя устойчивое, но менее концентрированное смысловое ядро. Кроме того, студенты показали осведомленность о продолжительности блокады Ленинграда (872 дня — 72,95 %) и о географической локализации операции «Багратион» (Белоруссия — 77,38 %), что свидетельствует о том, что эти факты, будучи тесно связанными с ключевыми событиями (блокада, масштабное наступление), успешно интегрированы в ядро памяти. В то же время такой факт, как первый салют в честь освобождения Орла и Белгорода, известен лишь 40,97 % опрошенных. Это указывает на процесс «естественного отбора» в памяти: сохраняются наиболее масштабные

и символически нагруженные вехи, в то время как менее глобальные, но значимые исторические маркеры постепенно стираются, мигрируя на периферию [Гриценко 2021: 161].

Каналы трансляции памяти имеют первостепенное значение для формирования ее структуры. Культурные продукты (кино, литература, музыка) выступают в роли мощных матриц, создающих эмоциональные и образные коды восприятия истории. Классика советского кинематографа («А зори здесь тихие» — 37,11 %, «В бой идут одни старики» — 18,42 %, «Они сражались за Родину» — 17,89 %) продолжает удерживать лидирующие позиции, формируя визуальный ряд ядра памяти. Примечателен тот факт, что современный фильм «Т-34» (14,74 %) находится на четвертом месте, опережая многие классические ленты. Это свидетельствует об эффективности новых визуальных и нарративных форматов в актуализации исторической темы для молодежной аудитории и их потенциальной возможности влиять на структуру памяти в будущем.

Наиболее читаемыми и узнаваемыми произведениями остаются повесть Б. Л. Васильева «А зори здесь тихие» (41,64 %), поэма А. Т. Твардовского «Василий Теркин» (30,77 %) и рассказ М. А. Шолохова «Судьба человека» (30,24 %). Эти тексты формируют литературный канон, закрепляющий в сознании ключевые сюжеты и человеческие типы военного времени [Дулина, Беликова 2020: 257]. Безусловным музыкальным символом эпохи является песня «Катюша» (63,22 %), выполняющая роль мнемонического маркера. В ядре аудиальной памяти закреплены и «День Победы» (28,85 %) и «Священная война» (28,13 %).

Память не сводится к сумме знаний; она включает в себя оценочные суждения, формирующие ее аксиологический каркас. Так, абсолютное большинство (84,48 %) считают вклад СССР основным, что отражает устойчивость центрального тезиса национальной исторической нарративации о решающей роли Советского Союза в разгроме нацизма. Вклад союзников оценивается преимущественно как «значительный», но не основной. Подавляющее большинство (80,71 %) согласны с фактом массового уничтожения мирных жителей на оккупированных территориях, что свидетельствует об усвоении важнейшего морально-этического урока войны.

Для студентов ВолГУ война — это не абстрактное историческое событие, а часть локальной, «укорененной» истории. Так 76,72 % респондентов знают, что их родной город подвергался бомбардировкам. Осведомленность о вкладе местной промышленности в Победу (производство танков — 59,79 %, автомобильной техники — 48,80 %) и высокая оценка состояния памятников (84,70 % считают его хорошим или удовлетворительным) подтверждают гипотезу о том, что региональная идентичность, подкрепленная материальными артефактами и знанием о локальном вкладе, выступает мощным катализатором и усилителем общенационального исторического нарратива. Память о Великой Отечественной войне, в частности Сталинградская битва и памятник «Ро-

дина мать зовет», были определены как показатель относительной особенности социокультурного ландшафта Волгоградской области. Определена символика, которая может послужить символом формирующейся пространственной идентичности [Плещенко и др. 2022: 34]. Регион в данном случае становится живым носителем памяти, а знание о войне обретает черты личностно значимого опыта.

Таким образом, структура исторических знаний о Великой Отечественной войне в студенческой среде представляет собой динамическую систему с четко очерченным, устойчивым ядром, состоящим из ключевых символов и ценностей, и обширной, размытой периферией. Современные интерпретации патриотизма формируются вокруг локальной идентичности. Молодые люди включаются в волонтерские проекты, организованные не сверху, а самостоятельно — по восстановлению исторических объектов, созданию выставок, экскурсий с более глубоким пониманием судьбы домов, улиц, районов. Эта структура формируется под воздействием сложного взаимодействия официального нарратива, культурного канона, регионального контекста и развивающейся у молодежи критической рефлексии.

4. Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих как теоретическое значение для социологии, так и практическую ценность для образовательной и воспитательной политики.

1. Интерес к теме Великой Отечественной войны среди студенческой молодежи остается стабильно высоким, что опровергает тезисы о ее маргинализации в молодежной среде. Память о войне продолжает выполнять мощную интегративную функцию, являясь элементом гражданской идентичности.

2. Сформировано устойчивое ядро исторической памяти, представляющее собой канонизированный набор символов, событий и персонажей. Это ядро эффективно транслируется через систему формального образования и классическое культурное наследие.

3. Глубина исторических знаний носит избирательный характер. Высокая осведомленность о ключевых, «символических» фактах сочетается с фрагментарностью знаний о менее освещаемых в массовой культуре и образовательном дискурсе аспектах. Это создает риск «уплощения» исторической картины.

4. Традиционные институты (школа, семья) и классическое искусство (советское кино) остаются доминирующими агентами социализации в сфере исторической памяти. Новые медиа занимают подчиненную, комплементарную позицию.

5. Региональный компонент («Сталинградский текст») является мощным усилителем памяти, обеспечивая персонализацию и эмоциональную насыщенность исторического знания через связь с «местом памяти».

Источники

ПМА 2025 — Материалы анкетирования. Опрос студенческой молодежи Волгограда 2025 г.

Литература

- Ассман 2004 — Ассман Я. Культурная память: Письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Вишневский и др. 2020 — Вишневский Ю. Р., Дулина Н. В., Икингрин Е. Н., Мансуров В. А., Пронина Е. И., Широкалова Г. С., Шкурин Д. В. Цена Победы: что помнят и знают студенты России о Великой Отечественной войне (четвертая волна федерального проекта российского общества социологов) // Социум и власть. 2020. № 2(82). С.124–125.
- Григорьев, Чистяков 2022 — Григорьев С. А., Чистяков А. Н. Трансформация значения и роли традиционных «мест памяти» в российском обществе // Гуманитарный вестник Военной академии Ракетных войск стратегического назначения. 2022. № 3(29). С. 103–116.
- Гриценко 2021 — Гриценко Г. Д. Память о Великой Отечественной войне как фактор консолидации российского полиэтничного общества // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 2. С. 156–172. DOI 10.22162/2587-6503-2021-2-18-156-172
- Дулина, Беликова 2020 — Дулина Н. В., Беликова Е. О. Симулякры памяти: студенты Волгограда о художественных произведениях, отражающих события Великой Отечественной войны (по итогам опроса студентов Волгограда) // Военная история России: проблемы, поиски, решения: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. В 3-х ч. (г. Волгоград, 11–12 сентября 2020 г.). Ч. 1. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2020. С. 255–265.
- Дулина и др. 2022 — Дулина Н. В., Петрунева Р. М., Васильева В. Д. [и др.]. ПАТРИОТОМ БЫТЬ ОБЯЗАН? (Об отношении к событиям и фактам истории Великой Отечественной войны современных российских студентов и соотечественников, проживающих за рубежом: сопоставительный анализ) // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2022. № 3. С. 35–45. DOI 10.20339/AM.03-22.035.
- Ильин 2020 — Ильин Д. Ю. Меморативы в гедоническом пространстве города // Перспективные направления современной лингвистики: Сб. науч. трудов Междунар. науч.-теорет. конф. (г. Москва, 15–16 октября 2020 г.) / под ред. В. В. Воробьева, Д. С. Скнарева, М. Л. Новиковой. М: Российский университет дружбы народов, 2020. С. 261–265.
- Козлов 2015 — Козлов Н. Д. Союзники и противник о патриотизме советского народа в годы Великой Отечественной войны // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 4. № 2. С. 7–17.
- Нора 1999 — Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Санкт-Петербургск. гос. ун-т, 1999. С. 17–50.
- Плещенко и др. 2022 — Плещенко А. Н., Беликова Е. О., Дулина Н. В. Пространственная идентичность как конструкт социокультурного ландшафта региона (на примере Волгоградской области) // Primo Aspectu. 2022. № 4(52). С. 31–38. DOI 10.35211/2500-2635-2022-4-52-31-38
- Репина 2004 — Репина Л. П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 39–52.
- Спасибо прадеду 2020 — Спасибо прадеду за Победу...: монография по материалам мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной вой-

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

- не» (2005–2010–2015–2020 гг.) / под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2020. 352 с.
- Тощенко 2020 — Тощенко Ж. Т. Что происходит с исторической памятью о Великой Отечественной войне? // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 18–21. DOI: 10.31857/S013216250009419-3
- Хальбвакс 2005 — Хальбвакс М. Коллективная и историческая память [электронный ресурс] // URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>, свободный (дата обращения: 21.10.2025).
- Хальбвакс 2007 — Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.
- Широкалова 2023 — Широкалова Г. С. Цивилизационная идентичность россиян: с востока на запад, с юга на север // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: программа и тезисы докладов участников Девятого международного научного форума (с. Кабардинка, г. Геленджик, 21–24 сентября 2023 г.). Краснодар: Институт наследия, 2023. 240 с.

УДК / UDC 316.344.4:316.4:311.313

Особенности экономической активности, трудовой и предпринимательской мотивации населения Юга России: социологический анализ

Вера Валерьевна Дьякова¹

Economic Activity Features, Labor and Entrepreneurial Motivation of the Population of the South of Russia: Sociological Analysis

Vera V. Dyakova¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация) ¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Cand. Sc. (Sociology), Senior Research Associate

 0000-0002-3715-1393. E-mail: vvdyakova[at]yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу экономической активности на юге России. Подчеркивается актуальность социологического подхода к анализу экономического поведения современных россиян. Представлены статистические данные об экономической деятельности, трудовой и предпринимательской занятости, смежных показателях по макрорегиону и субъектам. Основные научные феномены рассмотрены не только через призму количественной информации, но и с учетом основных междисциплинарных и социологических теоретико-методологических и эмпирических исследований. Семь локальных территориальных образований Южного федерального округа охарактеризованы по следующим показателям: экономическое участие, занятость, трудовая и предпринимательская мотивация. Рассмотрены такие виды асимметрии, как пространственная, возрастная и гендерная. Проводится анализ результатов региональных и федеральных социологических исследований, посвященных различным аспектам деловой активности. Сделаны выводы о тенденциях и некоторых особенностях

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

экономических практик на юге России в условиях современной российской действительности; определена практическая и теоретическая значимость сделанных выводов.

Ключевые слова: экономическая активность, трудовая мотивация, Юг России, предпринимательство, гендерная асимметрия, возрастная асимметрия
Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Асимметрично развивающиеся территории перед традиционными и новыми вызовами: исследование динамики социально-экономических процессов и изменчивости экологической ситуации» (номер госрегистрации:122022700133-9).

Для цитирования: Дьякова В. В. Особенности экономической активности, трудовой и предпринимательской мотивации населения Юга России: социологический анализ // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 3. С. 97–120. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-97-120

Abstract. The article is devoted to the analysis of economic activity in the south of Russia. The relevance of the sociological approach to the analysis of the economic behavior of modern Russians is emphasized. Statistical data on economic activity, labor and entrepreneurial employment, and related indicators for the macroregion and subjects are presented. The main scientific phenomena are considered not only through the prism of quantitative information, but also taking into account the main interdisciplinary and sociological theoretical, methodological and empirical research. Seven local territorial entities of the Southern Federal District are characterized by the following indicators: economic participation, employment, labor and entrepreneurial motivation. Such types of asymmetry as spatial, age, and gender are considered. The analysis of the results of regional and federal sociological research on various aspects of business activity is carried out. Conclusions are drawn about the trends and some features of economic practices in the south of Russia in the context of modern Russian reality; the practical and theoretical significance of the conclusions is determined.

Keywords: economic activity, labor motivation, the south of Russia, entrepreneurship, gender asymmetry, age asymmetry

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700133-9 with the heads of rural municipalities “Asymmetrically Developing Territories to Face Traditional and New Challenges: Exploring Socioeconomic Dynamics and Environmental Changes”.

For citation: Dyakova V. V. Economic Activity Features, Labor and Entrepreneurial Motivation of the Population of the South of Russia: Sociological Analysis. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*. 2025. No. 3. Pp. 97–120. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-97-120

1. Введение

Российские регионы, особенности и перспективы их развития по отдельности и во взаимодействии — важная тема для анализа как в рамках широкого круга вопросов функционирования общественной системы, характеризующейся многообразием социальных, экономических, политических, культурных элементов, усложняющейся структурой и динамичностью процессов, так и поиска вариантов консолидации граждан, сохранения единства государства, адекватной и своевременной реакции

на изменения и большие вызовы внешнего мира. Экономическая активность населения является одним из ключевых индикаторов социального и человеческого капитала, что объясняет актуальность ее научного исследования в рамках рассмотрения вопроса о формировании внутренней политики государства, учитывющей сложившиеся социальные практики, региональную дифференциацию и необходимость в модернизации.

В социологии экономическую активность рассматривают как деятельность личности, групп, общностей, организаций и их взаимодействие в системе экономических отношений, подчеркивают связь с другими близкими социальными феноменами: «экономическая деятельность», «экономические практики», «экономические действия», «деловая активность», «трудовая активность». В исследовательском фокусе оказываются также особенности общественной системы, а применительно к российской деятельности — гетерогенность как одна из ключевых характеристик государственного устройства. Различия в формировании и функционировании субъектов РФ, несомненно, воздействуют на экономическое поведение населения отдельных административных единиц и страны в целом.

Несоразмерность развития российских регионов обусловлена целым комплексом факторов — от природно-климатических особенностей территорий, инфраструктурного потенциала до этнокультурных ценностных различий и характера административного управления [Трушкова, Макарова 2020: 275–277]. Пространственную асимметрию часто анализируют через призму трех измерений: экономическое, социальное и социокультурное.

Региональная диспропорция может быть также рассмотрена посредством соотношения различий равнозначного и неравного порядка. В первом случае в центре внимания дифференциация, в основе которой лежит идея о многообразии административных территорий, находящая свое выражение в различных сферах. Во втором — неравенство, подразумевающее иерархическую несоразмерность в системе статусов и взаимодействий, обуславливающую конкуренцию за возможности и ресурсы [Пасовец 2016: 61].

2. Общая характеристика экономической активности населения юга России

Согласно статистическим данным Всероссийских переписей населения в период с 2010 г. по 2020 г. (табл. 1) количество экономически активного населения в Южном федеральном округе (ЮФО) увеличилось на 8 %. Распределение по возрастным группам — старше трудоспособного, трудоспособного, моложе трудоспособного — изменилось незначительно ($\pm 2,1\%$), однако прирост среди людей среднего возраста (4 %) не такой высокий, как у тех, кто младше 18 лет (14,6 %) и пенсионеров (12,9 %). Доля женщин среди экономически активного населения стабильно больше (на 5,6 % в 2020 г.), чем мужчин. Среди работающих жителей старшего возраста в два раза больше женщин, однако за десять лет прирост мужчин в данной группе выше в 2,5 раза.

Таблица 1. Население ЮФО, указанное в экономической активности, по основному источнику спроса к существованию, по укрупненным возрастным группам, по гогам, по полу, чл.

										из них в 2020	
										предпри- нимате- льский доход, самозаня- тельность	
	2010 %	2020 %	% изменение к 2020	%	заработная плата	%	заработание к 2020	6 442 046	100	423 669	100
Всего	13434099	100	14 479 876	100	1 045 777	8	6 442 046	100	423 669	100	7 614 161
множке трудоспособного	2165074	16,1	2 481 802	17,1	316 728	14,6	2 045	0,0	104	0,0	2 479 653
Трудоспособном	8130007	60,5	8 454 490	58,4	324 483	4,0	5 990 838	93,0	400 737	94,6	2 062 915
старше трудоспособного	3138917	23,4	3 543 584	24,5	404 667	12,9	449 163	7,0	22 828	5,4	3 071 593
Мужчины	6239456	100	6 840 792	100	601 336	10	3 327 433	100	270 334	100	3 243 025
множке трудоспособного	1114141	17,9	1 277 411	18,7	163 270	14,7	1 134	0,0	62	0,0	1 276 215
Трудоспособном	4189707	67,1	4 417 379	64,6	227 672	5,4	3 188 669	95,8	260 454	96,3	968 256
старше трудоспособного	935547	15,0	1 146 002	16,8	210 455	22,5	137 630	4,1	9 818	3,6	998 554
Женщины	7194643	100	7 639 084	100	444 441	6	3 114 613	100	153 335	100	4 371 136
множке трудоспособного	1050933	14,6	1 204 391	15,8	153 458	14,6	911	0,0	42	0,0	1 203 438
Трудоспособном	3940300	54,8	4 037 111	52,8	96 811	2,5	2 802 169	90,0	140 283	91,5	1 094 659
старше трудоспособного	22033370	30,6	2 397 582	31,4	194 212	8,8	311 533	10,0	13 010	8,5	2 073 039

Источник: [Пересись 2010; Перепись 2020].

Среди жителей южных регионов 44,5 % указали в качестве основного источника дохода заработную плату, 2,9 % — доход от предпринимательской деятельности, самозанятости. Люди трудоспособного возраста составляют подавляющее большинство в когорте занятых. Мужчин в этой категории населения в целом на 3,4 % больше, чем женщин, среди трудоспособного — на 6 %. В группе старше трудоспособного возраста женщин в 2 раза больше как среди работников, так и предпринимателей.

Несмотря на общие тенденции последних десятилетий — геополитическая напряженность, энтропия экономических процессов, усиление санкционного давления, — в ЮФО отмечается положительная динамика показателей экономического развития по сравнению с другими макрорегионами [Тополова 2022]. Экономическая активность по ЮФО несомненно характеризуется региональной гетерогенностью, что, главным образом, объясняется социально-экономической дифференциацией между административными единицами. Согласно данным рейтинга РИА (табл. 2), среди субъектов ЮФО Краснодарский край входит в десятку лидеров по стране, еще три — в первой половине, а четыре находятся на нижних позициях. За период с 2023 г. по 2024 г. интегральные показатели о масштабе и эффективности экономики, бюджетной и социальной сферы кардинально не изменились.

Таблица 2. Рейтинг социально-экономического положения регионов ЮФО по итогам 2024 г.

Место по итогам 2024 г.	Регион	Интегральный рейтинг по итогам 2024 г., баллы	Интегральный рейтинг по итогам 2023 г., баллы	Место по итогам 2023 г.
7	Краснодарский край	76,58	73,81	8
12	Ростовская область	69,38	67,03	13
28	Волгоградская область	53,66	52,23	29
44	Республика Крым	48,14	45,82	43
60	Астраханская область	38,59	38,22	57
65	Севастополь	36,31	34,90	63
66	Республика Адыгея	35,68	32,16	70
82	Республика Калмыкия	20,87	19,43	81

Источник: [Рейтинг 2024 г.]

Экономика Юга России отличается наличием значительного трудового потенциала, однако отмечается его недоиспользование, низкий уровень «капитализации» рабочей силы. Ситуация усложняется тенденцией к усилению периферийности геоэкономического положения макрорегиона и традиционной особенностью — ярко выраженной многоукладностью региональных экономик [Кетова и др. 2015: 96–98]. Экономическая дифференциация южных регионов непосредственно связана как с функционированием самой экономической сферы отдельных территорий, например, наличием или отсутствием инвестиций в основной капитал [Луковцева 2021: 124], уровнем теневой экономики [Булетова, Шаркевич

- Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

[2022](#), так и динамикой социального, культурного, политического развития.

3. Особенности экономической активности населения регионов юга России

Распределение экономически активного населения между регионами ЮФО характеризуется асимметрией (табл. 3). По количеству лидером является Краснодарский край (36,8 % по ЮФО), аутсайдером — Республика Калмыкия (2,9 % по ЮФО). Наибольшая доля жителей трудоспособного возраста в Волгоградской области (60 %), наименьшая — в Республике Крым (55 %). Самая маленькая доля населения моложе 18 лет в Волгоградской области (15 %), больше всего — в Астраханской области и Республике Калмыкия (по 21 %). Меньше всего экономически активных представителей старшего возраста в Республике Калмыкия (20 %), больше — в Республике Крым.

Таблица 3. Население субъектов ЮФО, указавшее экономическую активность, по укрупненным возрастным группам, по годам, чел.

	2010, чел.	%	2020, чел.	%	изменение к 2020, чел.	%
Республика Адыгея						
Всего	425 005	100	421 330	100	-3 675	-0,9
моложе трудоспособного	76511	18,0	83 858	20	7 347	9,6
трудоспособном	249 385	58,7	239 558	57	-9 827	-3,9
старше трудоспособного	99 109	23,3	97 914	23	-1 195	-1,2
Республика Калмыкия						
Всего	282 086	100	228 627	100	-53 459	-19,0
моложе трудоспособного	58 004	20,6	47 831	21	-10 173	-17,5
трудоспособном	179 148	63,5	135 203	59	-43 945	-24,5
старше трудоспособного	44 934	15,9	45 593	20	659	1,5
Республика Крым						
Всего	*	*	1 686 271	100	*	*
моложе трудоспособного	*	*	319 061	19	*	*
трудоспособном	*	*	921 931	55	*	*
старше трудоспособного	*	*	445 279	26	*	*
Краснодарский край						
Всего	5 094 589	100	5 331 909	100	237 320	4,7
моложе трудоспособного	838 038	16,4	901 252	17	63 214	7,5
трудоспособном	3 055 120	60,0	3 167 003	59	111 883	3,7
старше трудоспособного	1 201 431	23,6	1 263 654	24	62 223	5,2
Астраханская область						
Всего	909 101	100	790 985	100	-118 116	-13,0

молже трудоспособного	165954	18,3	167 541	21	1 587	1,0
трудоспособном	557746	61,4	450 052	57	-107 694	-19,3
старше трудоспособного	185401	20,4	173 392	22	-12 009	-6,5
Волгоградская область						
Всего	2 545 167	100	1 968 179	100	-576 988	-22,7
молже трудоспособного	394925	15,5	294 359	15	-100 566	-25,5
трудоспособном	1543766	60,7	1 178 399	60	-365 367	-23,7
старше трудоспособного	606476	23,8	495 421	25	-111 055	-18,3
Ростовская область						
Всего	4178050	100	3 679 973	100	-498 077	-11,9
молже трудоспособного	631642	15,1	602 245	16	-29 397	-4,7
трудоспособном	2544842	60,9	2 141 766	58	-403 076	-15,8
старше трудоспособного	1001566	24,0	935 962	25	-65 604	-6,6
г. Севастополь						
Всего	*	*	372 602	100	*	*
молже трудоспособного	*	*	65 655	18	*	*
трудоспособном	*	*	220 578	59	*	*
старше трудоспособного	*	*	86 369	23	*	*

Источник: [Перепись 2010; Перепись 2020].

За десятилетний период единственным регионом с положительным приростом экономически активного населения в целом и в каждой возрастной группе стал Краснодарский край. В других субъектах ЮФО наблюдается отрицательная динамика, как по общерегиональному показателю, так и по доле трудоспособных. Увеличение доли несовершеннолетних произошло в Астраханской области (+1 %) и Республике Адыгея (+9,6 %), людей старшего возраста — в Республике Калмыкия (+1,5 %). Наибольший отрицательный прирост был в Волгоградской области по показателям молже (-25,5 %) и старше (-18,3 %) трудоспособного населения.

Анализ локальных особенностей экономической активности невозможен без изучения вопроса об участии личности в социально-экономических отношениях, концентрации внимания на специфике их занятости — трудовой и предпринимательской деятельности.

4. Трудовая мотивация

С точки зрения статистики трудовая деятельность рассматривается как занятость в экономике [Мамаева 2004: 61], социологическая наука же сосредоточена на трудовой активности, специфике реализации субъектной роли личности — ее участии или неучастии в трудовых отношениях. Трудовая мотивация подразумевает реализацию одной из форм самосознания работника, определяющую его трудовое поведение, отношение к различным аспектам рабочего процесса [Герчиков 2006: 224–226].

Трудовое взаимодействие предполагает отношения между работником и работодателем, сопровождающиеся сменой субъект-объектных ролей. Заработная плата в данном случае выступает и широко используемым методом стимулирования с точки зрения управления трудовым процессом, и элементом трудовой мотивации, условием и ресурсом личностной реализации. В рамках общественного воспроизводства данный вид материального поощрения рассматривается как определяющий фактор экономической активности, а также как показатель качества жизни населения. Некоторые ученые приходят к выводу, что низкая заработная плата работника катализирует социальное расслоение, может быть одной из причин вымирания населения России и требует государственного регулирования [Руднев и др. 2017: 90–93].

Для южных регионов характерно неравномерное распределение среднемесячной заработной платы (табл. 4). В период с 2000 г. по 2020 г. лидирующую позицию по данному показателю занимала Астраханская область, в следующие четыре года — Краснодарский край. Самая маленькая среднемесячная заработная плата на весь этот период была в Республике Калмыкия. В 2000 г. в трех регионах — Краснодарском крае, Астраханской и Волгоградской областях уровень зарплаты был выше среднего по ЮФО в целом, в 2020 г. также в трех субъектах, но Волгоградскую область сменил г. Севастополь, а в 2024 г. остался лишь Краснодарский край.

В период с 2000 г. по 2024 г. максимальное снижение в уровне среднемесячной заработной платы по отношению к макрорегиональному показателю произошло в Астраханской области (-21,7 %), отрицательную динамику можно также отследить и в Волгоградской области (-10,6 %). За период с 2015 г. по 2024 гг. снижение показателей произошло в Астраханской области (-2,2 %), Республиках Калмыкия (-2,0 %) и Крым (-1,5 %), рост — в Краснодарском крае (+5,2 %), г. Севастополь (+3,4 %), Республике Адыгея (+1,5 %), незначительные изменения были в Волгоградской (+0,3 %) и Ростовской (-0,4 %) областях.

Оплата труда является одним из элементов комплекса методов мотивации трудовой и предпринимательской деятельности, включающей широкий спектр экономических и социальных мер санкционирования и стимулирования действий личности, функционирующих норм и правил, отношения собственности [Щербаков 2013: 130]. Если работа по найму подразумевает реализацию экономических потребностей, карьерных амбиций, стремления к стабильности, власти и признанию, то предпринимательство предполагает высокий уровень независимости и самоорганизации [Селеткова, Лазукова 2020: 95].

5. Предпринимательская мотивация

За последние годы произошла значительная трансформация экономики страны, в том числе возможностей и вариантов создания и развития бизнеса. Качественным изменением является положительная динамика основных характеристик предпринимательской самооценки. В период с

Таблица 4. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике по ЮФО за 2000–2024 гг, в руб.

	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2023	2024
Южный федеральный округ	1 587	6 204	15 560	25 471	36 620	40 649	46 231	53 432	63 870
Республика Адыгея	1 303	5 123	12 787	22 087	32 161	36 001	40 231	46 431	56 301
Республика Калмыкия	1 220	4 495	11 601	20 109	32 013	33 030	36 349	42 151	49 162
Республика Крым	*	*	*	22 440	34 181	38 158	41 986	47 325	55 310
Краснодарский край	1 698	6 462	16 330	26 767	38 499	43 510	50 252	58 256	70 410
Астраханская область	1 899	6 884	16 582	25 499	38 885	42 096	47 780	53 964	62 551
Волгоградская область	1 690	6 160	14 856	24 361	35 962	39 031	44 242	51 833	61 254
Ростовская область	1 361	5 945	15 244	25 008	35 622	39 291	44 767	52 100	62 482
г. Севастополь	*	*	*	21 848	36 300	40 145	43 112	47 638	56 942

Источник: [Статистика].

2012 г. до 2023 г. почти в два раза выросли показатели оценки бизнесменами благоприятных условий и собственных знаний и опыта [Верховская 2024: 16].

Предпринимательство формируется также в рамках регионального социального, экономического, политического и культурного контекста, который определяет условия его развития в регионе. Региональная асимметрия, проявляющаяся в дифференциации региональной политики, образовательных и финансовых инструментах поддержки, внедрении научно-технических разработок, открытости и динамике рынков, инфраструктуры, несомненно напрямую влияет на функционирование предпринимательской среды.

Общими характеристиками предпринимательской среды в ЮФО являются следующие: преобладание физических лиц среди самозанятых и индивидуальных предпринимателей среди всех субъектов малого и среднего предпринимательства; большее количество работников у юридических лиц. Среди региональных особенностей можно отметить, например, различия в структуре организации и управления развитием и поддержкой предпринимательства. В Краснодарском крае и Ростовской области наибольший процент предпринимателей. Показатели финансовой устойчивости и эффективности работы увеличились в Ростовской области, а в Астраханской области в несколько раз. В данной категории Калмыкия является аутсайдером [Митрофанова, Иванова 2023: 54–55].

В основу мотивации предпринимательской деятельности лежит отношение к собственности, характеризующееся в отличие от трудовой мотивации работника более высокой степенью исключительности правомочий на конкретный ресурс, большим объемом этого ресурса, но и, соответственно, более высокой ответственностью за его использование, а также возможностью достижения более высокого социального статуса [Щербаков 2013: 131–132]. Если в 2000 г. основным мотивом для ведения бизнеса было выживание, то в 2022 г. в приоритете потребность в труде, самореализации [Рахмеева, Клейменов 2024: 74]. Более того, предпринимательство, в отличие от работы по найму, подразумевает автономное существование: быть самому себе начальником, иметь гибкий график, свободу в принятии решений, что также является одной из ключевых причин для занятия собственным делом [Селеткова, Лазукова 2020: 94].

При анализе предпринимательского поведения фокус направлен на изучение специфики формирования самостоятельного выбора индивида, его собственной постановке цели, личностной оценке эффективности своей деятельности [Щербаков 2013: 135]. Наличие социального опыта, зрелости становится важным условием для реализации предпринимательской активности. Согласно данным Всероссийской переписи 2020 г., средний возраст занятых в экономике людей в ЮФО был 42,3 года, то у владельцев бизнеса — 44,8 года, индивидуальных предпринимателей — 44,1 год.

6. Возрастная асимметрия экономической активности

Возрастная асимметрия подразумевает наличие и существование общностей, групп и отдельных личностей, рожденных в разные годы, социализация которых происходила в рамках отдельных этапов общественного развития, в случае современной России — даже в разных государствах, объединенных помимо возраста общими номинальными и реальными признаками. При анализе экономической активности и занятости возрастную дифференцию рассматривают как возрастное неравенство, подчеркивая особое влияние данного демографического фактора на распределение социальных статусов и ролей. Подобная диспропорция может иметь широкий спектр проявлений: различия в оплате труда у представителей разных когорт [Васильева, Тырсин 2021: 106], дискrimинация при приеме на работу [Бобков, Одинцова 2020: 181], эйджизм и возможность его использования в рамках политического конструирования или даже информационной войне [Лушников и др. 2025: 24] и др.

В ЮФО больше всего жителей, имеющих в качестве основного предпринимательский доход или зарплату, как по общерегиональным показателям, так и среди трудоспособного населения в Краснодарском крае, меньше всего — в Калмыкии (табл. 5). По показателю доли предпринимателей в каждом регионе лидирует Адыгея (5 %), в аутсайдерах — Астраханская и Волгоградская области (по 3 %). В последнем субъекте часть собственников бизнеса трудоспособного возраста (3 %) уступает распределению данной категории в других районах, больше всего бизнесменов среди местных жителей Адыгеи (8 %).

Таблица 5. Население субъектов ЮФО, указавшее экономическую активность и основной источник средств к существованию, по укрупненным возрастным группам, чел.

	Заработка наемная плата	%	Предпринимательский доход, самозанятость	%	другое	%
Республика Адыгея						
Всего	165 094	39	19 793	5	236 443	56
моложе трудоспособного	31	0	8	0	83 819	100
трудоспособном	153 946	64	18 862	8	66 750	28
старше трудоспособного	11 117	11	923	1	85 874	88
Республика Калмыкия						
Всего	85 098	37	10 227	4	133 302	58
моложе трудоспособного	4	0	0	0	47 827	100
трудоспособном	80 083	59	9 698	7	45 422	34
старше трудоспособного	5 011	11	529	1	40 053	88
Республика Крым						
Всего	628 559	37	60 231	4	997 481	59
моложе трудоспособного	107	0	9	0	318 945	100

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

трудоспособном	586 921	64	57 331	6	277 679	30
старше трудоспособного	41 531	9	2 891	1	400 857	90
Краснодарский край						
Всего	2 507 914	47	167 172	3	2 656 823	50
моложе трудоспособного	927	0	25	0	900 300	100
трудоспособном	2 324 041	73	157 778	5	685 184	22
старше трудоспособного	182 946	14	9 369	1	1 071 339	85
Астраханская область						
Всего	327 327	41	17 447	2	446 211	56
моложе трудоспособного	82	0	3	0	167 456	100
трудоспособном	306 267	68	16 546	4	127 239	28
старше трудоспособного	20 978	12	898	1	151 516	87
Волгоградская область						
Всего	913 673	46	37 174	2	1 017 332	52
моложе трудоспособного	392	0	31	0	293 936	100
трудоспособном	848 411	72	35 016	3	294 972	25
старше трудоспособного	64 870	13	2 127	0	428 424	86
Ростовская область						
Всего	1 654 759	45	99 058	3	1 926 156	52
моложе трудоспособного	445	0	27	0	601 773	100
трудоспособном	1 543 434	72	93 587	4	504 745	24
старше трудоспособного	110 880	12	5 444	1	819 638	88
г. Севастополь						
Всего	159 622	43	12 567	3	200 413	54
моложе трудоспособного	57	0	1	0	65 597	100
трудоспособном	147 735	67	11 919	5	60 924	28
старше трудоспособного	11 830	14	647	1	73 892	86

Источник: [Перепись 2020].

Доля занятых в экономике людей моложе 18 лет не достигает и 1 % в каждом южном регионе. В когорте «старше трудоспособного» наименьшая доля наемных работников в Республике Крым (9 %), наибольшая — в Краснодарском крае и г. Севастополь (по 14 %). Почти во всех южных областях и республиках процент предпринимателей равен 1, меньше только в Волгоградской области.

7. Экономическая активность старших возрастных групп

Около четверти экономически активного населения ЮФО относится к категории старше трудоспособного возраста (см. табл. 1). Это обусловлено основными тенденциями последних лет, происходящими на рынке труда в России в целом: пенсионная реформа, начавшаяся в 2019 г.; дефи-

цит рабочей силы; смежные факторы (пандемия, санкции и т. п.) [Ляшок 2024: 278].

Старение населения характерно не только для России, а является глобальным трендом. Адаптивные, в первую очередь, экономические меры по минимизированию негативного влияния деформации возрастной структуры рабочей силы называют «серебряной экономикой». Для людей «третьего возраста» формируется отдельный сегмент производства товаров и услуг, позволяющий, с одной стороны, создать новый рынок, с другой — продлить здоровье, социальную включенность и финансовую независимость довольно многочисленной социальной общности [Горшко, Пацала 2021: 198]. Одной из мер повышения уровня активности населения старших возрастных групп и снижением пенсионной нагрузки на занятое население, реализованной в России, является пенсионная реформа. Однако решение проблемы лежит в более комплексном социальном подходе и связано с отношением общества к «серебряному» населению. Сбережение и эффективное использование социального капитала населения старших поколений подразумевает, помимо реализации их трудового потенциала, также и создание условий для активного участия в разных социальных процессах: образование, воспитание молодого поколения, сохранение национальной и гражданской идентичности, трансформирование традиционных ценностей и развитие культурного потенциала [Шестакова и др. 2016: 33].

Среди трудовых траекторий этой социальной группы выделяют три основных направления. Первая — уход с рынка труда, связана с завершением карьеры с связи с достижением законодательно закрепленного пенсионного возраста. Вторая стратегия подразумевает продолжение работы по найму. Работник продолжает свою трудовую деятельность, в дальнейшем либо постепенно минимизируя нагрузку (частичная занятость, дистанционная работа), либо совершенствуя свои навыки через дополнительное образование [Картузова 2020: 84]. В южных регионах России только 7 % жителей старше трудоспособного возраста работают по найму (см. табл. 1). Среди общероссийских тенденций, характерных и для Юга России, в области использования трудового потенциала пожилых людей можно выделить следующие: проблема со здоровьем — приоритетная причина отказа от трудовой деятельности, дискриминирующие практики непродления трудовых договоров с работниками предпенсионного и пенсионного возраста, приоритет к молодым соискателям при приеме на работу или продлении трудового договора. Отрасли экономического хозяйства, в которых практически отсутствуют работники старших возвратных групп, связаны с применением активно развивающихся современных технологий (телееком, интернет) или требуют значительного ресурса здоровья (спорт, силовые структуры, транспорт, строительство, тяжелое промышленное производство, добыча и переработка полезных ископаемых). В ЖКХ, здравоохранении, культуре, образовании, машиностроении, военно-промышленном комплексе отмечается большая доля работников старше трудоспособного возраста [Карпикова, Баева 2021: 7–8]. Именно

в этих сферах получается раскрыть потенциал данной категории сотрудников, использовать их преимущества по сравнению с другими работниками — низкие зарплатные ожидания, готовность к наставничеству, профессиональные навыки, высокий уровень эмпатии, самостоятельность в принятии решений, устойчивость к конфликтам, лояльность к компании и другие [Калабина, Шадрина 2022: 1587].

Третий вариант трудовой стратегии — предпринимательство или самозанятость [Картузова 2020: 84]. В ЮФО примерно каждый двадцатый предприниматель — старше трудоспособного возраста (см. табл. 1). Эта траектория трудового развития может рассматриваться людьми в возрасте 50+ как источник дохода, альтернативный работе по найму [Мерзлякова, Антосик 2023: 5]. В то же время следует учитывать существующие социальные ограничения, связанные с недостаточностью профильных знаний, неразвитостью традиций предпринимательства в стране, негативным образом предпринимателя; институциональные разрывы проблемы, характерные как для макроэкономической, так и региональной экономической структуры.

8. Молодежь: экономическая активность и предпринимательство

С точки зрения экономического процесса, молодежь рассматривается как основа трудового потенциала, общественного — как объект поколенческой преемственности и субъект инновационного развития. В России это поколение является самым малочисленным. В то же время работники 30–34 лет являются самыми высокооплачиваемыми в стране, самый высокий уровень участия в рабочей силе и занятости у специалистов 25–29 лет, больше половины молодежи в возрасте 20–24 лет активно выходят на рынок труда, часто совмещая с получением образования [Золотина, Сагдеева 2022: 76].

Современное образование напрямую не связано с материальным благосостоянием российских молодых работников, однако требует институциональной, структурной и методологической модернизации, направленной на подготовку по широкому профессиональному направлению, активное использование таких форм организации практической подготовки, как ученичество и стажерство желательно у потенциального работодателя, и другое [Гриненко 2022: 70]. Деловая активность учащейся молодежи, с одной стороны, сопряжена с рядом трудностей, связанных с невозможностью работы в стандартных условиях (очно, полная занятость), с другой — создает условия для эффективной социализации в статусе участника трудовых отношений, формированию социального опыта, повышения шансов на успешную интеграцию в трудовую жизнь [Золотина, Сагдеева 2022: 76].

К социокультурным характеристикам современных молодых россиян относят: ценность социально-психологической обстановки, приоритет свободного графика и неформального стиля общения; важность содержательной составляющей трудовой деятельности, нацеленность

на быстрый результат, актуальность геймификации рабочего процесса, значимость социального признания и самореализации [Митрофанова, Митрофанова 2021: 76–77]. Среди отрицательных тенденций опыта участия российской молодежи в трудовой деятельности можно отметить: отрицательный образ работодателя, сконцентрированного не на развитии и поощрении своих сотрудников, а на подкреплении своего статуса и извлечении значительной выгоды; низкий уровень лояльности к компании, участия в управлении и удовлетворения условиями труда [Аликперова, Марков 2023: 191]. Эффективными методами выстраивания системы управления современным молодым поколением называют: создание условий для раскрытия индивидуального потенциала и его внешней оценки; наличие и прозрачность карьерного развития, подразумевающего не только улучшение материального достатка, но и наращивание навыков, знаний и умений, совершенствования ценностей и ориентаций; возможность пространственной, организационной и другой мобильности (стажировки, командировок, участие в тренингах, форумах и т. п.) [Митрофanova, Митрофанова 2021: 76].

Особенности социализации и влияние этнокультурного фактора несомненно важны для понимания трудовых установок и ориентаций молодых людей. Для молодежи юга России профессиональная самореализация является одной из приоритетных. Для Ростовской области зафиксирована ориентация на рыночные отношения, в Республике Адыгея фиксируется преобладание социально-административных установок [Алкесов 2021: 106].

Молодежное предпринимательство рассматривается как стимул экономики посредством развития новых бизнесов, в том числе инновационных и креативных, и, следовательно, создания новых рабочих мест, в первую очередь для представителей этого же поколения. Согласно исследованиям последних лет, молодежь является самой активной возрастной группой предпринимателей. Одним из факторов, способствующих деловой активности этой возрастной группы, можно назвать комплекс мер государственной поддержки как на федеральном, так и на региональном уровнях, ориентированной не только на людей 18+, но и на учащихся школ и колледжей: центры «Мой бизнес», мероприятия по развитию предпринимательской грамотности, студенческие стартапы и др. [Терин и др. 2023: 472]. Потребность в самоутверждении является ведущим мотивом у молодых предпринимателей, у студенческой молодежи также довольно выражены гедонистические мотивы [Рахмеева, Клейменов 2024: 73]. Для создания собственного бизнеса молодые люди отдают приоритет следующим сферам: информационные технологии и экологические проекты [Узденова, Урусов 2024: 382].

В ЮФО в целом молодежная занятость в общем объеме занятости населения не достигает и 1 % (табл. 5). В то же время по макрорегиону на каждого молодого предпринимателя приходится 11 работников по найму его же возраста, локальное распределение: от 7 в Республике Адыгея до

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

17 в Волгоградской области. Самозанятость является гораздо более привлекательной формой для собственного дела в каждом регионе (табл. 6).

В ЮФО самозанятость с момента внедрения в 2020 г. является одной из самых динамично развивающихся форм организации предпринимательской деятельности. Положительная динамика характерна для каждого региона. Такая тенденция обусловливается следующими факторами: реакция на сокращение рабочих мест в пандемийный и постпандемийный периоды; нежелание бизнесменов, чаще владельцев фермерских хозяйств, переоформлять свое дело по условиям индивидуального предпринимательства, в том числе в связи с отсутствием профильных компетенций, страхом брать кредиты, сложностью финансовой отчетности и т.п.; или же большая независимость и финансовая выгода по сравнению с наемным трудом [Митрофанова, Чернова 2022: 61–62]. Самозанятость молодежью воспринимается как наиболее безопасная и упрощенная форма организации бизнеса, особенно в условиях отсутствия предложений

Таблица 6. Занятое население частных домохозяйств ЮФО в возрасте 16–29 лет, по статусу занятости, чел.

работающие по найму	работающие не по найму	из них				
		владельцы (совладельцы) собственного предприятия (дела)	индивидуальные предприниматели	самозанятые	помогающие на семейном предприятии	иное
Южный федеральный округ						
992 735	131 800	6 242	18 085	61 708	4 039	41 726
Республика Адыгея						
27 002	5 188	176	434	3 205	77	1 296
Республика Калмыкия						
14 439	2 224	79	237	1 169	93	646
Республика Крым						
89 631	13 683	600	1 966	6 397	259	4 461
Краснодарский край						
395 143	55 010	3 023	8 163	25 248	1 723	16 853
Астраханская область						
48 899	6 410	237	659	2 414	191	2 909
Волгоградская область						
136 542	13 260	651	1 570	5 558	445	5 036
Ростовская область						
257 878	31 605	1 285	4 245	15 716	1 165	9 194
г. Севастополь						
23 201	4 420	191	811	2 001	86	1 331

Источник: [Перепись 2020].

работодателей на рынке труда. Так, в Краснодарском крае в 2020 г. только 15 % молодых соискателей смогли найти работу, в 2023 г. — 62 % (показатель ниже докризисного) [Казакова и др. 2025: 105].

Стоит упомянуть и о трудовой миграции молодежи как стратегии делового поведения, свойственной для представителей некоторых южных регионов. К примеру, сложность социально-экономического ландшафта в Астраханской области и Республике Калмыкия активизируют поиск молодыми специалистами рабочего места за пределами указанных территориальных общностей, чаще в столицах или крупных городах [Захаров 2024: 77]. Это несомненно влияет не только на положение данной социальной общности, но и на экономическую, социальную и культурную структуру региональной общественной системы, а также на перспективы развития макрорегиональной экономики [Бадмаева, Натсак 2021: 186].

9. Гендерная асимметрия в трудовой и предпринимательской активности

Гендерная асимметрия как социальная проблема, проявляющаяся в неравномерном распределении женщин и мужчин в социальной и экономической структуре, сопровождающаяся статусно-ролевым дисбалансом, является актуальной для гуманитарных исследований не первое десятилетие. В современной России среди гендерных различий в профессиональной сфере можно выделить следующие: работающих мужчин количественно больше и их заработка выше; уровень занятости у женщин ниже во всем возрастном диапазоне и достигает максимальных значений в интервалах: 20–34, 55–59 лет, что объясняется прерывистым циклом женской карьеры, связанным с большой социальной нагрузкой (декретные отпуска, уход за детьми и старшими родственниками); временные затраты на деловую деятельность у мужчин больше; существует прямая зависимость между деловой занятостью женщины и наличием у нее несовершеннолетних детей, их количеством и степенью самостоятельности; наличие сегрегации по полу в признаку по вертикали (на 2 мужчин работодателей приходится примерно 1 женщина), так и горизонтали — по профессии, например, самыми высокооплачиваемыми являются «маскулинные» сферы (строительство, добывача полезных ископаемых, ИТ и связь) [Воронова 2024: 38–42].

Положительный прирост экономически активного населения за период с 2010 г. по 2020 г. (табл. 7) был в Краснодарском крае — среди мужчин и женщин, а в Адыгее — только среди мужчин. Краснодарский край лидирует по количеству экономически активного населения в каждой гендерной группе, аутсайдер — Республика Калмыкия. В каждом субъекте ЮФО больше мужчин из групп моложе и трудоспособного возраста, а женщин значительно больше среди пенсионеров, в том числе наемных работников. Доля занятых в экономике людей моложе трудоспособного возраста обеих полов меньше 1 %.

Среди трудоспособного населения в каждом регионе доля тех, кто в качестве основного дохода имеет зарплаты, больше всего в Краснодар-

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

Таблица 7. Население субъектов ЮФО, указавшее экономическую активность и основной источник средств к существованию, по укрупненным возрастным группам, по годам, по полу, чел.

	2010, чел.	2020, чел.	из них в 2020 г				
			заработ- ная плата, чел	%	предпри- нимательский доход, самозаня- тость, чел	%	другое
Республика Адыгея							
Мужчины	197 172	199 415	84 129	42	13 093	7	102 193
моложе трудоспо- собного	39 482	43 189	16	0	6	0	43 167
трудоспособном	127 563	124 969	81 088	65	12 656	10	31 225
старше трудоспо- собного	30 127	31 257	3 025	10	431	1	27 801
Женщины	227 833	221 915	80 965	36	6 700	3	134 250
моложе трудоспо- собного	37 029	40 669	15	0	2	0	40 652
трудоспособном	121 822	114 589	72 858	64	6 206	5	35 525
старше трудоспо- собного	68 982	66 657	8 092	12	492	1	58 073
Республика Калмыкия							
Мужчины	135 882	112 604	44 232	39	7 611	7	60 761
моложе трудоспо- собного	29 921	24 667	1	0	0	0	24 666
трудоспособном	92 897	73 251	42 989	59	7 349	10	22 913
старше трудоспо- собного	13 064	14 686	1 242	8	262	2	13 182
Женщины	146 204	116 023	40 866	35	2 616	2	72 541
моложе трудоспо- собного	28 083	23 164	3	0	0	0	23 161
трудоспособном	86 251	61 952	37 094	60	2 349	4	22 509
старше трудоспо- собного	31 870	30 907	3 769	12	267	1	26 871
Республика Крым							
Мужчины	*	785 850	327 243	42	38 728	5	419 879
моложе трудоспо- собного	*	163 983	61	0	3	0	163 919
трудоспособном	*	483 096	315 275	65	37 699	8	130 122
старше трудоспо- собного	*	138 771	11 907	9	1 026	1	125 838
Женщины	*	900 421	301 316	33	21 503	2	577 602

моложе трудоспособного	*	155 078	46	0	6	0	155 026
трудоспособном	*	438 835	271 646	62	19 632	4	147 557
старше трудоспособного	*	306 508	29 624	10	1 865	1	275 019
Краснодарский край							
Мужчины	2 366 848	2 529 571	1 289 720	51	104 645	4	1 135 206
моложе трудоспособного	431 117	465 411	514	0	12	0	464 885
трудоспособном	1 571 076	1 644 478	1 229 324	75	100 575	6	314 579
старше трудоспособного	364 655	419 682	59 882	14	4 058	1	355 742
Женщины	2 727 741	2 802 338	1 218 194	43	62 527	2	1 521 617
моложе трудоспособного	406 921	435 841	413	0	13	0	435 415
трудоспособном	1 484 044	1 522 525	1 094 717	72	57 203	4	370 605
старше трудоспособного	836 776	843 972	123 064	15	5 311	1	715 597
Астраханская область							
Мужчины	425 552	375 039	171 810	46	10 905	3	192 324
моложе трудоспособного	85 133	86 159	44	0	2	0	86 113
трудоспособном	288 858	235 123	166 024	71	10 536	4	58 563
старше трудоспособного	51 561	53 757	5 742	11	367	1	47 648
Женщины	483 549	415 946	155 517	37	6 542	2	253 887
моложе трудоспособного	80 821	81 382	38	0	1	0	81 343
трудоспособном	268 888	214 929	140 243	65	6 010	3	68 676
старше трудоспособного	133 840	119 635	15 236	13	531	0	103 868
Волгоградская область							
Мужчины	1 179 586	933 829	472 601	51	23 593	3	437 635
моложе трудоспособного	203 283	150 497	215	0	18	0	150 264
трудоспособном	799 164	621 662	452 880	73	22 589	4	146 193
старше трудоспособного	177 139	161 670	19 506	12	986	1	141 178
Женщины	1 365 581	1 034 350	441 072	43	13 581	1	579 697
моложе трудоспособного	191 642	143 862	177	0	13	0	143 672
трудоспособном	744 602	556 737	395 531	71	12 427	2	148 779

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

старше трудоспособного	429 337	333 751	45 364	14	1 141	0	287 246
Ростовская область							
Мужчины	1 934 355	1 727 501	854 788	49	64 439	4	808 274
моложе трудоспособного	325 205	309 993	252	0	21	0	309 720
трудоспособном	1 310 149	1 118 515	821 951	73	61 958	6	234 606
старше трудоспособного	299 001	298 993	32 585	11	2 460	1	263 948
Женщины	2 243 695	1 952 472	799 971	41	34 619	2	1 117 882
моложе трудоспособного	306 437	292 252	193	0	6	0	292 053
трудоспособном	1 234 693	1 023 251	721 483	71	31 629	3	270 139
старше трудоспособного	702 565	636 969	78 295	12	2 984	0	555 690
г. Севастополь							
Мужчины	*	176 983	82 910	47	7 320	4	86 753
моложе трудоспособного	*	33 512	31	0	0	0	33 481
трудоспособном	*	116 285	79 138	68	7 092	6	30 055
старше трудоспособного	*	27 186	3 741	14	228	1	23 217
Женщины	*	195 619	76 712	39	5 247	3	113 660
моложе трудоспособного	*	32 143	26	0	1	0	32 116
трудоспособном	*	104 293	68 597	66	4 827	5	30 869
старше трудоспособного	*	59 183	8 089	14	419	1	50 675

Источник: [Перепись 2010; Перепись 2020].

ском крае (мужчин — 75 %, женщин — 72 %), меньше — в Калмыкии (мужчин — 59 %, женщин — 60 %). Большая часть предпринимателей среди мужчин в Адыгее и Калмыкии (по 10 %), меньшая — Астраханская и Волгоградская (по 4 %). В группе старше трудоспособного возраста по зарплате среди местных мужчин больший процент в Краснодарском крае и г. Севастополе (по 14 %), меньший — в Республике Калмыкия (8 %). Среди женщин лидирует Краснодарский край (15 %), а отстает Республика Крым (10 %). Доля мужчин предпринимателей почти во всех регионах равна 1 %, в два раза больше — в Калмыкии. Предпринимательниц же почти везде 1 %, не смогли достичь этого показателя в Астраханской, Волгоградской и Ростовской областях.

Общероссийские тенденции о превалировании мужчин в общем количестве занятых и их более высоких зарплатах, горизонтальной и вертикальной профессиональной сегрегации справедливы и для южных регионов России [Клименко 2021: 215].

Стоит подчеркнуть, что социально-культурный и этнический факторы оказывают влияние не только на характер пространственной асимметрии, но и гендерной. Так, в Республике Адыгея экономическая активность женщин детерминирована локальными этнокультурными особенностями, связанными с традиционными взглядами о внутрисемейной гендерной иерархии, главенствующем положении мужчины, приоритете домашнего хозяйствования для женщины и / или медицины и образования как одобряемых сфер их профессиональной реализации [Безрукова, Тхакушинов 2020: 49–50].

10. Заключение

Для современного российского государства, ориентированного на сохранение национальной целостности, общественной стабильности в условиях глобальных вызовов и динамично развивающейся международной и внутриполитической повестки, анализ экономической активности населения страны и ее субъектов является одним из ключевых. Для регионов ЮФО можно выделить общие (старение экономически занятого населения, низкий уровень деловой активности молодежи и другие) и особенные (пространственная, гендерная и возрастная асимметрии) черты экономической деятельности местных жителей. Представленные в данной работе выводы могут быть использованы для расширения исследовательской социологической и междисциплинарной практики по анализируемой теме представителями научного сообщества, для принятия управленческих и организационных решений в области развития экономической активности населения представителями властных структур и общественных организаций.

Источники

- Перепись 2020 — Всероссийская перепись населения 2020 г. [электронный ресурс] // URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 15.06.2025).
- Рейтинг 2024 — Рейтинг социально-экономического положения регионов ЮФО по итогам 2024 г. [электронный ресурс] // Перепись 2010 — Всероссийская перепись населения 2010 г. [электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 15.06.2025).
- Статистика — Федеральная служба государственной статистики. Официальная статистика. Рынок труда, занятость и заработная плата [электронный ресурс] // URL: https://rosstat.gov.ru/labour_costs (дата обращения: 15.06.2025).

Литература

- Аликперова, Маркова 2023 — Аликперова Н. В., Марков Д. И. Российская молодежь о работодателях и трудовых отношениях. Результаты социологического опроса // Социально-трудовые исследования. 2023. № 4(53). С. 190–198.
- Алкесов 2021 — Алкесов Р. Т. Интеграционный потенциал трудовых ценностей студенческой молодежи Юга России // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 12. № 5. С. 99–108.
- Бадмаева, Натсак 2021 — Бадмаева Н. В., Натсак О. Д. Современная трудовая миграция из Калмыкии и Тувы: экономические, социокультурные и гендерные аспекты // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 186–205.
- Безрукова, Тхакушинов 2020 — Безрукова А. А., Тхакушинов А. К. Гендерные аспекты в области социально-политической и экономической активности (по ма-

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

- териалам социологического исследования в республике Адыгея) // Европейский научный журнал. 2020. № 2(54). С. 43–50.
- Бобков, Одинцова 2020 — Бобков В. Н., Одинцова Е. В. Социальное неравенство в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 3(47). С. 179–184.
- Булетова, Шаркевич 2022 — Булетова Н. Е., Шаркевич И. В. Оценка структуры и динамики теневой экономики на региональном уровне (на примере ЮФО РФ) // Труды Института системного анализа РАН. 2022. Т. 72. № 2. С. 19–29.
- Васильева, Тырсин 2021 — Васильева Е. В., Тырсин А. Н. Возрастная дифференциация в заработной плате на российском рынке труда: выявление причин // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 3. С. 103–132.
- Верховская 2024 — Верховская О. Р. Мониторинг предпринимательской активности. Россия 2023–2024. 2024. 55 с.
- Воронова 2024 — Воронова К. А. Гендерные различия мужчин и женщин в профессиональной сфере в современной России // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2024. № 2(9). С. 33–47.
- Герчиков 2006 — Герчиков В. И. Трудовая мотивация: понятие, выявление и управление (часть 1) // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. 8. № 3. С. 222–233.
- Горошко, Пацала 2021 — Горошко Н. В., Пацала С. В. «Серебряная экономика» как новый тренд мирового развития в условиях глобального старения населения // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. № 2. С. 198–218.
- Гриненко 2022 — Гриненко Т. Г. Молодежь на рынке труда: возможности и угрозы // Управленческое консультирование. 2022. № 5(161). С. 62–71.
- Захаров 2024 — Захаров С. М. Каспийский регион: проблема оттока молодежи // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 3(80). С. 75–83.
- Золотина, Сагдеева 2022 — Золотина О. А., Сагдеева А. Т. Рынок труда и занятость молодежи в России // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2022. Т. 11. № 5. С. 71–78.
- Казакова и др. 2025 — Казакова Л. В., Федосова Ю. В., Ляховецкий А. М. Трудоустройство и занятость населения в Краснодарском крае // Вестник науки. 2025. Т. 2. № 5(86). С. 93–109.
- Калабина, Шадрина 2022 — Калабина Е. Г., Шадрина Е. А. Трансформация занятости возрастных работников в современной России: причины и последствия // Экономика труда. 2022. Т. 9. № 10. С. 1577–1590.
- Карпикова, Баева 2021 — Карпикова И. С., Баева О. Н. Трудовая занятость пожилых россиян: характеристика тенденций и возможностей реализации // Социодинамика. 2021. № 6. С. 1–13.
- Картузова 2020 — Картузова М. В. Трудовые практики старших возрастных групп: причины выбора // Экономическая социология. 2020. Т. 20. № 1. С. 81–99.
- Кетова и др. 2015 — Кетова Н. П., Колесников Ю. С., Овчинников В. Н. Экономика Юга России: особенности функционирования и перспективы развития // Проблемы прогнозирования. 2015. № 4. С. 96–104.
- Клименко 2021 — Клименко Л. В. Динамика этногендерных установок населения Юга России в социально-профессиональной сфере // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 214–219.
- Луковцева 2021 — Луковцева А. К. Южный федеральный округ: новые возможности и перспективы (итоги ПМЭФ-2021) // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2021. № 3. С. 120–127.
- Лушников и др. 2025 — Лушников Д. А., Долгополов К. А., Кузнецова О. Н. Политическое конструирование возрастного неравенства: эйджистский аспект информ

- мационных войн // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 3. С. 20–26.
- Ляшок 2024 — Ляшок В. Ю. Изменение трудового поведения населения старшего возраста в 2018–2023 гг. // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 4. С. 276–283.
- Мамаева 2004 — Мамаева В. Ю. Трудовая активность как социально-экономическая категория // Вестник Омского университета. Сер.: Экономика. 2004. № 4. С. 60–68.
- Мерзлякова, Антосик 2023 — Мерзлякова А. Ю., Антосик Л. В. Влияние индивидуальных характеристик на занятость, предпринимательство и самозанятость в РФ // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2023. Т. 25. № 2. С. 5–18.
- Митрофанова, Митрофанова 2021 — Митрофанова Е. А., Митрофанова А. Е. Молодежь на рынке труда // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2021. Т. 10. № 6. С. 72–78.
- Митрофанова, Иванова 2023 — Митрофанова И. В., Иванова Т. Б. Региональные институты развития: состояние и результативность (на примере малого и среднего предпринимательства в регионах Юга России) // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2023. Т. 25. № 3. С. 51–64.
- Митрофанова, Чернова 2022 — Митрофанова И. В., Чернова О. А. Самозанятость как социально-экономическое явление: влияние на устойчивость регионального развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2022. Т. 24. № 1. С. 55–67.
- Пасовец 2016 — Пасовец Ю. М. Пространственная асимметрия российского общества: социально-экономическое неравенство и социокультурная дифференциация регионов // Философские науки. 2016. № 4. С. 58–69.
- Рахмееva, Клейменов 2024 — Рахмееva И. И., Клейменов М. В. Мотивация российских предпринимателей начала XXI века: субъективное восприятие бизнесменов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 4. С. 68–77.
- Руднев и др. 2017 — Руднев В. Д., Русскова А. В., Вишнякова В. А. Заработка плата в России: от интегральной политики к государственному регулированию // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. № 2. С. 88–95.
- Селеткова, Лазукова 2020 — Селеткова Г. И., Лазукова Е. А. Самоидентификация и мотивы выбора трудовой деятельности среди предпринимателей и руководителей // Вестник Пермского национального политехнического университета. Социально-экономические науки. 2020. № 4. С. 91–99.
- Терин и др. 2023 — Терин А. В., Андрюсова И. В., Старостина Д. С. Государственная поддержка молодежи при реализации предпринимательских инициатив в условиях экономической нестабильности // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 6(50). С. 471–474.
- Тополева 2022 — Тополева Т. Н. Пространственная локализация экономической активности в России: структурные изменения в макрорегионах // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2022. № 4(72) [электронный ресурс] // URL: <https://eee-region.ru/article/7220/> (дата обращения 10.10.2025).
- Трушкова, Макарова 2020 — Трушкова Е. А., Макарова М. Н. Социально-демографическая асимметрия развития территориальных образований: понятие и факторы асимметрии // Институты развития человеческого потенциала в условиях современных вызовов. Т. I. Екатеринбург, 2020. 2020. С. 273–280.

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

- Узденова, Урусов 2024 — Узденова Ф. М., Урусов М. И. Молодежное предпринимательство как драйвер экономического развития России и регионов // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. № 5(55). С. 382–386.
- Шестакова и др. 2016 — Шестакова Н. Н., Васильев И. Г., Чистякова Н. Е. Исследование человеческого капитала старших возрастов: постановка проблемы // Вестник Пермского университета. Сер.: Экономика. 2016. № 4(31). С. 31–48.
- Щербаков 2013 — Щербаков И. В. Сравнительный анализ мотивации предпринимательской и трудовой деятельности // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2013. № 2. С. 129–136.

УДК / UDC 394.7+398.332

**Лунная девушка или лунный заяц:
толкование лунных пятен
у тюрко-монгольских народов Внутренней Азии**

Марина Михайловна Содномпилова¹, Баир Зориктоевич Нанзатов²

**The Moon Maiden or the Moon Hare:
Interpretation of Lunar Spots
among the Turkic and Mongolic Peoples of Inner Asia**

Marina M. Sodnompilova¹, Bair Z. Nanzatov²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация) ¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0003-0741-0494. E-mail: sodnompilova[at]yandex.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация) ² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-8012-2515. E-mail: nanzatov[at]yandex.ru

Аннотация. *Введение.* Статья продолжает цикл работ, посвященных ночному светилу — луне. В фокусе внимания данной статьи — лунные пятна, их толкование в мифологии тюрко-монгольских народов исследуемого региона. Цель статьи — выявление примеров толкований лунных пятен в традиционном мировоззрении тюрко-монгольских народов Внутренней Азии, определение направлений и времени распространения фольклор-

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

ных мотивов, связанных с лунными пятнами, их влияния на повседневную жизнь обществ. **Результаты.** Выявлены три мотива, объясняющих лунные пятна. Это мотив девушки с ведрами, который является автохтонным для северной Евразии и наиболее поздним из всех известных мотивов. Этот мотив дополняется мотивом растения. Третий мотив связан с образом лунного зайца. Исследование версий интерпретаций лунных пятен в культуре тюрко-монголов позволило обозначить территории, где возникли мотивы с девушкой-«водоношой» и зайцем, пути их распространения по Евразии и приблизительное время их распространения. Северной периферией распространения образа «лунного» зайца выступает территория проживания предбайкальских бурят. Имя девушки — духа-хозяина луны, обнаруженног о в мифах предбайкальских бурят, позволяет обозначить бурятскую «лунную» девушку как пример слияния двух ключевых фольклорных мотивов евразийского континента — образа «лунной водоноши» и «лунного» зайца.

Ключевые слова: тюрко-монгольские народы, луна, мифологические образы, лунные пятна, «лунная» девушка, «лунный» заяц

Благодарность: Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З. Лунная девушка или лунный заяц: толкование лунных пятен у тюрко-монгольских народов Внутренней Азии // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 3. С. 121–131. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-121-131

Abstract. *Introduction.* This article continues a series of works devoted to the night light – the moon. It focuses on moonspots and their interpretation in the mythology of the Turkic and Mongolic peoples of the region. *The purpose* of this article is to identify examples of the interpretation of moonspots in the traditional worldview of the Turkic and Mongolic peoples of Inner Asia, to determine the zone and time distribution of folklore motifs, their connections with moonspots, and their impact on the daily life of society. *Results.* Three motifs explaining moonspots were identified. The first is the motif of the maiden with buckets, which is indigenous to northern Eurasia and the latest of all known motifs. This motif is complemented by a plant motif. The third motif is associated with the image of the moon hare. The basis for the study of moonspot interpretations in Turkic and Mongolic culture is the territories where the motifs of the maiden-“water carrier” and the hare originate, the routes of their spread across Eurasia, and the approximate time of their spread. The northern periphery of the “moon” hare’s distribution is the territory inhabited by the Cis-Baikal Buryats. The name of the maiden — the spirit master of the moon, found in Cis-Baikal Buryat myths – allows us to identify the Buryat “moon” maiden as an example of the fusion of two key Eurasian folklore motifs — the image of the “moon water carrier” and the “moon” hare.

Keywords: Turkic and Mongolic peoples, moon, mythological images, lunar spots, moon maiden, moon hare

Acknowledgement. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 “Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China”.

For citation: Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z. The Moon Maiden or the Moon Hare: Interpretation of Lunar Spots among the Turkic and Mongolic Peoples of

Inner Asia. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*. 2025. No. 3. Pp. 121–131. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-121-131

1. Введение

Данная публикация продолжает серию работ, посвященных одному из главных небесных объектов — луне в традиционном мировоззрении тюрко-монгольских народов преимущественно Внутренней Азии. В фокусе внимания данной статьи — лунные пятна, их толкование в мифологии тюрко-монгольских народов исследуемого региона.

Лунные пятна, безусловно, притягивали взоры людей с древних времен, заставляя задумываться о том, как они могли появиться на безупречно круглом и светлом лице луны. Самыми архаичными версиями понимания природы лунных пятен являются взгляды, сложившиеся на африканском континенте. Как удалось выяснить Ю. Е. Березкину, характерной чертой «африканских» воззрений сапиенсов о лунных пятнах был нефигуративный характер их истолкования. Иными словами, в ранних представлениях человека лунные пятна виделись непосредственно пятнами грязи, золы, песка, навоза, которыми было испачкано небесное светило в силу разных причин (зависти, в целях пригашения слишком яркого света и т. д.). «Нефигуративный характер истолкования пятен на лунном диске объединяет Африку южнее Сахары с Австралией, Меланезией и Южной Америкой» [Березкин 2013: 99–100].

Нефигуративная интерпретация лунных пятен также обычна на юге Балкан и на Кавказе, известна в Восточной Европе и у енисейских кетов. «Однако по сравнению с вариантами фигуративного истолкования лунных пятен таких случаев в Европе и Сибири ничтожно мало» [Березкин 2013: 99–100]. Таким образом, в исследуемом нами регионе преимущественно распространены иные взгляды, объясняющие происхождение лунных пятен. Каковы же эти взгляды?

2. Материалы и методы

Работа базируется на комплексном подходе к изучению прошлого. В исследовании приоритетными стали методы, разрабатываемые и апробированные исследовательской группой под руководством Ю. Е. Березкина. Продуктивным, в частности, является исследование ареального распределения фольклорно-мифологических мотивов — метод, позволяющий связать распространение мотивов с определенными культурными и демографическими процессами, происходившими в различные эпохи. Аналитическими единицами выступают разные транскультурно распространенные элементы — мотивы-образы, мотивы-эпизоды, личные имена персонажей мифов. Основными источниками исследования стали материалы по мифологии и фольклору тюрко-монгольских народов, отражающие представления кочевников о спутнике нашей планеты, в том числе материалы архива Центра восточных рукописей и ксилографов Ин-

ститута монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН).

3. Основная часть

1. *Девочка на луне.* На территории Евразии было распространено несколько версий толкования лунных пятен. Значительная их часть, ограниченная северными территориями евразийского пространства, связана с образом девушки с коромыслом и ведрами. Этнографические и фольклорные материалы, отражающие представления тюрко-монгольских народов о природе пятен на поверхности луны, в большинстве случаев повествуют о девочке / девушке с коромыслом, ведрами и кустом тальника в руке, унесенной на луну либо в наказание за оскорбление, либо по просьбе девочки, обижаемой мачехой. Это мотив, по выводам Ю. Е. Березкина, ограничен территорией северной Евразии [Березкин 2017: 156–157]. У тюрков Южной Сибири — алтайцев, хакасов, тувинцев, тофаларов лунные пятна толковались как чудовище Челбegen / Дъелбеген, манғыс, великан, пожиравший на земле людей. По просьбе божества он был схвачен луной и унесен на небо. В его руке виден куст черемухи: когда луна спустилась к Челбегену, он был занят тем, что ел ягоды черемухи. Чудовище хваталось за ветки дерева, чтобы удержаться на земле [Лиморенко 2022: 27]. За пределами южносибирского региона близкий в чем-то мотив заточения чудовища на луне обнаружен в калмыцком мифе: «боги поймали чудовище Араху, приковали его цепями к железной телеге, врытой в луну. Темные пятна на луне — это и есть Араха и телега» [Семь звезд 2004: 43].

Как уже было сказано выше, в Южной и Восточной Сибири распространен мотив «лунной водноши». В хакасском варианте мифа лунной ночью девочка пошла за водой и показала светилу кукиш. Луна оскорбилась, тут же опустилась на землю и взяла ее с собой [Бутанаев 2003: 46].

Монголы в лунных пятнах также видели девочку или молодую женщину. Существует миф, в котором солнце и луна поделили между собой девушку: солнце забрало верхнюю часть тела девушки, а луна — нижнюю. С тех пор солнце стало мужчиной, а луна — женщиной [БНМАУ-ын 1987: 385]. Это миф лег в основу уникальных свадебных традиций монголов, согласно которым жених и невеста, молясь перед небесными светилами, либо встают на изображения солнца (жених) и луны (невеста), сделанные из риса, либо эти изображения устанавливают позади них [Вяткина 1960: 221; Эрдэнэболд 2012: 23].

Сюжеты бурятских мифов о лунных пятнах во многом совпадают с подобными сюжетами тюркских народов Южной Сибири. Главный персонаж бурятских мифов — это девочка, девушка, сирота, обижаемая мачехой.

В одном из вариантов бурятских мифов, записанных П. П. Баторовым, речь идет о проклятии матери. Текст мифа достаточно объемный и содержит несколько мотивов, помимо основного, связанного с девушкой. В мифе говорится, что девушка, отправившаяся за водой, замешкалась у реки. «Мать долго ее ждала, наконец осердившись, громко стала звать ее

и крикнула: „Чтоб тебя схватили солнце и луна“» [Баторов. Ф. 14. Оп. 1. Ед хр. 13. Л. 1]. Как только мать сказала эти слова, солнце и луна спустились к девушке. Солнце, будучи быстрее и сильнее луны, схватило девушку с ведрами. Но между луной и солнцем вышел спор, кому из них владеть девушкой, ибо в проклятии матери оба упомянуты. Долго они спорили, но никто не уступал. «Наконец месяц предложил солнцу разрешить этот спорный вопрос следующим образом: месяц обещал всю землю покрыть в течение одного дня снегом (месяц считается эжином¹ снега), и, если солнце этот снег растопит также в течение одного дня без остатка, а также в тот же срок раздвоит копыта у всех животных, то солнце приобретает право владеть девушкой единолично навсегда; в противном случае месяц присваивает девушку... Солнце проиграло свое pari и должно было уступить девушку луне» [Баторов. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 2].

У забайкальских бурят, по материалам Г. Р. Галдановой, духом-хозяйкой солнца и луны является девушка по имени Гуувэй. Она была похищена месяцем, когда ходила за водой. Это случилось по вине матери, которая, потеряв дочь, кричала: «Где ты так долго пропадаешь, Солнце и Луна тебя забрали что ли?» [Галданова 1987: 17]. В это время по небу проплывал месяц, который, услышав слова матери, спустился на землю и забрал девушку. «Силует девушки на луне, держащей в одной руке ведро, а в другой — талинку, — это Гуувэй» [Галданова 1987: 17]. Гуувэй упоминается при обрядах, адресованных светилам в семьях, где ожидали скорое появление ребенка.

По мнению Ю. Е. Березкина, мотив «лунной водоноши», распространенный в Сибири и имеющий североамериканские варианты, имеет свои истоки в Восточной и Юго-Восточной Азии (мифологема «человек, падающий на луну и остающийся там»). Появление женского персонажа Ю. Е. Березкин расценивает как инновацию, вариант с мужским персонажем является более архаичным. Того же мнения придерживается Исида Эйтиро, полагая, что мотив «лунной девушки» зародился в северной части Евразии [Эйтиро 1998: 28]. Распространение мотива «лунной водоноши» «можно датировать не ранее, чем самым концом плейстоцена, если не ранним голоценом» [Березкин 2017: 151].

Мифы о девочке на луне легли в основу ряда запретов, адресованных детям, а также людям, отправившимся за водой на водоем. Поскольку девочка-сирота плакала от холода и обиды на мачеху, пославшей ее ночью за водой, и луна, сжалившись над ней, забрала девочку к себе, хакасы запрещали детям ночью плакать. «Их предостерегали от этого рассказами о том, что плачущих малышей забирает к себе луна» [Бутанаев 2003: 46].

Миф, в основе которого лежит оскорбление луны и последующее наказание оскорбителя, обосновал запрет показывать рукой на луну, которого придерживались повсюду в Южной Сибири и в Забайкалье. В случае совершения подобного действия, чтобы не случилось несчастья, требовалось произнести следующее: «Не я показывал, а чурбан показал» [Бутанаев 2003: 46].

¹ Эжин — дух-хозяин снега.

У предбайкальских бурят на основе мифа о похищенной луной девушке сформировался особый запрет, связанный с человеком, ушедшим за водой: «Иркутские буряты знают о том, какая участь постигла ту несчастную девушку, а потому во избежание повторения подобного события, ушедшего за водой человека, ныне никто не имеет права звать и торопить, в случае крайней необходимости разрешается кричать: „Собака подавилась“» [Баторов. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 3].

2. *Лунный заяц*. Южные, восточные и юго-восточные части Азии, включающие Индию, Китай, Японию, Вьетнам, Корею объединяет образ лунного зайца, живущего на луне. В других странах Юго-Восточной Азии были известны иные персонажи — трехлапая жаба, черепаха. В эволюции толкований лунных пятен исследователями отмечается первоначальное соседство зайца с жабой, затем замещение образа жабы зайцем. Образ зайца на луне в представлениях китайцев утвердился в эпоху Западной Хань (206 г. до н. э. – 9 г. н. э.), а широкое распространение получил в первой половине I в. н. э. Вэнь Идо (1899–1946), авторитетный комментатор «Чуских строф», проследил эволюцию мифологических мотивов лунной жабы и зайца. За исключением «Вопросов к небу», отмечал он, до династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) нет достоверных сведений о наличии каких-то фигур на луне. Раньше всего упоминается жаба в «Хуай наньцзы» (середина II в. до н. э.). Жаба и заяц впервые упоминаются Лю Сянном (77 – 6 гг. до н. э.), а наиболее ранние изображения зайца и жабы на луне обнаружены на погребальных полотнищах раннеканьских захоронений археологического памятника Мавандуй (могильники № 1 и 3) в г. Чанша провинции Хунань. Они датируются концом первой половины II в. до н. э. Луна изображена на полотнище в виде нарождающегося месяца, выше которого расположена темная жаба, выше которой уже изображен белый заяц в прыжке [Майоров, Стеженская 2020: 156]. Образ жабы и зайца позднее замещается образом одного зайца. Вэнь Идо связывал начало упоминания одного только зайца с апокрифическими сочинениями (вэйшу), появившимися при Западной Хань (206 г. до н. э. – 9 г. н. э.), но достигшими наибольшего влияния в первой половине I в. н. э.» [Майоров, Стеженская 2020: 154]. Не избежал трансформаций и облик самого зайца. «От простого горизонтального зайца в прыжке он переходит к изображению в танское время (VII–X вв.) стоящего в человеческой позе зайца с пестом в передних лапах, который погружен в расположенную рядом ступу» [Майоров, Стеженская 2020: 157]. Образ зайца, толкующего в ступе снадобье бессмертия, нередко дополненный коричным деревом, становится наиболее известным, распространившись по Восточной, Центральной Азии. Как считает Иссида Эйтиро, цикл представлений о лунном зайце распространен намного шире, чем о человеке, зачерпывающем воду [Эйтиро 1998: 28].

Относительно древности появления образа зайца в толковании лунных пятен в культуре китайцев до сих пор ведутся споры. Обоснованы они тем, что видели в лунных пятнах зайца не только в Китае, но и в Ин-

дии. В санскритских названиях луны появление пятен считают следами антилопы или зайца, и соответственно имена этих животных входят в многочисленные названия луны. Хорошо известны санскритские выражения *śaśa-dhara* ‘держащий зайца’, *śaśin* ‘имеющий или несущий зайца’. Эти названия были калькированы в тибетский язык в форме *ri-bong dzin (-pa)*, *ri-boncan* («с зайцем») и монгольский язык *taulai-tu*, *taulai-yi bariyci*. Есть в тибетском и монгольском языках и такие варианты названий как «со знаком зайца» (тиб. *ri-bon mtshan*, монг. *taulai belge-tü*), «с тенью зайца» (тиб. *ri-bong grib-ma*, монг. *taulai següder-tü*). Для последнего названия буквального санскритского прототипа нет [Яхонтова 2008: 123].

«Лунный заяц» распространился по всей южной и северной периферии Китая. Среди монгольских народов он зафиксирован у халха-монголов, монголов Ордоса, ойратов [Березкин 2017: 67]. Хорошо известен он корейцам и японцам [Эйтиро 1998: 27–28]. У монгольских народов актуален образ зайца, привнесенный в регион с распространением буддизма. Согласно калмыцкой версии мифа, душа божества Шагджимуни, пребывающая в теле зайца, повстречала на своем пути умирающего от голода человека. «Заяц добровольно отдался этому страннику на съедение. В память об этом подвиге бурхана Шакджимуни¹ на луне появилось изображение зайца» [Семь звезд 2004: 48]. «Этот вариант имеет очевидное индийское происхождение. Он широко распространен в Южной Азии, где протагонистом бывает как Будда, так и некий брахман, отождествляемый с месяцем» [Березкин 2017: 67].

К северу от Монголии этот образ исчезает. Заяц в толкованиях лунных пятен в бурятских мифах и ритуальной сфере не отмечен. Однако следы представлений, связанных с зайцем на луне, в мифологии все же обнаруживаются. Так, среди бурятских мифов особняком выделяются мифы предбайкальских бурят о девушке, взятой луной, значимость которых обусловлена их косвенной связью с «лунным зайцем».

Каким образом в бурятских мифах просматриваются следы лунного зайца? Как уже было показано выше, в мифах предбайкальских бурят духом-хозяйкой луны становится девушка, похищенная либо взятая луной из жалости. В бурятском шаманском пантеоне этот дух занимает определенное место. «Изображение этой девушки, сделавшейся хозяйкой солнца и луны или одной только луны, рисуют иногда на шаманских ящиках (ширэ), и ее же буряты видят в лунных пятнах» [Хангалов 1958: 319]. Дух-хозяйка луны упоминается в шаманских призываиях, адресованных луне и солнцу, а также их помощницам — двум шаманкам из рода шоно по имени Эрмеелжи галзу и рода дурлае Абагантского ведомства по имени Богоо боохое. К ним шаманы обращаются в случае бездетности семейной пары или в случае болезни детей [Михайлов 1996: 73].

Мифы предбайкальских бурят о девушке, взятой луной, выделяются тем, что главный персонаж — девушка может связываться либо с конкретной этнической группой бурят, либо с ведомством, из которого она происходит. В версии, записанной П. П. Баторовым, отмечено: «У бурят

¹ Так в источнике.

взятая луной девушка входит в состав Ехэ-онгона и упоминается, что она была из рода сагаан-баргат» [Баторов. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 1]. В материалах В. А. Михайлова эта девушка происходит из Ленского ведомства [Михайлов 1996: 73].

В контексте проблемы присутствия следов лунного зайца в бурятских мифах для нас особый интерес представляет не сама девушка, а ее имя. В материалах М. Н. Хангалова есть описание духа-хозяина солнца и луны, и упоминается ее имя: «Солнце и луна имеют одного обладающего духа, одного хозяина — эжина солнца и луны, особу женского пола Шандаги на Хундагина» [Хангалов 1958: 319]. В имени этого духа его первая часть происходит от слова *шандаган* (монг. чандаган) — ‘заяц-русак’, ‘заяц-белая’ [БРС 1973: 720; БАМРС 2002: 306], а вторая часть имени Хундагина связана с выражением *хундаган сагаан* ‘белый-пребелый’, ‘белоснежный’ [БРС 1973: 601].

Слово «заяц» с сопутствующим обозначением его цвета «белый» присуще имени духа-хозяйки луны и в мифе, зафиксированном В. А. Михайловым. «Кроме названного потомства у луны и Солнца есть три сына, которые женаты на бурятской девице из Ленского ведомства по имени Шандаган Сагаан туулае, т. е. „Белая, как заяц“. Шандаган Сагаан туулае была похищена луной в то время, как шла за водою с ведрами. Когда луна схватила ее, чтобы унести на небо, то она ухватилась за тальниковый куст, с которым вместе и унесла ее к себе луна. Лунные пятна считаются бурятами за эту девицу с кустом тальника» [Михайлов 1996: 73].

Данные сведения бурятских мифов с указанием имени духа-хозяйки луны (иногда и солнца), на наш взгляд, являются свидетельством отражения образа лунного зайца, распространенного в Восточной Азии. Особенно подчеркивается определение «белый» по отношению к зайцу. Это определение фигурирует и в материалах П. П. Баторова, когда он упоминает этническую общность бурят, к которой принадлежала «лунная» девушка — *сагаан баргат* («белые баргаты»). Напомним, что заяц на погребальных полотнищах раннеханьских захоронений археологического памятника Мавандуй также изображен белым.

Упоминаемая П. П. Баторовым бурятская этническая группа *сагаан-баргат*, скорее всего, имеет отношение к архаичной и крупной общности баргуты, которая во времена Монгольской империи была рассеяна по обширной территории [Нанзатов 2016], включая северо-восток Китая, называемый Барга, где и поныне проживают две группы баргутов — «старые» и «новые». Также крупные группы баргутов отмечаются в районе Лядуна, к югу от Хингана в Горлосе, в Шилин-голе, в Алашани, небольшие группы дисперсно разбросаны по всей Монголии. Для всех носителей этнонима *баргу* особым сакральным статусом наделена территория их исконного проживания — Баргуджин-токум (Прибайкалье). Полагаем, что для многих баргутов возвращение на свою прародину оставалось заветной целью, и некоторые из них смогли осуществить задуманное. Вернувшиеся в Забайкалье баргуты известны как *оргодой бодонгуты* среди

хори-бурят, чипчинуты оказались среди маньковских хамниган, в Предбайкалье подразделение баргут отмечено у аларских шаранутов. Кроме того, мотив о происхождении от баргутов есть у булутов, являющихся подразделением булагатской группы Обогони олон. Мотив о сагаан-баргатах, вероятно, является еще одним косвенным указанием, на наличие возвратных миграций баргутов в Предбайкалье, в частности в состав крупной этнической общности эхирит. За исключением сведений П. П. Баторова, исследователи этнического состава бурят не отмечают подобного этнонима. В этой связи можно предположить вливание сагаан баргутов в состав другой группы бурят, впоследствии растворившихся в их окружении и оставивших след по женской (материнской) линии.

Цвет зайца, живущего на луне, — это отдельная проблема. В рассуждениях древних китайских философов привлекает внимание тот факт, что древние китайцы видели образ зайца отнюдь не в серых лунных пятнах. Китайский мудрец Лю Сян видел в более темной части лунного диска лунную жабу. Опираясь на учение инь-ян, саму луну и живущую на ней лунную жабу он относил к женской темной стихии инь, а лунного зайца — к мужской светлой стихии ян. Согласно Лю Сяну, без наличия ян луна не могла бы обладать свечением. Таким образом, «лунный» заяц представлял собой более светлые участки лунного диска. «Такое „теоретическое“ объяснение затененной части луны как жабы, а неполного светящегося диска луны как зайца было в обиходе уже в конце Западной Хань на рубеже нашей эры» [Майоров, Стеженская 2020: 154]. Очень заманчиво связать эти древнекитайские воззрения о белом «лунном зайце» с бурятской «лунной» девушкой по имени «Белая, как заяц», и в действительности такая связь вполне возможна. Особую значимость личных имен персонажей в исследованиях межкультурных связей подчеркивает Ю. Е. Березкин [Березкин 2019: 31].

Представляет интерес и обязательный атрибут «лунной» девушки — куст тальника, за который она ухватилась, когда ее забирал месяц. Это самостоятельный мотив, происхождение которого связано с образом дерева, растущего на луне, либо улетевшего на луну. «В Сибири мотив должен был появиться задолго до II тыс. до н. э., на что указывают близкие параллели на северо-западном побережье Северной Америки у хайда и цимшиан» [Березкин 2017: 54]. Тальник является одним из сакральных, почитаемых кочевниками растений, способного изгонять злых духов, обладающего лечебными свойствами. Эти свойства и функции тальника схожи с лечебными свойствами других мифических деревьев (коричного дерева, баньяна, сафлора) в сюжетах мифов южных регионов евразийского континента и островных культур.

4. Заключение

В представлениях тюрко-монгольских народов Внутренней Азии фиксируются три мотива, объясняющих лунные пятна. Это мотив девушки с ведрами, попавшей на луну по разным причинам (из жалости луны, в

результате проклятия матери / мачехи, в результате оскорблении луны). Данный мотив является автохтонным для северной Евразии и наиболее поздним из всех известных мотивов. Этот мотив дополняется мотивом растения: в мифах тюрко-монгольских народов это преимущественно куст тальника и в одном случае — ветка черемухи (в алтайском мифе о чудовище). И мотив дерева, и мотив воды в «лунных» мифах разных народов, по мнению И. Эйтиро, отражают наличие «изначальной связи между луной и бессмертием» [Эйтиро 1998: 34].

Другим мотивом является образ «лунного» зайца, происхождение которого связано с Китаем либо Индией. На территории Внутренней Азии мы видим постепенное затухание мотива к северу. И если в мифах монголов образ зайца вполне осозаем, то у бурят к северу от озера Байкал образ зайца зашифрован в имени антропоморфного духа-хозяйки луны — девицы Шандаган Сагаан туулае («Белая, как заяц»). Среди якутов данный образ не известен (либо еще не выявлен).

Конкретика, характеризующая мифы предбайкальских бурят (наличие имени персонажа, указание этнической группы, ведомства), на наш взгляд, свидетельствует о позднем привнесении в Сибирь мотива о «лунном» зайце с мигрировавшими на север монголоязычными группами из Китая. Среди бурят мифические нарративы о зайце не прижились: осталось лишь название зайца в имени более привычного персонажа — «лунной» девушки. Полное отсутствие мотива «лунного» зайца у якутов говорит о том, что привнесение его в бурятскую среду произошло после того, как часть предков якутов из Прибайкалья ушла на север (долина р. Лена). Ориентировочно это время датируется XIV-XVI вв.¹ [Нанзатов, Тишин 2024: 81–93]. Таким образом, результаты применения ареального метода к распространению фольклорных мотивов, отражающих представления о лунных пятнах в мировоззрении тюрко-монгольских народов Внутренней Азии, могут представлять определенный интерес и для реконструкции этногенетических процессов в данном регионе.

Источники

- Баторов — Баторов П. П. Легенда о девушке, похищенной луной // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Личный архивный фонд П. П. Баторова № 14. Оп. 1, Д. 13.
- БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь в 4 тт. / отв. ред. Г. Ц. Пүрбееев Т. 4. Х-Я. М.: Academia, 2002. 532 с.
- БНМАУ-ын 1987 — БНМАУ-ын угсаатны зүй. 1 боть / ред. С. Бадамхатан. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1987. 432 х.
- БРС 1973 — Бурятско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. М.: Советская энциклопедия, 1973. 803 с.

¹ Пристальное внимание определению хронологии бурятско-якутских контактов на примере этнонимов было уделено в серии работ В. В. Тишина и Б. З. Нанзатова. Методы исторической лингвистики, использующие в качестве источника этнонимы, позволяют внести ясность в процессы миграции населения средневековой эпохи во Внутренней Азии и шире. В свою очередь данные этих исследований полезны в исследованиях времени распространения фольклорных мотивов в исследуемом регионе.

Семь звезд 2004 — Семь звезд. Калмыцкие легенды и предания / сост. Д. Э. Басаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 415 с.

Литература

- Березкин 2013 — *Березкин Ю. Е.* Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. СПб.: Наука, 2013. 320 с.
- Березкин 2017 — *Березкин Ю. Е.* Рождение звездного неба. Представления оочных светилах в исторической динамике. СПб.: МАЭ РАН, 2017. 316 с.
- Березкин 2019 — *Березкин Ю. Е.* Возраст мотива и способы его определения // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2019. Т. 2. № 1. С. 17–45.
- Бутанаев 2003 — *Бутанаев В. Я.* Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Хакасск. гос. ун-т, 2003. 260 с.
- Вяткина 1960 — *Вяткина К. В.* Монголы Монгольской Народной Республики (Материалы историко-этнографической экспедиции Академии наук СССР и Комитета наук МНР 1948–1949 гг.) // Восточно-Азиатский этнографический сборник. М.; Л.: Наука, 1960. С. 159–269.
- Галданова 1987 — *Галданова Г. Р.* Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 113 с.
- Лиморенко 2022 — *Лиморенко Ю. В.* Мотив заточения на Луне в мировой и сибирской мифологии // Сюжетология и сюжетография. 2022. № 1. С. 20–30.
- Майоров, Стеженская 2020 — *Майоров В. М., Стеженская Л. В.* Лунный заяц и зайка серый: к вопросу одного общего фольклорного мотива // Россия и Китай: диалог культур. Статьи, доклады, тезисы. Чэнду. М.: ИДВ РАН, Сычуаньский университет, 2020. С. 148–162.
- Михайлов 1996 — *Михайлов В. А.* Религиозная мифология. Улан-Удэ: Соел, 1996. 111 с.
- Нанзатов 2016 — Нанзатов Б. З. К вопросу о ранней этнической истории баргузинской общности // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. Т. 9. № 1(23). С. 99–106.
- Нанзатов, Тишин 2024 — *Нанзатов Б. З., Тишин В. В.* Монгольский аффикс + S в якутских этнонаимах как хронологический маркер исторических бурятско-якутских контактов: к постановке вопроса // Социолингвистика. 2024. № 2(18). С. 81–93.
- Хангалов 1958 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений. В 3 тт. Т. I. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1958. 550 с.
- Эйтиро 1998 — *Эйтиро И.* Мать Момотаро. Исследование некоторых аспектов истории культуры / пер. с яп. А. М. Кабанова. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998. 224 с.
- Эрдэнэболд 2013 — *Эрдэнэболд Л.* Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2013. 196 с.
- Яхонтова 2008 — *Яхонтова Н. С.* Названия Луны (санскрит – тибетский – монгольский) // Mongolica–VIII. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. С. 118–127.

- Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

УДК / UDC 82. 091

К построению «поэтики пустоты»: анализ одного эпизода из романа Федора Сологуба «Тяжелые сны»

Артем Владимирович Кузнецов¹

To the Construction of the “Poetics of Emptiness”: Analysis of an Episode from the Novel by Fyodor Sologub “Heavy Dreams” (“Tyazhelye Sny”)

Arteom V. Kuznetsov¹

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (1, корп. 20, ул. Пушкина, 355009 Ставрополь, Российская Федерация) ¹ North-Caucasus Federal University (1/20, Pushkin St., 355009 Stavropol, Russian Federation)

аспирант, ассистент

Postgraduate Student, Assistant

 0009-0009-7672-3866. E-mail: arteom.kuznetcov[at]mail.ru

Аннотация. Цель статьи — интерпретация эпизода романа «Тяжелые сны» Федора Сологуба через феномен пустоты, описанный в работе. *Результаты.* В данной статье предлагается интерпретация пустоты, сочетающая структурный, феноменологический и психоаналитический подходы. В своей интерпретации пустоты мы исходим из этимологии слова «пустота» и вычленяем историко-культурное ядро концепта, которое станет смысловым «стержнем» поэтики пустоты. В своей работе мы предлагаем способ рассмотрения пустоты как одного из регистров Ж. Лакана — реального. Отметим, что мы не задаемся целью писать «патографии» писателей, а обращение к структурному психоанализу обусловлено поиском адекватного языка описания пустоты в художественном произведении. Предметом исследования становится эпизод первого завершенного романа «Тяжелые сны» Федора Сологуба, который мы рассматриваем через мотив (сюжетную единицу) — «явление родительского призрака». В статье предлагается рассматривать пустоту в художественном произведении как «присутствие

© КалмНЦ РАН (KalmSC RAS), 2025

© Кузнецов А. В. (Kuznetcov A. V.), 2025

отсутствия»: того, что, не будучи означенено, тем не менее сообщает о себе в художественном тексте. Особо выделяется мотив призрачности героя, который отсылает не к потусторонности и двоемирью, а к отсутствию означающего и «пустому знаку».

Ключевые слова: поэтика пустоты, Федор Сологуб, роман «Тяжелые сны», модернизм, призрак, реальное

Для цитирования: Кузнецов А. В. К построению «поэтики пустоты»: анализ одного эпизода из романа Федора Сологуба «Тяжелые сны» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 3. С. 132–147. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-132-147

Abstract. The purpose of the article is to interpret an episode from the novel by Fyodor Sologub "Heavy Dreams" through the phenomenon of emptiness described in the work. Results. This article offers an interpretation of emptiness that combines structural, phenomenological, and psychoanalytic approaches. In our interpretation of emptiness, we draw on the etymology of the word "emptiness" and identify historical and cultural core of the concept, which will serve as the semantic "core" of the poetics of emptiness. In our work, we propose the way to view emptiness as one of J. Lacan's registers — the real. We note that our goal is not to write "pathographies" of writers, and our turn to structural psychoanalysis is motivated by the search for an adequate language to describe emptiness in a work of fiction. The subject of this study is an episode from Fyodor Sologub first completed novel, "Tyazhelye Sny", which we examine through the motif (plot unit) of the "appearance of a parental ghost". The article proposes to consider emptiness in a work of fiction as the "presence of absence": something that, while not signified, nevertheless communicates itself in the literary text. The motif of the hero's ghostliness is particularly prominent, alluding not to the otherworldly and dual worlds, but to the absence of the signified and the "empty sign".

Keywords: poetics of emptiness, Fyodor Sologub, "Tyazhelye sny", modernism, ghost, reality

For citation: Kuznetsov A.V. To the Construction of the "Poetics of Emptiness": analysis of an episode from the novel by Fyodor Sologub "Heavy Dreams" ("Tyazhelye Sny") // Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS. 2025. No. 3. Pp. 132–147. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-132-147

1. Введение

«Поэтика пустоты» — разрабатываемая автором статьи [Кузнецов 2020; Кузнецов 2023; Иванова, Кузнецов 2024] в рамках диссертационного исследования литературоведческая стратегия интерпретации и понимания пустоты в творчестве авторов художественных произведений.

Отечественные исследователи обращались к феномену пустоты как одной из доминантных тем русской литературы модернизма и постмодернизма [Житко 2024а; Житко 2024б; Саенко 2010; Севастьянова 2011а; Севастьянова 2011б; Севастьянова 2012], при мотивном анализе поэтики отдельных авторов [Анохина 2019; Гаврилкина 2013; Сейдашова 2017]. Отметим работу Н. Р. Саенко [Саенко 2011], в котором «небытийные характеристики бытия культуры» [Саенко 2011: 90] представлены в оригинальном ракурсе «новой онтологии культуры» [Саенко 2011: 63].

В первой части нашего исследования предметом становится пустота, и наш интерес сосредоточен на подборе адекватного инструментария для ее описания как элемента поэтики. Во второй части наша цель — начало построения «поэтики пустоты» в творчестве Федора Сологуба (Ф. К. Тетерников, 1863–1927), «старшего» символиста: поэта, писателя, драматурга, критика. Предмет исследования этой части — один эпизод из романа «Тяжелые сны» (1895), в котором, на наш взгляд, находится один из смысловых узлов творчества писателя. Выбор произведения Федора Сологуба не случаен: как человек эпохи модерна, он, как и многие его современники, переживал «ужас пустоты» — «horror vacui», пришедший, как рассуждал В. И. Иванов в рецензии на сборник «Жало смерти», на смену оптимистичному позитивизму: «Мы сказали бы, что отличительная черта современной психики — horror vacui. Этот ужас пустоты и обусловил настроение, провозгласившее банкротство той науки, которая еще недавно довела сознанию» (цит. по: [Сологуб 2001: 719]). Для Федора Сологуба это переживание стало одним из ведущих настроений, нашедших отражение как в личной истории («Изобразить непрочность человеческого счастья, прозрачность самого бытия его. Стоит ли жить? <...> Счастье – Нирвана» (запись ок. 1883) [Сологуб 2012: 1067]), так и в творчестве. Например, в раннем стихотворении «Давно усталый и бесстрастный...» (1893) мотив пустоты служит раскрытию внутреннего мира лирического героя: «Душа томительно-пуста...», «Незаполнимой пустотой // Моеи души опять казнюсь...», «И в сердце, странно-охладелом, // Все та же дремлет пустота...» [Сологуб 2014: 11–13]. Множество других элементов творчества и биографии, в совокупности способных стать материалом к построению «поэтики пустоты», обуславливают наш интерес к автору.

2. Материалы и методы

Материалом исследования является роман Ф. К. Сологуба «Тяжелые сны» в аспекте художественного воплощения в нем категории пустоты. Основной применяемый в работе метод — метод описательной поэтики, опирающийся на теоретические положения Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпы и С. Н. Бройтмана [Теория литературы 2004: 16–42] («семиоэстетический подход»). Для интерпретации пустоты мы совмещаем этимологический, феноменологический, структуралистский и психоаналитический подходы, каждый из которых помогает пониманию пустоты: пустота как культурный концепт, как отсутствующий в восприятии феномен, как несемиотируемый элемент структуры, как неозначиваемое реальное субъекта.

3. Результаты и дискуссия

«Пустота» (слово) функционирует как понятие или знак в речевых актах («он пустой человек», «свято место пусто не бывает», «в кошельке пусто»). Можно при этом сказать, с какой реальностью коррелируют все сообщения о пустоте? Попытаемся идти от простейшего — от pragmatики «пустоты» в

речи. Основная трудность в том, что мысль совершает скачок, связывая пустоту с отсутствием чего-то конкретного, как это делает А. Бергсон («Понятие это — всего лишь сравнение того, что есть, с тем, что могло бы или должно было быть, сравнение полного с другим полным» [Бергсон 2001: 273]).

Если коробка пуста, то в ней ничего нет. Указание, совершающееся в речи, таким образом, «соскальзывает» с пустоты на след предмета, об отсутствии которого и сообщается. «...Пустой ящик невообразим. Его можно разве только помыслить» [Башляр 2004: 24]. Представляя ящик пустым, мы представляем его, «как он есть». Пустота будет тем, что «ускользает» от представления и работы воображения.

В трактате «Об учителе» блаженный Августин назвал «забавной» самореференциальность речи [Блаженный Августин 2000: 271]. Короче говоря, если понадобится указать на речь, не используя наименования «речь», нет другого способа это сделать, кроме как говорить о чем угодно. В какой-то момент собеседник (Августин не указывает как) должен понять, что знак, ему сообщаемый, находится на уровень выше или ниже, но не там, где он его ищет. Указанием будет само сообщение, безразличное к своему содержанию. Даже больше: содержание должно быть нейтрализовано, так как оно препятствует восприятию речи как знака. Насколько можно судить, с пустотой ситуация аналогичная.

Представим, что кто-то указывает на пустой ящик. Для этого он, скорее всего, укажет на пространство внутри ящика. Чтобы этот жест стал указанием на пустоту, необходимо ввести измерение времени, единое для субъектов дискурса: реципиент должен допустить мысль, что нечто может заполнить ящик или нечто его заполняло, так как реципиент знает, что функция ящика — быть вместилищем. Паутина или велосипедное колесо со спицами кажутся наименее пригодными для подобной иллюстрации, так как (мы предполагаем) пустота в этих вещах на своем месте: она не требует заполнения. Чтобы ответить на вопрос «Что такая пустота сама по себе?» и усмотреть сущность пустоты, необходимо избавить ее от измерения времени, в котором, как кажется на первый взгляд, она только и существует, и вместе с тем позволить ей быть самоценной, находящейся на своем месте. На выполнение такой задачи нацелена феноменологическая редукция, предложенная и описанная Э. Гуссерлем [Гуссерль 2009: 176–194], так как в ее результате феномен изымается из пространственно-временного вещного мира, что нам и необходимо. Но пустота не явление, так как, как было указано выше, она не наблюдаема и не представима. Для феноменологии, основателем которой был математик и логик, это не препятствие: идеальные фигуры круга или треугольника также никто никогда не наблюдал и не представлял, что не мешает им (кругам и треугольникам) быть наиболее чистыми феноменами трансцендентального Я. Однако, на наш взгляд, проблема не только в том, что пустота не эмпирична, а в том, что она еще и не мыслима и Я не имеет к ней прямого доступа — весь философско-религиозный опыт буддизма указывает на это. Достаточно обратиться к любой махаянской сутре, чтобы это увидеть (см., например: [Сутра 2017: 19–20]).

В таком случае, чем мы располагаем, раз не имеем прямого доступа к «реальной» пустоте? В своем труде «Константы: Словарь русской культуры» Ю. С. Степанов указал, что «этимология есть предыстория, дописьменная история концепта» [Степанов 2001: 6]. «Пустота» как культурный концепт почти парадоксальна, но сохраняет инобытийный «осадок» реальности, что ставит ее в особое положение относительно других культурных концептов. Пустота, сама «являясь» «зиянием», сообщает о «зиянии» внутри семиосферы, о ее негерметичности, и этимология указывает на этот момент.

В «Историко-этимологическом словаре» П. Я. Черных читаем: «Прямых и бесспорных соответствий в других и.-е.¹ языках почти не имеется. Сюда отн.: др.-prus. *pausto-* — „дикий“ в сложении *raustocatto* — „дикая (=лесная, из лесной пущи) кошка“, а также (без *-t-*) греч. *παυσωλή* (где *παυσ-* — корень) — „отдых“, „спокойствие“, „покой“, „прекращение“, также *παῦσις* — „утоление“, „прекращение“, „отдых“, „пауза“ (из греческого — латин. *pausa* — тж.). И.-е. корень **paus-*» [Черных 1999: 85]. С тем же корнем слово «пустить». Как предполагает П. Я. Черных, общим может быть значение «освободить», «позволить» [Черных 1999: 84].

Обратим внимание на слова, обозначающие топосы: с одной стороны, это «пустыня», «пустынь», «пустырь», «пустошь» и др., а с другой (кажется, неожиданно) — «пуша».

Слово «пуша» П. Я. Черных считает возможным производящим для слова «пушка» (*пущька) через «пущати» в значении «метать снаряды», «стрелять» [Черных 1999: 86]. В современном русском слово «пуша» означает «большой и густой труднопроходимый лес» [Ожегов 1987: 515]. В словаре В. И. Даля есть интересный для нас диалектизм «пущага» (волгодск.), который означает «залежи, запущенная пашня, перелог» [Даль 1994: 1432]. Слово же «перелог», по С. И. Ожегову, означает «оставленный на длительное время без обработки, заросший пахотный участок земли» [Ожегов 1987: 408]. Сходное значение — в слове «пустошь»: «...незаселенная земля, дальний от селения особняк, участок того же владельца, но не входящий, по дальности своей, в надел; покинутые надолго из-под сохи поля, залежь; покосы из-под пашень» [Даль 1994: 1416]. Современный историк на материале документов Северо-Восточной Руси конца XIV и XV в. уточняет: «В условиях постоянных нападений ... деревня превращалась в пустошь, которая продолжала жить как высоко ценимое земледельцами угодье. <...> ...в ней деревня продолжала свою жизнь после постигшей ее катастрофы» иногда более 50 лет [Кочин 1965: 112–113]. Слово «пустырь» означает «незастроенное, запущенное место близ жилья или на месте бывшего жилья». Пустырь, в отличие от пустоши, означает место внутри обжитого социального пространства (села, деревни, города), которое по какой-то причине выпадает из него.

Самое раннее упоминание слова пустырь, представленное в Национальном корпусе русского языка — 1775 г.: «Понеже городъ Моск-

¹ Имеется в виду: в индо-европейских.

ва, великое число въ себѣ заключала жителей, и обыкновенные при церквахъ пустыри весьма малы... <...> въ случаѣ распространенія опасной болѣзни... <...> назначить внѣ города въ нарочитомъ отъ она-го разстояніи нѣсколько церквей, при которыхъ всѣхъ умирающихъ впредь до указа хоронить» («Описаніе моровой язвы, бывшей въ сточномъ городѣ Москвѣ съ 1770 по 1772 годъ») [Национальный корпус русского языка]. Следующий пример (1780–1800) также связан с захоронениями: «В начале весны отвели нам места для построения домов и заводов, самыя дальния. И необитаемой пустырь в близком разстояніи был, где убогий дом, для погребения неисправно умерших, к самой паточине Лазури» [Национальный корпус русского языка].

При церквах пустыри, как мы видим, могли служить для захоронений в случае эпидемий. Из второй же цитаты следует, что пустырь сам по себе не является местом захоронения (эту функцию выполняет убогий дом), но, что примечательно, пустырь также не входит в отведенные для построек земли, что отличает его от пустошей, которые могли быть проданы. Расположение возле «паточины», т. е. болотного родника, маркирует «пограничное» культурное пространство. Пустырь — это место, которое выполняет функцию границы или «дыры» в семиотически герметичном пространстве обжитого.

Каков культурный смысл слова «пустое»? Митрополит Фотий в поучении псковскому духовенству в 1416 г. выставлял следующее требования по захоронению самоубийц: «...въ пустѣ мѣстѣ въ яму вложити и закопати» (цит. по: [Зеленин 1995: 94]). Среди названий убогих домов, в которых хоронили заложных покойников, — буйвище, образованное от слова буй — «пустое место около церкви при оградѣ» [Зеленин 1995: 330]. Можно предположить, что «пустое» как для мифологического, так и для религиозного сознания означает чужое, не-домашнее (жуткое, *Unheimlich*), несемиотизированное пространство.

Именно такой смысл слова «пуст» мы видим в тексте «Повести о разорении Рязани Батыем» в тех фрагментах, где говорится о трупах воинов: «Лежаша на земли пусте, на травѣ ковыле, снѣгом и ледом померзша, никим брегома»; «Многим землям государи были есте, а ныне лежите на земли пусте, зрак лица вашего изменися во истлѣніи»; «А инех тут на мѣсте на пусте собираше и, надгробное пѣша, похраняше» [Воинские повести 1949: 15–17].

В «Азовском сидении», другом памятнике книжности средневековой Руси, есть фрагмент, в котором значение слова «пуст» близко к современному значению слова «дикий»: «Некем в пустыни видемые, яко орлы парящие, без страху по воздуху летаете и яко львы свирепые в пустынях рыскаемые, непостоянны ваши нравы, пустынны жители, разбойники нещадные, несытыя ваши очи, неполныя ваши чрева! <...> ... убили вы в Азове любимаго пашу его и взяли славный Азов. Тем вы положили на себя имя звериное» [Воинские повести 1949: 95]. В этом отрывке значения «пустой» и «дикий», «звериный» находятся в одном семантическом поле,

которое отсылает к концепту «дикого поля» и постинициальному периоду в архаичных обществах.

Пустой и дикий, таким образом, коррелируют. Но если дикость является оппозицией культурности и цивилизации, то пустота из этой оппозиции выпадает. «Место пустое», о котором говорил в своем послании митрополит Фотий, противостоит церковной земле не как условный минус, а как выпадающий, несемиотизированный остаток, который не может быть встроен в систему. Как известно, церковь до сих не отпевает самоубийц, самых «пугающих» из заложных покойников.

Итак, пустота, коррелирующая с представлением о «дикости» постиниционного периода, не тождественна ей. Возможна ли структуралистская интерпретация пустоты? Намек на такую возможность присутствует в самой логике деления семиотического пространства на «дикое» и цивилизационное. В своей статье «О семиосфере» Ю. М. Лотман описывал семиосферу как замкнутую знаковую систему, за пределами которой находится несемиотизированное пространство, место соприкосновений которого с семиосферой функционирует как граница. «Граница — билингвальный механизм, переводящий внешние сообщения на внутренний язык семиосферы и наоборот. Таким образом, только с ее помощью семиосфера может осуществлять контакты с несемиотическим и иносемиотическим пространством» [Лотман 1992: 14]. Логика «перевода», в механизме которой предусмотрена возможность сообщения внешнего и внутреннего, сама по себе превращает семиосферу и несемиотизированный материал в одну гармонично работающую структуру. Мы предполагаем, что «организм» семиосферы не сплошной, а, если выражаться образно, пористый: в ней присутствуют пустоты, которые не поддаются интерпретации, являясь остатком несемиотизированной действительности. Нахождение этих пустот затруднительно по той причине, что, не семиотизируясь, они отсутствуют в символической системе.

Закономерен вопрос: как в системе (в литературе, например) может присутствовать то, что по сути семиотизировано быть не может? Пустота — не феномен, так как для нее не может существовать непосредственного наблюдателя. Она не воспринимается, соответственно, не может быть представлена в образе.

В художественное произведение пустота может проникнуть, задействуя другие образы, по сути, совершенно любые. О том, что пустота «задействовала» эти образы, говорит наличие страха, которым сопровождается нечто инородное, внеположное, иное системы. Ж. Лакан говорил, что «тревога связана <...> с появлением чего-то — это может быть что угодно — на уровне (-Ф)» [Лакан 2010: 28], т. е. на уровне желания, которое должно оставаться незаполненным. Такова психоаналитическая параллель для нашей интерпретации пустоты, также опирающейся на структурный подход. Иное символической системы — это реальное как таковое.

Термин «реальное» мы берем таким, как он представлен в работах Ж. Лакана. В первой книге семинара Ж. Лакан определяет чувство реального как то, что «в своем максимуме предстает именно в кричащем проявлении ирреальной, галлюциаторной реальности» [Лакан 1998: 90]. В чистом реальном пребывает, например, мир страдающего шизофренией ребенка, который не может овладеть символическим регистром (мир для него не означен). Ж. Бодрийар писал, что «символическое — это не понятие, не инстанция, не категория и не „структура“, но акт обмена и социальное отношение, кладущее конец реальному, разрешающее в себе реальное, а заодно и оппозицию реального и воображаемого» [Бодрийар 2000: 243]. Ж. Лакан приводит в пример галлюцинацию как чистое реальное для субъекта: «Если слово „галлюцинация“ обозначает что-либо, так это ощущение реальности» [Лакан 1998: 142]. Он приводит в пример клинический случай З. Фрейда («Человек-волк»), в котором аналитант сообщает о случившейся с ним в пятилетнем возрасте галлюцинации: тогда ему показалось, что он сильно порезал палец, но его испуг был несоразмерен ситуации. Страх, который он испытал, вызван, по мнению Ж. Лакана, тем, что этот образ не имеет символического плана и представляет собой только означающее. То, о чем говорит галлюцинация, не просто вытеснено, как в неврозе, а напрочь отсутствует в истории субъекта: на месте означаемого — дыра в символическом, которое «не состоялось» в истории субъекта. В случае Человека-волка — это отброшенная, по мнению З. Фрейда и Ж. Лакана, генитальная стадия. Галлюцинация возникает на уровне воображаемого (регистр образов, а не значений) «по мере входа субъекта во все более и более организованный символический мир» [Лакан 1998: 252], как нечто, должно состояться в истории субъекта, но не имеющего к ней доступа из-за дыры в символическом.

Итак, реальное дает о себе знать в тех местах, где присутствует отсутствие означаемого, дыра в символическом, пустота. Психоанализ определяет такие места, как травмы, которые субъект не может интегрировать в свою историю.

В «Тяжелых снах» Ф. К. Сологуба интересующий нас эпизод располагается в главах тридцатой и тридцать первой. Они полностью отведены событиям в доме Кульчицкой, вызванными сближением Клавдии и Палтусова, и представляют собой кульминацию и завершение сюжетной линии Клавдии. Выделим те события, которые разворачиваются вокруг смыслового ядра эпизода. Это сближение Клавдии с Палтусовым, явления матери Клавдии, Зинаиды Романовны, во снах Клавдии и / или наяву перед ней, родительское проклятие и отказ Клавдии от самоубийства.

В главах тридцать один — тридцать два субъект речи, или повествователь, ценностно совпадает с Клавдией, которая выступает носителем речи. Это единственные главы романа, в которых Логин полностью смешен с места главного героя, до сих пор обеспечивающего повествователя перспективой видения. В отличие от эпизодов, включающих диалоги Логина и Клавдии, в этих главах Клавдия не выступает как «второй голос», цен-

ностный мир которого относительно ценностного мира Логина вспомогателен. В диалогах персонажей читатель «на стороне» Логина, интуитивно ассоциируемого с ближайшей к ценностному миру автора позицией. Отсутствие опосредования между героем и автором — важная черта, так как пустота, которая нас интересует, находится в месте максимального сближения асимптоты видения героя и биографического автора как живого человека, имеющего прямую связь с реальным. Этот тезис имеет и обратное применение: там, где в художественном произведении проявляет себя пустота реального, имеет место сближение автора как живого человека и перспективы видения героя. Мы не можем сказать, насколько это сближение абсолютно, для этого нужно было бы попасть в момент создания произведения, когда писатель полностью растворяется в зрении своего героя, если это вообще возможно, поэтому используем образный пример асимптоты.

Первое явление матери активизирует внимание читателя за счет «перебивки» плавного до этого момента течения повествования. После предложения «*В бездне самозабвения вспыхнула [Клавдия] цельным и полным счастием...*» [Сологуб 2000: 300] в тексте следуют отступ, целомудренно скрывающий от читателя сексуальный акт, и резкая смена динамики: «*Клавдия порывисто освободилась из объятий Палтусова и крикнула испуганно: // — Она была здесь! // Палтусов <...>: // — Кто? // — Мать, — прошептала Клавдия, — я ее видела*» [Сологуб 2000: 300].

Далее Клавдия говорит, что мать «постояла в дверях, засмеялась и ушла потихоньку. <...> Да, засмеялась и прикрыла рот платком» [Сологуб 2000: 301]. Затем Клавдия находит «платок матери» «у самой дорожки» [Сологуб 2000: 301]. В том, что это именно ее платок, сомневаться не приходится, так как словосочетание «платок матери» принадлежит повествователю, голос которого в романах Ф. Сологуба представляет собой инстанцию истины [Сологуб 2000: 301]. Если попытаться реконструировать пропущенную в речи повествователя ситуацию, мы имеем следующее: во время секса Клавдия замечает мать, о которой сообщает Палтусову в прошедшем времени («Она была здесь!»). С того момента, как Клавдия увидела мать, до того, как она сообщила о ней, прошло неизвестное количество времени, в которое вмещается рассмотрение действий матери (смех, жест с платком, уход) и еще энное количество времени после них. При этом Клавдия пребывает в сомнении относительно адекватности своего видения ситуации, и платок служит ей доказательством его соответствия реальности.

Образ белого платка может иметь символическое измерение. Поверхностно считываемый смысл — отброшенная чистота — осложняется действием матери, которое можно проинтерпретировать как тонкое, даже ироническое, переводящее события в игровой регистр послание дочери. Намеки на то, что мать Клавдии «играет» с дочерью, можно усмотреть в двух моментах, в которые ее действия и слова выглядят как ироничные. В четвертую ночь от описываемых выше событий Зинаида Романовна «спокойно» говорит проснувшейся Клавдии: «*А, ты проснулась, <...> уже*

второй час» [Сологуб 2000: 304], хотя Клавдия знает, что мать пришла не затем, чтобы ее заботливо разбудить, а Зинаида Романовна знает, что об этом знает Клавдия. Второй случай — фраза, дающая ложное и саркастическое объяснение тому, для чего Зинаида Романовна опоила Палтусова снотворным: «Ты слишком утомила его, — вот я и думаю: пусть выспится» [Сологуб 2000: 306] (об игровом хронотопе у Федора Сологуба с позиции бахтиноведения см. [Гармаш 2015; Ильев 1991]).

Однако, и это важно, мы не можем полностью перевести действия Зинаиды Романовны относительно дочери в игровой регистр, хотя они и сопровождаются ее частым смехом. Читатель, как и герой, не располагает ключом к пониманию действий матери, потому что этого ключа не содержится в речи повествователя. Если это игра, то только такая, в которой нет правил. Это противоречит той концепции игры, которую описал Й. Хейзинга и для которой обязательны правила, принимаемые субъектами [Хейзинга 2011: 36]. Выстраивая правила, в которых нет смысла и о которых никто, включая повествователя, не знает, Зинаида Романовна реализует родительское право быть источником Закона.

Перед нами классический любовный треугольник, интересно осложненным отношениями персонажей. В нем угадывается другой — треугольник Эдипа, в котором, с точки зрения психоанализа, проходит детство субъекта. Он осложняется также тем, что Палтусов, будучи желаемым Клавдией, в эпизоде оказывается чисто функциональной фигурой, обнажающей отношения матери и дочери, и в кульминации отношений матери и дочери Ф. Сологуб его «усыпляет». Палтусов — не отец и даже не отчим Клавдии, что обеспечивает Ф. Сологубу возможность обойти однозначно осуждаемый инцестуальный сюжет. В диалоге между Клавдией и Логиным, открывающем роман, Клавдия говорит следующее: «Точно боишься взять что-то чужое... А что мне она, эта жена его далекая, которая не живет с ним, которой я и не видела никогда!...» [Сологуб 2000: 32]. Мать, с которой имеет связь Палтусов, присутствует отсутствуя, так как именно она — причина иррационального страха, уже в самом начале связанном со сновидениями («Я вижу сны, я боюсь, — чего, сама не знаю» [Сологуб 2000: 32]), перед связью с Палтусовым, а не жена, с которой тот не поддерживает отношения.

«Явления» совпадают с ночами, отсчет которых начинается с момента сближения Клавдии и Палтусова. В первую ночь Клавдия «в своей спальне услышала шорох, увидела белую тень в углу» [Сологуб 2000: 301], в которой читатель предугадывает Зинаиду Романовну. Далее следует сон с ярким вампирическим сюжетом («вампирические мотивы» эпизода и конкретно этого сна описаны: см. у Л. В. Гармаш [Гармаш 2015: 77–79]). Отметим, что в кошмаре образ вампира, несмотря на обилие деталей, представлен как «невообразимый»: «длинное, туманное тулово^ище бесконечно клубилось и свивалось» [Сологуб 2000: 301]. После пробуждения Клавдия видит свою мать, точнее, «глаза матери», и взаимодействие дочери и матери целиком сводится к глазам и зрению: «... открыла глаза. Над нею блесте-

ли глаза матери. Ее лицо <...> смотрело (*sic!*) прямо в глаза Клавдии го-
рячими глазами, и вся она тяжко наваливалась на грудь дочери. Клавдия
рванулась вперед, но мать снова отбросила ее на подушки. // — Зачем? —
спросила Клавдия <...>. // <...> Помогла на Клавдию долгим взглядом,
положила на ее глаза холодную руку...» [Сологуб 2000: 302]. Для дочери об-
раз матери теряет цельность: становится взглядом и давящей тяжестью.
Уход Зинаиды Романовны — мгновенное исчезновение из поля зрения.
Вопрос Клавдии вербализует ее непонимание мотива матери. В финале
сюжетной линии Клавдии станет понятно, что действия матери сводятся
к требованию самоубийства: Клавдия должна покончить с собой.

Описание второй ночи не занимает и четверти страницы. Клавдия за-
пирает дверь своей спальни, «около полуночи» [Сологуб 2000: 302] пус-
кает к себе Палтусова, который уходит через два часа, провожая его, за-
крывает за ним дверь, но после, в кровати, вспоминает, что, пока он был с
ней, дверь была не заперта. Как итог: «Снова мать перед рассветом тен-
ью мелькнула перед нею, и опять вслед за нею нахлынули тучи бледных,
угрожающих лиц» [Сологуб 2000: 303].

Третья ночь — последняя в тридцатой главе. Клавдия «осмотрела
углы своей комнаты, заперла окна, замкнула дверь» [Сологуб 2000: 303],
провела всю ночь у Палтусова, а под утро вернулась к себе. Расстилая пос-
тель, она почувствовала взгляд в спину и, обернувшись, увидела, что «в
углу за шкатулкой смутно белело в полутьме что-то, похожее на повешенное
платье. Клавдия подошла и увидела мать. Зинаида Романовна стояла в
углу и молча смотрела на Клавдию. Ее лицо было бледно, утомлено, непод-
вижно, как красавая маска. Клавдия всматривалась в мать, — и фигура
матери начинала казаться прозрачною тенью. Становилось страшно»
[Сологуб 2000: 303]. Затем Клавдия задает вопросы: «Что за комедия? За-
чем вы здесь? <...> Зачем вы приходите ко мне? <...> Что вам надо? Вы хо-
тите говорить со мною? Вы молчите? Чего же вы хотите от меня?» [Со-
логуб 2000: 303]. Мать молчит, и ее молчание, неподвижность «наводили
на Клавдию невольный ужас» [Сологуб 2000: 303]. Сначала лицо Зинаиды
Романовны «трепетало безмолвным, торжествующим смехом» [Сологуб
2000: 303], глаза «засветились фосфорическим блеском» [Сологуб 2000:
303], затем лицо посинело, и весь образ матери заставил Клавдию тре-
петь от ужаса. Она закрывает глаза руками, и мать исчезает (Клавдия
замечает лишь мелькание платья).

В моменты явления матери повествователь заимствует «точку зре-
ния» героя, т. е. ценностью совпадает с его кругозором (подробнее о «точ-
ке зрения» и «перспективе видения» см. [Теория литературы 2004: 212–
222]). Описывая события, речь повествователя становится суха и сводит-
ся к перечислению действий Клавдии. Этот фрагмент текста начинается
после экспозиционного «восклицания» повествователя: «Ночи, — стран-
ные были ночи!...» [Сологуб 2000: 301], как бы выражавшего невозмож-
ность повествователем объяснения, и продолжается до конца тридцать
первой главы. С этой стороны посмотрим на фрагмент «второй ночи». В

этом богатом событиями фрагменте (со слов «Впустила неохотно...» и до «...тучи бледных, угрожающих лиц» [Сологуб 2000: 302–304]) — 6 предложений, 62 слова — не всплывает имя Клавдии, предложения повествовательные. На место исчезнувшего субъекта предложения может быть подставлено первое лицо: например, «Клавдия / Я замкнула за ним дверь» [Сологуб 2000: 302]. Об этом же, приводя в пример другие места последней редакции «Тяжелых снов», пишет Л. Клейман: «...читая текст, в котором нет личного местоимения, мы получаем двойственное впечатление: не то Логин сам рассказывает о себе, не то автор говорит о Логине. С помощью этого приема автор как бы дает читателю возможность непосредственного восприятия происходящего с Логиным и его мыслей» [Клейман 1983: 51]. Помимо отмеченной исследовательницей параллели «герой – читатель», мы предполагаем, что отсутствие первого лица может быть проинтерпретировано как схождение параллели «герой – автор».

Сравним также с началом тридцать второй главы: «Проснувшись утром, Логин почувствовал, что день, яркий, пронизанный солнечными лучами, грустен и не нужен» [Сологуб 2000: 310]; почти тождественно в описании параллельное в романном времени место пробуждения Клавдии после пятой ночи в анализируемом нами эпизоде: «Утром почувствовала, что трудно дышится. Открыла глаза. Комната глянула уныло. Солнечные лучи были печально ярки» [Сологуб 2000: 309]. Хотя при описании утра Логина автор не имеет «избыточного» видения (т. е. совпадает с героем в объеме знания и использует его перспективу видения), его речь возвращается к привычному темпу, заданному первыми главами повествования. Нейтральный в главах тридцать одна — тридцать вторая стиль хронографа вновь обретает остряющее эстетическое измерение (здесь, как минимум, в эмоционально-интонационном узоре фразы).

Мы назвали ядро описываемой ситуации «явлением родительского призрака» по той причине, что каждый раз — пока мы наблюдаем это только в «Тяжелых снах» — образ родителя (матери) остается неопределенным. Существуя на границе сна и яви (читатель, вслед за Клавдией, не осознает, какой хронотоп задействован), он ускользает от однозначного восприятия. Образ матери пограничен, и, хотя он остается художественным образом, имманентно присущим ткани произведения, он включает в себя «остаток» реального, который не может быть семиотизирован. Этот «остаток», который внеположен системе (абсолютно любой, т. е. Системе), логично назвать пустотой.

Итак, призрак, если мы феноменологически его редуцируем, освободив от культурных и религиозных спецификаций, есть нечто, само по себе транспозитивное. В отличие от галлюцинации, которая оценивается как нечто ложное и недействительное для человека и тем более мира, призрак есть. При этом он сохраняет характерную для пустоты особенность: присутствуя, он сообщает о своем отсутствии. Можно сказать, что призрак — сущность, не имеющая существования, и обратно: призрак — несуществование сущности. Это — «агент» пустоты, ее «маска».

Мы отметили, что после связи Клавдии с Палтусовым та увидела мать, и с этого момента явления матери приобретают «транспозитивность»: днем она загадочна и молчалива, ночью она «является» Клавдии во сне и / или наяву, так что все «явления» отмечены ненадежностью свидетельства Клавдии, которое никак не развеивается словом повествователя, заимствующего ее точку зрения. Читатель также остается в неведении относительно достоверности переживаний Клавдии. Под конец эпизода, когда Зинаида Романовна опаивает Палтусова снотворным, проклинает дочь и пытается склонить ее к самоубийству, читатель, вместе с Клавдией, не имеет возможности реконструкции прошлых «явлений» и не может удостовериться в их действительности: какие явления были на самом деле, какие — во сне или в бреду.

Молчание Зинаиды Романовны — отказ от речи, которая, по Ж. Лакану, и есть регистр символического [[Лакан 1998: 204](#)]. Появления матери не имеют значения для Клавдии до тех пор, пока они не «сформулированы» в двух императивах: родительского проклятия и приказа убить себя. Ретроспективно мы можем придать всем прошлым явлениям матери такой же смысл: она становится воплощением карающего Закона, сила которого поддерживается стыдом, который переступает Клавдия с Палтусовым.

Для Клавдии мать вочных явлениях существует только в регистре воображаемого, которое не сопряжено с символическим. На месте символического — пустота реального, с которым субъект не может поддерживать общение и которое провоцирует ощущение страха, ужаса или жути — весь спектр этих эмоций испытывает Клавдия приочных явлениях матери. Ее очное присутствие сводится либо к мельканию белого платья, либо к взгляду. В «Бытии и ничто» Ж.-П. Сартра [[Сартр 2000: 276–323](#)] содержится развернутая феноменология взгляда, который, по мнению философа, превращает человека, на которого смотрят, в вещь. Взгляд — это то, что сообщает о субъектности и также загадочным образом сопряжено со страхом: распахнутая дверь в ночь или окно с черным пространством ночи пугают тем, что сами по себе превращаются во взгляд чего-то анонимного и отсутствующего, «взгляд призрака». Взгляд, который направляет Зинаида Романовна на дочь, можно рассматривать как «магический», подчиняющий своей воле, в соответствии с чем, например, становится понятен жест матери, когда та закрывает рукой глаза Клавдии. Кроме того, в произведениях Ф. Сологуба часто встречается мотив подчинения своей воле через взгляд.

Итак, ситуация, разворачивающаяся в эпизоде, может быть проинтерпретирована как включение пустоты в художественное пространство. О ней сигнализирует страх, который не сопряжен в тексте с реальной опасностью для персонажа. Обратим внимание, что, будучи покорной матери даже в той сцене, когда Зинаида Романовна уводит дочь к озеру, Клавдия дает отпор и освобождается, в том числе от страха, когда мать высказывает, наконец, свое требование — требование самоубийства, т. е. вводит хоть какую-то определенность, обозначает, символизирует намерение.

4. Выводы

В своей работе мы предложили литературоведческий подход, направленный на выявление отсутствующего (пустоты) в художественном тексте через интерпретацию эпизода произведения. В ходе работы мы обнаружили, что центральный образ матери в эпизоде становится «призрачным» по причине введения в текст неопределенности, которая поддерживается отсутствием автора с его избыточным видением ситуации. Повествователь в эпизоде приближается к точке зрения своего персонажа, почти с ним совпадая, что может интерпретироваться как включение в травматическое по природе реального. Реальное нами рассматривается как наиболее адекватное выражение пустоты — того, что присутствует (реально) отсутствуя (символически), представляя собой «неозначенную реальность», «дыру в символическом» в пространстве художественного произведения.

Источники

- Блаженный Августин 2000 — *Блаженный Августин. Творения: В 4 тт. Т. 1: Об истинной религии*. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. 742 с.
- Воинские повести 1949 — *Воинские повести Древней Руси / под ред. В. П. Адриановой-Перетц*. М.: АН СССР, 1949. 649 с.
- Сологуб 2000 — *Сологуб Ф. К. Собрание сочинений: В 6 тт. Т. 1. Тяжелые сны: Роман. Рассказы / сост., прим. Т. Ф. Прокопова; вступ. статья С. Л. Соложенкиной*. М.: НПК «Интеллак», 2000. 664 с.
- Сологуб 2001 — *Сологуб Ф. К. Собрание сочинений: В 6 тт. Т. 3. Слаще яда: Роман. Рассказы / сост., прим. Т. Ф. Прокопова*. М.: Интеллак, 2001. 736 с.
- Сологуб 2012 — *Сологуб Ф. К. Полное собрание стихотворений и поэм: В 3 тт. Т. 1: 1877-1892 гг. / изд. подг. М. М. Павлова*. СПб.: Наука, 2012. 1206 с.
- Сологуб 2014 — *Сологуб Ф. К. Полное собрание стихотворений и поэм: В 3 тт. Т. 2 (Кн. 1). Стихотворения и поэмы. 1893-1899*. СПб.: Наука, 2014. 992 с.
- Сутра 2017 — Сутра «Праджня-парамита восьмитысячная» / предисл., перев., коммент. и глоссарий А. М. Донца; отв. ред. С. П. Нестеркин. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2017. 400 с.

Литература

- Анохина 2019 — Анохина Ю. Ю. «Метафизика» пустоты в поэзии Е. А. Боратынского // Соловьевские исследования. 2019. № 4(64). С. 154–166.
- Башляр 2004 — Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства / пер. с франц. М.: РОССПЭН, 2004. 376 с.
- Бергсон 2001 — Бергсон А. Творческая эволюция / пер. с франц. В. Флеровой; вступ. ст. И. Блауберг. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-пресс-Ц, 2001. 384 с.
- Бодрийяр 2000 — Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
- Гаврилкина 2013 — Гаврилкина М. Ю. Концепция пустоты в прозе О. Славниковой: дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2013. 176 с.
- Гармаш 2015 — Гармаш Л. В. Танатологические мотивы в романах русских симвлистов: Ф. Сологуб, В. Я. Брюсов, А. Белый: дисс. ... д-ра филол. наук. Харьков, 2015. 387 с.
- Гуссерль 2009 — Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1 / пер. с нем. А. В. Михайлова; вступ. ст. В. А. Куренного. М.: Академический Проект, 2009. 489 с.

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

- Даль 1994 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 3: П-Р. М.: Прогресс, Универс, 1994. 912 с.
- Житко 2024а — *Житко Р. Г.* Категория «Ничто» в творческой рефлексии модернизма и постмодернизма: дисс. ... канд. филол. наук. Гродно, 2024. 198 с.
- Житко 2024б — *Житко Р. Г.* Онтологизация категории пустоты в философии, эстетике и поэтике литературы русского постмодернизма // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 11. С. 4246–4252.
- Зеленин 1995 — *Зеленин Д. К.* Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественно смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 657 с.
- Иванова, Кузнецов 2024 — *Иванова И. Н., Кузнецов А. В.* Жуткое как знак пустотного в диалогии З. Н. Гиппиус «Чертова кукла» и «Роман-царевич» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 17. Вып. 7. 2024. С. 2158–2162.
- Ильев 1991 — *Ильев С. П.* Русский символистский роман. Аспекты поэтики. Киев: Лыбидь, 1991. 172 с.
- Клейман 1983 — *Клейман Л.* Ранняя проза Федора Сологуба. Ann Arbor: Эрмитаж, 1983. 192 с.
- Кочин 1965 — *Кочин Г. Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII – начало XVI в. М.; Л.: Наука, 1965. 339 с.
- Кузнецов 2020 — *Кузнецов А. В.* Пустоутробие как основа образа Иудушки Головлева // ЛУЧШАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ СТАТЬЯ 2020: Сборник статей XXXIV Междунар. научн.-исслед. конкурса. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2020. С. 163–165.
- Кузнецов 2023 — *Кузнецов А. В.* Мотив пустоты как структурная единица авторской картины мира в повести «Котлован» А. П. Платонова // Вестник научных конференций. 2023. № 5-2(93) (Перспективы развития науки и образования: по мат-лам междунар. научн.-практ. конф. 31 мая 2023 г.). С. 50–53.
- Лакан 1998 — *Лакан Ж.* Семинары, Кн. 1: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54) / пер. с франц. М. Титовой, А. Черноглазова (Приложения). М.: Гнозис, Логос, 1998. 432 с.
- Лакан 2010 — *Лакан Ж.* Тревога (Семинар, Книга X (1962/63)) / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Гнозис, Логос, 2010. 424 с.
- Лотман 1992 — *Лотман Ю. М.* Статьи по семиотике и типологии культуры: в 3 тт. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. 479 с.
- Национальный корпус русского языка — Национальный корпус русского языка. Основной корпус // URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=Cu8BErQBCrEBChMKCWRpc2FtYm1vZBIGCgRtYWluChCKB2Rpc3Rtb2QSDAoKd2l0aF96ZXJvcxKAQooCgNsZXgSIQof0L%252FRg9GB0YLri9GA0Yx8It%C252F0YPRgdGC0YvRgNGMIgoKCgRmb3JtEgIKAoLCgVncmFtbRICCgAKCQoDc2VtEgIKAoVCgdzZW0tbW9kEgoKCHNlbXxzZW14CgwKBnN5bnRheBICCgAKCwoFZmxhZ3MSAg0AKi8KCAGAEaoYMiAKEAUgACiE64Tir%252FnTDzIJZ3JcmVhdGVkQAVqBDuOTV4AKABATI CCAE6AQE%253D> (дата обращения: 09.04.2024).
- Ожегов 1987 — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1987. 750 с.
- Саенко 2010 — *Саенко Н. Р.* Онтологическая поэтика пустоты. М.: Академия Естествознания, 2010. 160 с.
- Саенко 2011 — *Саенко Н. Р.* Формы и образы небытия в культуре. Saarbrucken: Lambert Academic Publ., 2011. 443 с.
- Сартр 2000 — *Сартр Ж. П.* Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с франц., предисл., примеч. В. И. Колядко. М.: Республика, 2000. 639 с.
- Севастьянова 2011а — *Севастьянова В. С.* «Весь ужас переставшей пустоты...»: трагедия творения в художественном пространстве русской поэзии

- 1920-х годов // *Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена*. 2011. № 131. С. 146–153.
- Севастьянова 2011б — Севастьянова В. С. «Качая мглой, встает ничто...» (О проблеме небытия в поэзии русского модернизма и в литературоведческом дискурсе) // *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*. Вып. 61. 2011. № 37(252). С. 109–118.
- Севастьянова 2012 — Севастьянова В. С. *Поэтика не-бытия в русской литературе 1900–1920-х гг.*: дисс. ... д-ра филол. наук. Магнитогорск, 2012. 333 с.
- Сейдашова 2017 — Сейдашова А. Б. Мотив пустоты в романе В. О. Пелевина «Чапаев и пустота» // *Вестник Российской университета Дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика*. 2017. № 3. С. 449–456.
- Степанов 2001 — Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.
- Теория литературы 2004 — Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 тт. / под ред. Н. Д. Тамарченко. Т. 1: Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Брайтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. М.: Академия, 2004. 512 с.
- Хейзинга 2011 — Хейзинга Й. *Homo ludens. Человек играющий* / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; comment., указатель Д. Э. Харитоновича. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
- Черных 1999 — Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 тт. 3-е изд., стереотип. Т. 2: Панцирь – Ящур. М.: Рус. яз., 1999. 560 с.

- Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

УДК / UDC 811.512.142

Апперцептивная специфика документально-мемуарного изложения: поэмы о войне

Фатима Таулановна Узденова¹, Тахир Зейтунович Толгуроев²

Apperceptive Specifics of Documentary Memoir Presentation: Poems about the War

Fatima T. Uzdenova¹, Takhir Z. Tolgurov²

¹ Институт гуманитарных исследований — филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН (д. 18, ул. Пушкина, 360000 Нальчик, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

¹ Institute of Humanitarian Researches — branch of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS (18, Pushkin St., 360000 Nalchik, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

ID 0000-0002-5378-9514. E-mail: uzdenova_kbigi@mail.ru

² Кабардино-Балкарский научный центр РАН (д. 2, ул. Балкарова, 360002 Нальчик, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

² Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS (2, Balkarov St., 360002 Nalchik, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

ID 0000-0001-6208-9678. E-mail: kangaur64[at]yandex.ru

Аннотация. В работе рассматривается апперцептивная специфика поэм с документально-мемуарной основой. Материалом исследования стали произведения карачаево-балкарских авторов — С. С. Гуртуева, А. М. Урусовой и других. Результаты исследования показали, что для послевоенной поэзии Северного Кавказа характерен переход от эмоционально-илюстративного изображения войны к ее глубокому социальному осмыслению.

© КалмНЦ РАН (KalmSC RAS), 2025

© Узденова Ф. Т. (Uzdenova F. T.), Толгуроев Т. З. (Tolgurov T. Z.), 2025

Доминирующими становятся крупные формы (лирико-философские и героико-биографические поэмы, поэмы-посвящения), в которых центральное место занимает тема памяти. Установлено, что ключевой особенностью творчества национальных авторов является синтез документальной основы, стремления к достоверности и личностного, часто автобиографического начала.

Ключевые слова: карачаево-балкарская литература, поэмы о войне, мемуарное начало, документализм

Для цитирования: Узденова Ф. Т., Толгурев Т. З. Апперцептивная специфика документально-мемуарного изложения: поэмы о войне // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 3. С. 148–161. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-148-161

Abstract. This article examines the apperceptive specificity of poems with a documentary and memoir basis. The study's material includes large-format canvases by Karachay-Balkar authors S. Gurtuyev, A. Urusova and others. The results of this study demonstrate that the post-war poetry in the North Caucasus is characterized by a shift from emotionally illustrative depictions of the war to its profound socio-philosophical understanding. Larger forms (lyrical-philosophical, heroic-biographical and dedication poems), in which the theme of memory occupies a central place, become dominant. It has been established that the key feature of the work of these national authors is the synthesis of a documentary basis, a desire for authenticity, and a personal, often autobiographical, element.

Keywords: Karachay-Balkar literature, war poems, memoir beginning, documentary

For citation: Uzdenova F. T., Tolgurov T. Z. Apperceptive Specifics of Documentary Memoir Presentation: Poems about the War. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2025. No. 3. Pp. 148–161. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-148-161

1. Введение

Война кардинальным образом изменила эстетические приоритеты писателей, в том числе карачаево-балкарских, сформировав совершенно особую обстановку, способствовавшую, с одной стороны, опрощению и примитивизации художественного восприятия, с другой — началу процесса содержательного и аксиологического освоения структур фольклорного происхождения. Авторы акцентируют внимание на мужестве и самопожертвовании ради Родины, главная цель — создание поведенческого эталона. Герои произведений исключительно бесстрашны, и в смысле традиционного наполнения их образы соответствуют нормам милитарно-маскулинного ордера мужского поведения, воплощенного в устном народном творчестве. Стандарты поведения и мотивации, веками разрабатывавшиеся в национальном фольклоре народа, оказались востребованы, более того — идеально вписались в идеологию государства на этапе военного противостояния с фашистской Германией и до этого — во время Финской войны и конфликта на Халхин-Голе. Можно утверждать, что первые произведения о войне носят не столько информационный характер, сколько оценочный и агитационный,

декларативный, гипертрофированно пафосный. «Натуралистическое» описание — особенность прозы и поэзии военной поры. Осмысление художественных образов, разносторонние взгляды на военную проблематику появляются у национальных авторов позже.

С годами изображение военной действительности на уровне эмоции, непосредственно-чувственной рефлексии в северокавказской поэзии («Ант» (Клятва, 1942), «Атала ююю» (Отчий дом, 1942), циклы стихов «Перекоп» (1943–1944) и «Сиваш» (1944–1945) К. Ш. Кулиева, «Таулу джашчыкъ» («Мальчик-горец», 1942–1948) К. С. Отарова, «Партизаны Кабарды» (1944) А. А. Хавпачева (поэма А. А. Хавпачева приближена к жанру традиционной «песни о храбрых мужах»), «Отец» (1944–1945) А. П. Кешокова, «Подвиг» (1946–1957) А. О. Шогенцукова, «Друг мой» А.-В. Б. Сулейманова и др.) теряет актуальность, «появляются произведения, написанные с ощущением времененной дистанцированности от описываемых событий» [Узденова 2020: 200], в основном, в форме рассказа участника боев («Шохлукъ» («Дружба») карачаевца О. А. Хубиева, «На могиле друга» адыгейца Х. Ш. Ашинова, «Память» адыгейца И. Ш. Машбаша, «Сталинградцам» К. Ш. Кулиева и др.). «Их авторы не только фиксировали (закрепляли) информацию о событиях, участниками, свидетелями или наблюдателями которых они были, но и оставляли потомкам специфический письменный памятник прошлого, позволяющий изучать и обстановку в обществе в целом, и духовный мир отдельных индивидуумов, составляющих этот социум» [Георгиева 2012: 126–127]. «Ретроспективу можно рассматривать как онтологическую метафору автобиографического жанра, именно при ее помощи происходит путешествие человека во времени, позволяющее соотнести прошлое и настоящее, внутреннее и внешнее и превратить „взгляд назад“ в дискурсивную темпоральность» [Нюбина 2013: 86].

Индивидуальный характер фиксации окружающего, специфика применяемых мнемонических моделей, перманентное сопоставление культурных стереотипов — субъективного «я» автора и его оппонентов, использование эффекта присутствия в описываемых хронологических локациях, свобода в выборе нарративных типов при передаче событий и обстоятельств — ряд особенностей, актуализирующих мемуарный канон в аксиосфере литературы. Основные из определяющих признаков — *личностное начало* («весь рассказ о прошлом строится через призму индивидуального восприятия автора» [Тартаковский 1980: 27]), *ретроспективность; память; хроникальность повествования; достоверность* — все это обеспечивают суггестивность и саспенс-эффект.

2. Материал и методы

Материалом исследования послужили поэмы карачаево-балкарских авторов — С. С. Гуртуева, А. М. Урусовой, Х. Б. Байрамуковой и др., позволившие выявить признаки документально-мемуарного жанра (личност-

ное начало, ретроспективность, аутентичность), тем самым углубив и расширив представления о различных литературных явлениях, о природе поэмного жанра, алгоритмах анализа сюжетостроения и конфликтных линий в произведениях о Великой Отечественной войне.

В работе применены сравнительно-сопоставительный, структурно-семантический, историко-типологический методы исследования.

3. Поэмы о войне. Мемуарный канон

К середине XX в. в поэзии народов Северного Кавказа формируется целый пласт произведений, фактографическая основа которых однозначно восходила к нелегкому опыту восприятия социальных катаклизмов военного и депортационного периодов. Авторами выступают как те, что прошли 1940–1950-е гг. детьми и подростками (Т. М. Зумакулова, С. С. Гуртуев, Б. Х. Тхайщухов, М. С. Атабаев, др.), так и представители первых поколений советских национальных писателей, такие как К. Ш. Кулиев, О. А. Хубиев, К. С. Отаров, Х. Б. Байрамукова, А. М. Урусова, Н. Г. Джусойты, А. П. Кешоков и целый ряд других. Жанровая и родовая принадлежность их творений охватывает практически весь диапазон литературных текстов — от коротких лирических образцов до романа-эпопеи, — однако де facto все они объединены общим эмотивным статусом и дискурсивной основой, представляющей из себя адресацию к переломным, часто трагическим эпизодам войны и послевоенного существования.

С литературоведческой точки зрения общий корпус текстов этих лет представлял собой очевидный переломный момент перехода национальных литератур на новый этап развития, изменения «чисто эмоционального и иллюстративного изображения военной действительности — к ее анализу, к социально-историческому и философскому осмыслению» [Теппееев 1981: 143]. Такого рода новизна образного мышления с очевидной силой проявилась в поэмном жанре, преимущественно в героико-биографических поэмах и поэмах-посвящениях. Как правило, в них нет биографии героя и «биографии» подвига; цель их, по словам А. Г. Жакова, не в том, чтобы «внести имена героев в табель о рангах, а показать силу духа и красоты человеческой» [Жаков 1981: 49]. Образцом поэм-посвящений в советской поэзии являются «Человек» В. П. Туркина, «В полный рост» Е. А. Евтушенко, «Бессмертие» А. В. Софонова и др. В национальной литературе они представлены именами И. Х. Бабаева — «Бийик сын» («Высокий обелиск»), А. М. Теппееева — «Къурч комиссар» («Стальной комиссар»), Д. Т. Мамчуевой — «Джашла аугъян джерледе гокка хансла джыларла» («На месте гибели ребят цветы заплачут»), С. С. Гуртуева — «Алим».

Биографическая поэма Салиха Гуртуева «Тёрт алма терек» («Четыре яблони», 1970) [Гуртуев 1978: 79–97] — поэтические мемуары без очевидного присутствия фантазийной составляющей — о мирной жизни, этнически окрашенном ощущении окружающего в преддверии и присутствии роковой, точнее даже, фатальной силы, не воспринимающейся порождением человеческого разума и деятельности. Это, кстати, общий момент

всех литератур СССР — враг оценивается как злой «Deus ex machina», и разница в его осмыслиении, например, в карачаево-балкарской и русской системах эстетического восприятия — лишь в количестве строк, посвященных эмпирически понимаемой истории фашизма.

Символика поэмы «Четыре яблони» также восходит к прямой экстраполяции, без видимых попыток усложнения образа и насыщения его дополнительной информацией, — видимо, это не входило в творческую сверхзадачу художника. Его «четыре яблони», символизирующие наследников героя Солтанбека (прототипом является отец автора) («Песенка яблони Салима», «Песенка яблони Салиха» и т. д.), вполне читаемы, более того, их альтернативные ассоциативные выходы не предполагаются, это авторская данность.

С. С. Гуртуев поэт со сложнейшим метафорическим мышлением, в то же время на концептуальном уровне ему свойствен абсолютный клариzm. И надо признать, что эта черта его индивидуального стиля впервые четко проявилась именно в данной поэме.

Это приобретало особое значение в той эволюционной точке, когда большинство авторов региона еще не обрели навыка многомерного символического осмыслиния объекта, когда любой предмет трактовался дистанцировано от его символической компоненты, все еще находясь в границах своей первичной ипостаси. Это тем более заметно ввиду такого простого факта, что в поэзии народов Северного Кавказа прием олицетворения в растениях мыслящего и переживающего субъекта стал традиционным — здесь можно упомянуть и лирико-драматическую поэму кумыкского автора Магомеда Атабаева «Похищенная смерть» [Атабаев 1968] с эмblemатической составляющей — три тополя, олицетворяющие погибших сыновей героини. «М. Атабаев оперирует образами-символами. Он повествует о конкретной матери, образ которой в результате лирико-философских раздумий поэта вырастает в символ всех матерей, потерявших на фронте своих сыновей... Но при этом не менее значим и образ исповедующегося, повествователя. Мальчишка-почтальон вбирает в себя боль матери и адекватно доводит ее до читателей. Он все время помнит об однажды неврученном трагическом письме, он все время помнит себя — того мальчишку с почтовой сумкой на плече, и видит перед собой мать, не дождавшуюся от него горького письма. Неврученная похоронка определяет то, что он всю последующую жизнь проживает по существу под ее сенью, под сенью смерти. Смерть (ажжал) вырастает, таким образом, в символ жестокой, беспощадной войны» [Гусейнов 2024: 54].

У С. С. Гуртуева дендрологические черты яблонь остаются на факультативном уровне. Это, прежде всего, люди, дети, и в этом их открытая функциональная роль в ткани поэмы. Фактически, с точки зрения представления образа, балкарский поэт вышел на новый структурный уровень описания объекта, уровень, который можно охарактеризовать как «контекстуальный», — когда семантика фиксируемого предмета не ограничена границами его обычного смысла и колеблется в широких рамках

предлагаемой автором ситуации. Этот прием, ко всему прочему, становится системо- и стилеобразующим для С. С. Гуртуева, позволив ему, уходя от «поэтических условностей», привлекать в тексты прямые номинации объектов визуально и сенситивно достоверных, но при этом обладающих субъективными нюансами смыслового содержания, напрямую восходящим к специфике мышления автора:

<i>О, жыйырма бла экинчи июнь...</i>	‘...О двадцать второе июня...
<i>Танг белги тау башларында уюду.</i>	Утренняя заря застыла на вершинах гор.
<i>Къаранғы қъанатларын жерге ийди.</i>	Тьма своими крылами
<i>Уку да ашыгъып кирди уягъа.</i>	Накрыла землю,
<i>Кертме капол юзюлюп тюшдю жаргъа.</i>	Сова спешно скрылась в гнезде.
<i>Чытчыкъла да тоймадыла къал-къыудан.</i>	Грушевые почки (ветки) упали в обрывы.
<i>Къурманкъызы а тебиреди халжар-гъа...</i>	И птицы защебетали...
<i>Челеги тюшюп кетип дыңгырда-ды...</i>	Собралась Къурманкъызы отпра-виться в сарай...
<i>Халжарда ийнеги да ыңгырда-ды...</i>	Ведро выпало из рук и с грохотом упало на землю...
	В сарае замычала корова... ¹

[Гуртуев 1978: 86].

Ср. у Танзили Зумакуловой: «Почему гора утихомирила дуновение ветра... Почему за тучей скрылся месяц... Ветер тихо шепчет листьям... Почему опечалилась земля? Подожди, послушай вой волка...» [Зумакулова 1994: 378] («Урушха къажау поэма» («Антивоенная поэма»), 1958–1959).

Следует отметить, что апелляции к общезвестным превентивным маркерам, чаще — к «плохим приметам» приближают поэму С. С. Гуртуева к фольклорно-романтической поэме; также очевидна — по совокупности тождественных признаков — связь с балладой. Ср.: «Поэтика баллады (баллады о войне. — Ф. У. Т. Т.) определялась <...> автобиографическим компонентом, документализмом в передаче военных событий и реальных героев, художественным историзмом, сюжетностью, лиризацией авторского «я», диалогичностью, безэквивалентной лексикой, большим объемом, стихотворным размером, свободной формой строфики, национальной версификацией (разные виды анафоры, аллитерация)» [Ханинова 2019: 194].

Характерная особенность национальных авторов Карачая и Балкарии — стремление к конкретике и факту, а также к детальным портретным характеристикам — вполне вписывалась в параметральные признаки документально-мемуарных текстов. С учетом перехода на новый уровень эстетического образного мышления, полноценно вошедшего в практики некоторых старших поэтов еще ранее, прямое наблюдение, сближение литературногоmono- и диалога с живой речью становятся если и не обыденным, то вполне распространенным инструментом по-

¹ Подстрочные переводы здесь и далее по тексту статьи наши. — Ф. У. Т. Т.

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

вышения суггестивного потенциала поэтического текста. Использование характерных черт разговорных периодов карачаево-балкарского народа, в особенности, стремление к лаконизации таковых, лаконизации, проводимой с помощью эллипсисов, становится заметным и значимым трендом авторов — художники второй волны литераторов весьма часто прибегали к данному способу динамизации описываемого.

В поэме-реквием Салиха Гуртуева «Алим» [Гуртуев 2013: 492–524], посвященной памяти Героя Советского Союза Алима Байсултанова, даже характеристики героев даны через диалогическое представление:

— Сен кимсе, Алим?	‘Ты кто, Алим?
— Анамы тынчлыгъы.	— Моей матери покой.
— Сен кимсе, Алим?	— Ты кто, Алим?
— Къызыны кёл тансыгъы.	— Девушки надежды.
— Сен кимсе, Алим?	— Ты кто, Алим?
— Сабийни кюллюгю.	— Смех ребенка.
— Сен кимсе, Алим?	— Ты кто, Алим?
— Жерни эркинлиги.	— Просторы земли’

[Гуртуев 2013: 517].

На мотиве памяти основаны самые разнообразные поэмы, различающиеся структурой и формой повествования: лирико-монологические (поэмы-посвящения), героико-биографические, поэмы-воспоминания.

Есть поэмы, составляющие сплав лирико-монологической поэмы с поэмой-воспоминанием. Примером таковой может служить «Согъулмагъан къыл къобуз» («Умолкнувшая скрипка», 1969) [Урусова 1978: 26–63] — карачаевской писательницы Аминат Урусовой, посвященная брату, композитору, погибшему на фронте.

По сути, это мемуарно-биографическое полотно, достаточно объемный текст, состоящий из девяти глав. Автор ведет диалог с тем, кто уже не услышит ее:

Дыгаласды мени ишим,
Эштmezликге хапар айта,
Табмазма энди кёрюшюу,
Нек турама санга къайта?

‘Увы, пытаюсь найти облегчение в
самообмане,
Веду разговор с тем, кто не услышит меня,
Не вернутся дни минувшие, не свидеться нам никогда.
Так почему же так часто возвращаюсь к тебе?’

[Урусова 1978: 63].

Поэтесса знакомит с линией судьбы одаренной личности — с детских лет и до дня героической гибели в Великой Отечественной войне. Повествование ведется в формате беседы-воспоминания («...И помнится белая войлочная шляпка твоя, сидевшая как бабочка на цветке, и бег твой каждодневный к буйной форельной реке...» [Урусова 1978: 28]). Последовательно раскрывая путь героя, А. М. Урусова акцентирует внимание на

ключевых моментах биографии. Так, приезд Исхака в Краснодар стал первотолчком, «путевкой в большую жизнь», к самоопределению. Встреча с пожилым музыкантом Сергеем, разглядевшим в мальчике-горце недюжинные музыкальные способности, являет собой завязку произведения. Подобно Федоту из лиро-эпической поэмы Алима Кешокова «Тисовое дерево», научившему Хакурино ремеслу и грамоте, Сергей все свои знания и умения передал мальчику, в котором «узрел детство свое: когда впервые упивался игрою соседа-скрипача, полон восторга и умиления» [Урусова 1978: 34].

Образ инокультурного героя, чаще всего русского по национальности, имел реальную основу в виде тысяч энтузиастов и подвижников из центральных районов России, однако в национальных литературах он в основном трансформировался в канонический и единообразный типаж, выкристаллизовавшийся в недрах советского маркированного сознания, и к которому, как правило, в обязательном порядке апеллировали национальные авторы на протяжении достаточно продолжительного времени, включая и художественные образцы второй половины XX в. (например, Борис Игнатьич в «Горской поэме о Ленине» (1969) К. Ш. Кулиева др.). Даже мощное лирическое вторжение в образ, свойственное вообще стилю А. М. Урусовой, не смогло бы изменить сюжетную предопределенность образа Сергея и в конечном счете он остался бы не столько личностью, сколько функционирующим политическим знаком, если бы не мемуарная основа произведения и базирующееся на сенситивной аксиологии авторское восприятие, не позволившие усомниться не только в реалистичности образа инонационального героя, но и подтвердившие его абсолютно художественно-эстетическую ценность. Музыкант Сергей в судьбе главного героя поэмы Исхака не просто учитель музыки, он олицетворение подлинно высокой культуры и гуманизма («Ненча суратны сюеди / Музыкасы бу Сергейни! / Къууанч, бушуу — кеб зат келди, Керюндю санга Теберди» ‘Сколько картин запечатлела / Музыка Сергея! / Радость, горе — много вспомнилось тебе, привиделась Теберда’ [Урусова 1978: 31]). Более того, основные структурные элементы текста — завязка, кульминация — функционируют в координатах взаимодействия Исхака и Сергея, выстраивая вертикаль взаимоотношений, начиная с приезда первого в Краснодар.

Сцена прощания Исхака со своим учителем составляет кульминацию произведения:

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

...Чал Сергей ашыра чыкъгъанды,
Бютеу саны титирий...
„Абрам! Абрам! Бери къайт!” —
деб
Къычырды, алмай солууун...
Юйден чыгъарды къобузну,
Къол джетдире хар несине:
— Ал менден саугъагъа муну, —
Деб, къысды сени кесине.
Джунчугъандан къысха солуй,
Билмединг не айтрыгъа.
Не кюрешиб базалмадынг,
Быллай саугъаны алыргъа.
Къобуз bla бирге тутуб,
Сергейни къысдынг къолларын,
Ант этгенча, халал къараб,
Борчлу къанда къарадынг.

‘...Седой Сергей вышел провожать,
Дрожа всем телом...
«Абрам! Абрам! Вернись обратно!»
(Абрам — погибший сын музыканта.
— Ф. У., Т. Т.), —
Закричал изо всех сил...
Из дома вынес скрипку он.
Потрогав, пощупав ее,
«Возьми в дар от меня», — сказал
И заключил тебя в свои объятия.
Еле дыша от растерянности,
Не мог не вымолвить (ты) ни слова,
Не смел взять в руки —
Подарок слишком щедрым был.
(Исхак понимал, что в этой скрипке
Сергея жизнь и душа).
Прижал к себе скрипку,
Прильнул ты к его рукам,
И во взгляде твоем горячем
Читались клятвы сердца
и высокий долг перед ним’

[Урусова 1978: 44–46].

«Специфика мемуарного изложения вбирает многие сущностные характеристики, в том числе эмпирические. Наблюдения автора являются читателю не только оценку кропотливого труда музыканта, собирателя старинных песен, но и очевидную устойчивую модальность, что возможно исключительно с позиции субъектно-объектных отношений...» [Узденнова 2024: 333].

Вторая, и последняя, встреча Исхака с учителем состоялась несколько лет спустя, незадолго до войны...

Начавшаяся война кардинальным образом изменила судьбу героя, а вместе с тем и характер нарратива:

Ёзенле да тар болдула,
Къысылыб таула бир-бирине.
Элле да сууукъ къан алдыла,
Киши джерлеча керюне.

‘Ущелья сузились,
Горы прижались друг к другу,
Аулы стали суровы,
Будто чужие’

[Урусова 1978: 58–59].

Поэма А. Урусовой «Умолкнувшая скрипка» абсолютно биографична: чувствуется, что она написана человеком, пережившим тяжелую утрату.

*Озса да къадар заман,
Эсимде тураса хаман...
О, табылмазлыкъ къарнашым,*
—
*Юшютеди джюрекни буз:
...Кёз туурамда тагъылыбы
Согъулмагъан ол къыл къобуз...*

‘Сколько бы времени ни прошло,
Ты всегда в моей памяти (моих мыс-
лях)...
О брат мой ушедший безвозвратно, —
Студит сердце лед:
...Перед моими глазами (висит/подве-
шена)
Умолкнувшая та (твоя) скрипка...’

[Урусова 1978: 63].

Образность строфы, казалось, обращена к русской словесной традиции. Можно даже предположить, что попытка прочтения отрывка в границах национального восприятия возвращает нас к уже рассмотренным практикам изолированного образного представления идеологической поэзии — по крайней мере смысловая связь между первыми двумя строками и последними в пространстве карачаево-балкарской поэтики проблематична (связь между «сердцем» и «льдом»). Эти коннотации изначально реализованы в поле русского мироощущения — вплоть до обычных в славянском фольклоре и языке идиом и метафор «охолонуть», «за-холонуло», «заледенело», применяемых в текстах по отношению к сердцу [Большой толковый словарь русского языка 2000]. Но и здесь экспрессия переживания (в границах законов мемуарного жанра, в соответствии с которыми создавался данный текст) реабилитирует обращение к, мягко говоря, неэтничной метафоре.

Как правило, в текстах национальных поэтов присутствуют различные устойчивые структуры — чаще всего фольклорного происхождения — однако их употребление с точки зрения эстетической онтологии текстов не дифференцировано:

*Къыркъ экинчини кюзюнде
Келди джайыла, тизиле,
Tau ёзенлеге къуюлуб,
Къанлы Гитлерни аскери.*

«Летом сорок второго,
Пришло, растекаясь-расползаясь, выстра-
иваясь,
В горные долины хлынув,
Кровавого Гитлера войско...»

[Урусова 1978: 57].

В данном случае обозначение «кровавый» не может считаться авторским, это стабильное фольклорное определение; безусловно неопределенный характер его презентации — «кровавый» в данном случае явный традиционный эмотив, но с другой стороны — соседство с «Гитлером» показывает, что в интерпретации автора обоснование его применения сугубо ситуативно. Впрочем, индифферентно-философское понимание данного колоратива (кровавый, красный) подтверждается неоднократными обращениями к нему национальных авторов («Къызгъыл кырдыкли» («Алые травы») З. Х. Толгурова [Толгуров 1974: 5–141])

При использовании больших поэтических форм формируется особая образная ткань произведений, характерным признаком которой является

ся некое родство с эпическими повествовательными жанрами, и, как результат, меньшая, нежели в лирических текстах, образная насыщенность. Поэтому признаками национальной принадлежности в таких случаях выступают общие универсалии, прямые адресации и пр., что можно заметить и в творчестве основоположников карачаево-балкарской литературы [Кетенчиев 2012: 101–103].

Однако А. М. Урусова в своей поэме использует национальные этико-эстетические нормали, что может считаться характерной чертой поэм всех карачаевских и балкарских авторов. Например, сцена с пленным немцем: при некой «разряженности» образной ткани и возврате к понятийно-рациональным представлениям автор концентрируется на прямых декларациях этического порядка, предлагая читателю этические нормы допустимого, и строит свой дискурс эстетического на народной этике и морали:

...Къагъын-согъун	этди	...Его он избивал, бил-крушил,
аны,		Желая самоутвердиться (букв. «показать-
Кергюзтурге излеб кесин.		утвердить себя»),
Ёсхакъны къолу джетиб,		(Но) Рука Исхака, достигнув (его),
Терк джыйдырды аны		Быстро заставила одуматься (привела в
эсин...		чувство)

[Урусова 1978: 56].

Структуры образов в поэме А. М. Урусовой — понятийные представления, но с богатой внешней ассоциативностью и изжившие прямую идеологическую функциональность. В норме они имеют несколько подтипов — в полном соответствии с количеством этапов развития коллективного сознания этноса, его культурного контента, или, как в более общем виде пишет А. В. Михайлов, «...целостный процесс развития национальной литературы на деле глубоко сопряжен с фактической ее историей, опосредован ею, реализован в ней. Целостный процесс — литературно-исторический уровень, на котором задается и оправдывается смысл литературного развития <...> сограничиваются и соопределяются пластины литературной истории...» [Михайлов 1983: 126].

Акцентирование в том или ином субъекте, прежде всего, его человеческой природы позволяет структурировать антропологические представления, отразить способы их бытования в художественном тексте. «Мысль о человеке как абсолютном ценностном центре, по отношению к которому не только наделяется определенностью время и пространство художественного текста, но и вообще происходит «упорядочение смысла» архитектонического целого, высказана М. Бахтиным в работе „Автор и герой в эстетической деятельности“» [Подрезова 2003: 4].

Лироко-философская поэма Сакинат Мусукаевой «Алма-Атада чагъадыла алмала» («Зацветали яблони в Алма-Ате») [Мусукаева 2001: 271–293] в аспекте вышесказанного — неординарный подход к изображению исторической действительности: через призму мыслительной деятельности героини Фатимат объективировано внутреннее эмоционально-психологическое

состояние человека, ввергнутого в отчаяние, сопряженное с трагическими обстоятельствами (война 1941–1945 гг., унесшая жизни ее супруга и четырех сыновей, нереализованные мечты, связанные с возвращением на историческую родину вследствие депортации балкарского народа в Среднюю Азию).

Доподлинно реалистично, с опорой на документальный материал и рассказы очевидцев произведение Х. Б. Байрамуковой «Залихат» [Байрамукова 1963], воспроизводящее героическую судьбу самоотверженной женщины, проявившей незаурядное мужество и силу духа в борьбе с немецкими оккупантами. Замученная фашистами, но несломленная Залихат Эркенова была расстреляна в горном каньоне под Кисловодском. Карабаевской «Зоей Космодемьянской» прозвали ее в народе. Память об отважной горянке увековечена мемориальной доской на фасаде дома, в котором она проживала, в городе Карабаевске.

4. Заключение

«На протяжении почти восьмидесяти лет литература продолжала осваивать тему войны, каждый раз на новом эстетическом и художественном уровне...» [Чотчаева 2022: 101]. В послевоенный период, отмеченный поиском новых форм выражения поэтического переживания, стремление к отражению синтетического совмещения понятийно-идеологического осмыслиния реальности с эмоционально-сенситивным стало основным качеством национальных моделей художественного отражения. Основной объем эволюционных преобразований был реализован в границах больших поэтических форм — в первую очередь поэм — и начинался с переосмыслиния базовых для национального мироощущения паттернов и архетипов — прежде всего природного этноландшафтного окружения — в свете нового философского, историко-идеологического подхода.

Анализ художественных текстов о войне показывает, что они имеют ярко выраженную фактологическую основу, что определяется наличием в них ордера традиционных концептов — от дескрипций биографического контента до единичных мемов и мотивов, в том числе фольклорного происхождения. «Ведущим художественно-эстетическим посылом, определяющим генеральные направления тематической и идейной реализации, было стремление осмыслить и интерпретировать тему войны в форме, приближенной к реальности, в форме, во многом пренебрегающей эстетическими нормами классического соцреализма» [Узденова 2020: 290].

Если проанализировать эволюционный маршрут жанра в целом, то можно заметить, что главный вектор развития поэзии северокавказских народов четко вписывался в общий контекст большой советской литературы. Поэма, по справедливому утверждению А. Г. Жакова, «навсегда утратила неповторимые качества поэзии военного времени, но обрела большую глубину психологизма, значительность философских раздумий над событиями прошлого» [Жаков 1981: 92]; «... менялся пафос литературы — он был ориентирован на обнажение прежде сокрытого, остававшегося тайным, отсюда и лиризм, и доверительные интонации» [Гусейнов

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

2024: 54]. Тема памяти в многонациональной литературе страны становится доминирующей.

Источники

- Атабаев 1968 — Атабаев М. С. Похищенная смерть (= Урлангъан ажжал) / на кумык. яз. Махачкала: Дагкниго-издат, 1968. 79 с.
- Байрамукова 1963 — Байрамукова Х. Б. Залихат / на карач. яз. Черкесск: Карачаево-Черкесское кн. изд-во, 1963. 122 с.
- Большой толковый словарь русского языка 2000 — Большой толковый словарь русского языка / под общ. ред. С. А. Кузнецова, 2000. 1536 с.
- Гуртуев 1978 — Гуртуев С. С. Терт алма терек (= Четыре яблони) // Гуртуев С. С. Терт алма терек (= Четыре яблони): стихи и поэмы / на балк. яз. Нальчик: Эльбрус, 1978. С. 79–97.
- Гуртуев 2013 — Гуртуев С. С. Алим // Гуртуев С. С. Сайламала (Избранное): в 2 тт. / на балк. яз. Т. 1. Нальчик: Эльбрус, 2013. С. 492–524.
- Зумакулова 1994 — Зумакулова Т. М. Урушха къажау поэма (= Антивоенная поэма) // Зумакулова Т. М. Сайламала (= Избранное): стихи и поэмы / на балк. яз. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 353–404.
- Мусукаева 2001 — Мусукаева С. А. Алма-Атада чагъадыла алмала (= В Алма-Ате зацветают яблони) // Мусукаева С. А. Аллыма къара (= Встречай меня): стихи и поэма / на балк. яз. Нальчик: Эльбрус, 2001. С. 271–293.
- Толгурев 1974 — Толгурев З. Х. Къызгъыл къырдыкъыла (= Алые травы) / Толгурев З. Х. Къызгъыл къырдыкъыла (= Алые травы) / на балк. яз. Нальчик: Эльбрус, 1975. С. 5–141.
- Урусова 1978 — Урусова А. М. Согъулмагъан къыл къобуз (= Умолкнувшая скрипка) // Урусова А. М. Согъулмагъан къыл къобуз (= Умолкнувшая скрипка): стихи и поэма / на карач. яз. Черкесск: Карачаево-Черкесское отд. Ставроп. изд-ва, 1978. С. 26–63.

Литература

- Георгиева 2012 — Георгиева Н. Г. Мемуары как феномен культуры и исторический источник // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. № 1. С. 126–138.
- Гусейнов 2024 — Гусейнов М. А. Поэма «Похищенная смерть» М. Атабаева — знаковое произведение «оттепели» // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2024. Т. 39. № 2. С. 51–56. DOI: 10.21779/2542-0313-2024-39-2-51-56
- Жаков 1981 — Жаков А. Г. Современная советская поэма. Минск: БГУ, 1981. 176 с.
- Кетенчиев 2012 — Кетенчиев М. Б. Функционально-семантический потенциал обращений в поэзии К. Мечиева // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. 2012. Т. 2. № 3. С. 101–103.
- Михайлов 1983 — Михайлов А. В. Диалектика литературной эпохи // Контекст. 1982. Литературно-критические исследования. М.: Наука, 1983. 335 с.
- Нюбина 2013 — Нюбина Л. М. Мемуарный текст как «культурогенный феномен» // Известия Смоленского государственного университета. 2013. № 2(22). С. 85–97.
- Подрезова 2003 — Подрезова Н. Н. Концепция человека в поэзии О. Седаковой (антропологический аспект): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2003. 21 с.
- Тартаковский 1980 — Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М.: Наука, 1980. 311 с.

- Теппев 1981 — *Teppeev A. M.* Литература периода Великой Отечественной войны 1941–1945 // Очерки истории балкарской литературы / отв. ред. С. У. Алиева. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 129–143.
- Узденова 2020 — Узденова Ф. Т. Карабаево-балкарская поэзия XX века: этнокультурная специфика, эволюция, жанры; дисс. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 2020. 380 с.
- Узденова 2024 — Узденова Ф. Т. Особенности мемуарной прозы А. Урусовой (на примере книги «Емюр танышланы сагъыныу» («Воспоминания о современниках») // Электронный журнал «Кавказология». 2024. № 2. С. 325–337. DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-325-337
- Ханинова 2019 — Ханинова Р. М. Баллада о войне в калмыцкой поэзии XX в. // Новый филологический вестник. 2019. № 1(48). С. 194–206. DOI: 10.24411/2072-9316-2019-00014
- Чотчаева 2022 — Чотчаева М. Х. Тема войны в литературах Карабаево-Черкесии: нравственно-патриотический контекст // Би(поли)лингвизм и проблемы коммуникации: вызовы XXI века: Мат-алы XIV Всеросс. с междунар. участием науч.-практ. конф. «Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты» (г. Пятигорск, 20–21 апреля 2022 г.) / под ред. А. М. Казиевой. Пятигорск: Пятигорск. гос. ун-т, 2022. С. 101–108.

УДК / UDC 821.512.37

Историческая и личная память в рассказе Андрея Джимбиева «Мөңк гүрм» («Вечная беда»)

Римма Михайловна Ханинова¹

Historical and Personal Memory in Andrey Dzhimbiev's Short Story "Menk Gurm" ("Eternal Trouble")

Rimma M. Khaninova¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-0478-8099. E-mail: khaninova[at]bk.ru

Аннотация. В статье рассмотрена тема исторической и личной памяти на примере рассказа калмыцкого писателя-фронтовика Андрея Джимбиева «Мөңк гүрм» («Вечная беда», 2002). В 78 лет автор, вспоминая о Великой Отечественной войне, создает образ восьмидесятилетнего ветерана, рассуждающего о прошлом и настоящем ради будущего. Старик Довдон в разговоре с другом, возвращаясь воспоминаниями в свою юность, горюет о погибших однополчанах и командире роты, отдав должное героизму защитников Отечества. Название рассказа о войне как вечной беде сопровождается авторской интенцией об исторической и личной памяти, различными для ветеранов и для современной молодежи, сохранении исторической правды о Победе народа в борьбе с фашизмом. Время действия — 9 мая, День Победы, спустя много десятилетий после войны. Такая временная протяженность актуализирует тему рассказа. Диалогическая форма произведения влияет на динамику сюжета, замедляя его действие. Русский перевод текста не всегда точен в воспроизведении первоисточника.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, калмыцкая проза, рассказ, историческая память, ветеран войны

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер гос. регистрации: 123021300198–4). **Для цитирования:** Ханинова Р. М. Тема «Без срока давности» в рассказе Андрея Джимбиева «Мөңк гүрм» («Вечная беда») // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 3. С. 162–170. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-162-170

Abstract. The article examines the topic of historical and personal memory using the example of the short story by Kalmyk writer-veteran Andrei Dzhimbiev “Mank Gurm” (“Eternal Trouble”, 2002). At the age of 78, the author, remembering the Great Patriotic War, creates the image of an eighty-year-old veteran, talking about the past and the present for the sake of the future. Old Dovdon, in a conversation with a friend, returning to his youth, grieves for the dead of his fellow soldiers and the company commander, paying tribute to the heroism of the defenders of the Fatherland. The title of the story about the war as an eternal disaster is accompanied by the author’s intention about historical and personal memory, different for veterans and for modern youth, preserving the historical truth about the Victory of the people in the fight against fascism. The action takes place on May 9, Victory Day, many decades after the war. This length of time actualizes the theme of the story. The dialogical form of the work affects the dynamics of the plot, slowing down its action. The Russian translation of the text is not always accurate in reproducing the original source.

Keywords: Great Patriotic War, Kalmyk prose, short story, historical memory, war veteran

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy project no. 123021300198-4 “Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China”.

For citation: Khaninova R. M. Historical and Personal Memory in Andrey Dzhimbiev’s Short Story “Menk Gurm” (“Eternal Trouble”). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2025. No. 3. Pp. 162–170. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-162-170

1. Введение

В прозе калмыцких писателей-фронтовиков немного рассказов о Великой Отечественной войне, созданных на родном языке. Это «Ээж» («Мать») Алексея Балдуевича Бадмаева (1924–2007) [Бадмин А. 1963: 19–41], «Кора» [Хоньна М. 1961: 96–100] и «Ухлястин көвәд» («На берегу Ухлясти») Михаила Ванькаевича Хонинова (1919–1981) [Хоньна М. 1979: 346–351], «Мөңк гүрм» («Вечная беда»), «Сүл дэврлт» («Последнее наступление»), «Үклиг дийлсн үүсл» («Мечта, победившая смерть») и другие рассказы Андрея Манганыковича Джимбиева (1924–2022) [Жимбин А. 2009].

Тема Великой Отечественной войны в этих произведениях является автобиографические детали жизни авторов, мотивы личной и исторической памяти, героизм на войне и в тылу, представляя людей разных

национальностей и возрастов. Так, в рассказе А. Б. Бадмаева старая мать, обеспокоенная полученным письмом, написанным чужой рукой, едет к сыну в госпиталь и по дороге погибает под ударами бомб на переправе реки [Ханинова 2025: 330–340]. В рассказе «Кора» М. В. Хонинова действие происходит под Сталинградом, жители хутора, старики и дети, спасаются от бомбежек в степном овраге [Ханинова 2016а: 195–205]. Бои на берегу белорусской речки Ухлясть в другом его рассказе «Ухлястин көвәд» показали геройство защитников родной страны: погибает «сын полка», мальчик-белорус из сожженного села, и командир роты, калмык, скорбит, похоронив его [Ханинова 2016б: 339–348].

2. Материал и методы

Материалом для исследования стали рассказ А. М. Джимбиева «Мөңк гүрм» («Вечная беда», 2002) и его русский перевод, выполненный Д. Б. Дорджиевой, под названием «Счастье и горе без срока давности» [Джимбиев 2024: 259–262].

Рассказ имеет публикации в журнале «Теегин герл» («Степь в степи») [Жимбин А. 2003: 20–23], в авторской книге [Жимбин А. 2009: 321–325].

Сравнительно-сопоставительный подход и метод описательной поэтики позволяют выявить авторские интенции и стратегии переводчика в изображении Великой Отечественной войны, в передаче темы «без срока давности» на основе исторической и личной памяти очевидца событий, о которых повествуется в рассказе ветерана войны.

3. Историческая и личная память в рассказе А. Джимбиева «Мөңк гүрм» («Вечная беда»)

В рассказе Андрея Манганыкова Джимбиева «Мөңк гүрм» («Вечная беда», 2002) название является метафорой войны. Лексема *гүрм* во втором значении — «беда» [КРС 1977: 149].

Ср. название этого рассказа в русском переводе Данары Басанговны Дорджиевой «Счастье и горе без срока давности» [Джимбиев 2024: 259–262]. Название в этом случае, отступая от первоисточника, переносит смысловой центр, уравнивая две категории счастья и несчастья в жизни человека, а авторская интенция была направлена на то, что является вечную беду в жизни человечества.

Действие в произведении относится к современной действительности. Два старых друга ведут разговор о прошлом. Возраст персонажей (под 80 лет) подчеркивается их именованием на протяжении всего повествования: *Довдн-өвгн* (Довдон-старик) и *Цорһа-өвгн* (Цорга-старик). В русском переводе рассказа это частотное сочетание имени и возраста не соблюдается. Имена *Довдн*, *Довдан*, *Добдан* в переводе с тибетского означают «мощный, опора моци», «Цорга» (калм. *Цорһа*) — «перегонная трубка (по ней стекает молочная водка)» [Монраев 2012: 150, 213]. Если семантика имени первого персонажа поддерживается его биографией ветерана войны, то семантика имени второго персонажа, видимо, имеет случайный характер, никак в повествовании не соотносится с его биографией.

Один, Довдон, участник Великой Отечественной войны, другой, Цорга, по молодости лет не воевал (он на год младше друга), но испытал все ее последствия. В возрасте пятнадцати лет вместе со своим народом — «изменником» он был сослан в Сибирь. Там, на лесозаготовках, попал в беду, остался без правой руки:

Цоргад неххн насн эс курсар, эн дээнд одсан уга. Болв тер цагаа аюлын хату-метүг эн бүклднүй даалаа. Арвн тавхн настадан эврэх хальмгуулсаа хамдан «урвач» нер зүүж, Сиврур туугдлаа. Тенд көдлмшин дамишлт уга бичин кевүн, мод эд-бод келннд көдлжүйовад, зеткрлэх харгад, барун гар уга үлднэ [Жимбин А. 2009: 321].

Ср. в переводе: «Цорге не хватило всего одного годочка, чтобы попасть на фронт. Но тяготы тех лет он испытал сполна. Ему было 15 лет, когда, как и весь его народ, он был назван изменником и сослан в холодную Сибирь. Там, в морозном kraю, подросток, не имевший никакого опыта, вкалывал на лесозаготовках и потерял правую руку» [Джимбиев 2024: 259].

Переводчик добавил определения, характеризующие место ссылки («холодная Сибирь», «морозный край»), уточнение («не имевший никакого опыта»), использовал просторечие («вкалывал»), уменьшительное («вместо не хватило одного года» — «не хватило всего одного годочка»).

Цорга обращается к другу с почтением, называя его *Довдн-ах* ‘старший брат Довдон’. В русском переводе обращение укорочено: «брать Довдон», тем самым снимается возрастная разница и почтительность собеседника. Кроме того, в первоисточнике Цорга обращается к Довдону на «вы», а не на «ты», как у переводчика.

Фамилии стариков не обозначены. Семейное положение не уточнено: нет упоминаний об их семьях. Место проживания и место действия не указаны.

Старик Довдон не может забыть о прошедшей войне, постоянно возвращается в мыслях к бытым боям, героям и потерям.

Вот и в очередной день Победы он вновь вспоминает войну, а друг, пришедший поздравить, заметив его незддоровье, напоминает об их уговоре: им, восьмидесятилетним, надо беречь свое здоровье, не тревожить себя тяжелыми воспоминаниями: *Довдн-ах, танла эндр, Диилврин өдрлэ, ямаран уршгта үүл одва? Бээдлтнэ — эрүүл биш. Насарн найад күрч йовх бидн жүрхлийн хaalнд учрад давсн уршгта йовдлмуудан ухалж, зовж, үлдсн тоота өдрмүдэн терүнд өнгрэх керг манд уга гиж бидн хойруулн чигн тоолдг билүс* [Жимбин А. 2009: 321].

В ответ на поздравление старик Довдон кратко поблагодарил (*спасибо*), у переводчика — «лишь сухое „спасибо“» [Джимбиев 2024: 259], что, на наш взгляд, не соответствует ситуации. Здесь проявление сдержанности старого человека, погруженного в свои думы, а не его равнодушие к другу.

Оба они потеряли одну руку, один — на войне, другой — на лесозаготовках. Автор с горькой ironией заметил о таком «счастливом» совпадении: Ямаран «сээхн» ирлцлн [Жимбин А. 2009: 321].

У переводчика: «Надо же случиться такому совпадению!» [Джимбиев 2024: 259]. По нашему мнению, указательное местоимение «такому» не передает переживания персонажа по поводу собственной судьбы и судьбы своего друга.

Старик Довдон, соглашаясь, что надо беречь себя, все же утверждает, что есть воспоминания, которые не дают покоя, возникают время от времени, потому что они вечны: *Үлдсн үаган эрвлхиг эврән меднәв. Болв уршгта зәрм күчр йөвдлмуд үаг-үагар буслад, деврәд һарч ирна.* Эдна зәрмнъ — мөңк [Жимбин А. 2009: 321].

Ср. у переводчика: «Некоторые из них, похоже, не имеют срока давности» [Джимбиев 2024: 259]. Наречие «похоже» в значении предположения здесь нивелирует авторскую мысль: у него это утверждение.

Ветеран печалится о том, что не вся молодежь воспринимает прошедшую войну как должно. Конечно, они не знали войны, можно радоваться этому их счастью. Но некоторые из них заявляют, что мы не победили тогда, если победили, что им, молодежи, дали? Что может быть тяжелее, когда они не понимают или не хотят понимать? Видя таких несчастных людей, приходится переживать:

Эвра нүдәрн эс үзсән, бийләнъ эс учрсиг күңү медхд күчр. Тедниг эс үзснән эндр баңчуд хөвтә гиж би нам байрлнав. Болв «дәәнд тадн диилсн угат, диилсн болхла, манд ю өгвт?» гиж сурдгуднъ, ташр некдгуднъ хатяр биш. Тер һундлта. Эс меджәхән эс медснәс үлг му хөв гиж күүнд бәәхий? Иим му хөвтә улсиг үзж бас зовх кергтә болна... [Жимбин А. 2009: 322].

У переводчика последнее высказывание персонажа звучит иначе: «Видеть и слышать таких „умников“ и не страдать душой я не в силах» [Джимбиев 2024: 259]. Лексема «умники» понимается иронически, а «несчастные люди» — сострадательно.

Такие размышления ветерана войны о современном поколении, в первую очередь о молодежи, выстраданы. И ему не сколько «обидно», как в переводе, а печально. В контексте предложения это печаль, горечь, а не просто обида.

Цорга ругает друга за такие переживания, но не так, как у переводчика. «Брат Довдон, нельзя так мучить себя, думая о подлых людях» [Джимбиев 2024: 259].

У автора: *Дөвдн-ах, иим һә йөвдл ухалж зовж болшго ‘Старший брат Довдон, нельзя страдать, думая о таких горестных случаях’* [Жимбин А. 2009: 322]. Речь идет не о «подлых людях», а о тех случаях, когда люди — по незнанию или непониманию — высказывают подобные суждения, неприемлемые для ветерана войны.

Для автора важно передать мысль о том, что отношение к Великой Отечественной войне со временем приобретает иное содержание, чем раньше. Историческая и личная память расходятся в оценке событий прошлого. Для писателя, участника войны, такая трансформация вызывают тревогу и обеспокоенность, так как речь идет об исказжении исторической правды, умалении значения победы советского народа над фашизмом. В

то же время он не склонен осуждать людей, не вникая в причины подобного отношения.

Цорга просит рассказать друга о том, что тогда вызывает его страдания. И напоминает ему о сказанной им калмыцкой пословице, гласящей о том, что в одиночку пережитое страдание вдвойне тяжелей, а разделенное вдвойне легче: «*һанцар даасн зовлң хойр холванд կүндрдг, хувалцж даасн зовлң холванд гиигрдг*» гиж тана бийнтиң келдг үлгүр бәәнәлм [Жимбин А. 2009: 322].

Довдон согласился, что немного рассказывал другу раньше о пережитом. Но как это происходило, никому еще не передал. Тогда он сам не понимал, как все случилось, по молодости лет.

Теперь ветеран войны рассказал другу подробно о том, как летом сорок третьего года его батальон должен был переправиться через небольшую реку, выбить фашистов и продвигаться вперед: *Мана батальон ти-иғхд, 43-чин зунар, нег баахн һолын көвәд күрч ирв* [Жимбин А. 2009: 322].

Рота лейтенанта Соколова, где служил Довдон, шла в первых рядах наступающих. Довдон уточнил, что с ним воевали ребята 18–19 лет. Их лица он видит, как сейчас: *Нанла ти-иғхд 18–19-тә көвүд элвг йовла. Тедна чирәсиг би эндр, минь ода үзҗәх метәр тодлнав* [Жимбин А. 2009: 322].

Здесь включение автобиографического компонента в рассказ: сам будущий писатель в 18 лет принял участие в войне.

Довдон вспоминает, как многие верили, что бог спасет их, сбережет на войне. Он понимал, что так говорили, когда не было сил. Но эта вера никого не спасла от смерти. Потери тогда были большие. Война есть война. От ее законов спасения нет. «*Маниг мана сәкүсн-бурхн хәләһәд, хадһлад йовх*» гиж әмд йовснань кесгнү иңдг билә. Энны, ҹань арһ уга болхла, келгддг үгмүд бәәсинь би меддг биләв. Болв тиим ицлнъ тер саамд үкләс кениг чигн ҳарссы уга. Һару ти-иғхд дегд ик болла... Дән гисн — дән. Терүнә зокал аврлт уга... [Жимбин А. 2009: 322].

Ср. у переводчика: «Но ни вера, ни талисманы в том бою никого не спасли от смерти» [Джимбиев 2024: 260].

Старик, возвращаясь мыслями в прошлое, рассказал в подробностях, как все было тогда. Немцы явились на два дня раньше, соорудили мост, переправились на другой берег, мост сожгли, сами окопались, а силы были малы: численность убавилась, патронов не хватало, одна винтовка. Но был приказ И. В. Сталина: «Ни шагу назад!», «Вперед! Только вперед! За Родину! За Сталина!». Кроме этих призывов, других не было:

Немшир манас хойр хонг урд ирәд, һол деер бурм кеҗ тәвәд, деергәрнъ нарчакад, тер бурман шатачкж. Бийснъ һолын тентл һажүд окопмуд малтж авад, маниг қүләһәд суудг. Мана чидл баһ: қүүнә то баһрсн, сумн ҳаттар, нежәһәд буута. Болв бидн «нег чигн ишкәл хәрү кешго!» гисн Сталина закврта. «Уралан! Зуг уралан! Төрскә төлә! Сталина төлә!» Эн дуудврас талдан заквр уга [Жимбин А. 2009: 323].

У переводчика: «Но зато на всех был один приказ: „Ни шагу назад! Только вперед! За Родину! За Сталина!“» [Джимбиев 2024: 260]. По нашему

му мнению, союз «зато» противоречит авторскому высказыванию в этом предложении. У него лаконичная констатация факта: «Но у нас был приказ Сталина: „Ни шагу назад!“».

Тогда бойцы всю ночь рубили ближайшие деревья, тащили их к реке, с помощью них переправлялись на другой берег. Его взвод первым одолел водную преграду. Неожиданно немцы выскочили из окопов, открыли огонь.

Рядом с Довдоном шедшие солдаты стали падать, в реке тонуть. Сам он, тяжело раненный в предыдущем бою, был с перевязанной левой рукой, должен был действовать правой рукой.

В рукопашной Довдон получил новые ранения от автомата, кованого немецкого сапога: переломанные ребра, которые после врачебной помощи, срослись, как попало. Эти шрамы ветеран теперь показал другу. Тот поразился тому, как можно было уцелеть тогда после такого боя. В разговоре Цорга не скрывал своих эмоций, постоянно восклицая: *Дэрк! Дэрк! Дэрк минь!* ‘Боже! Боже мой!’ [Жимбин А. 2009: 324].

Потери были большие, половина бойцов без боевого опыта.

Когда Довдон, тяжело раненный, оказался в медсанбате, там увидел своего лейтенанта: у него были оторваны ноги до колен, он потерял много крови, но не стонал. Довдон был потрясен увиденным:

Тер өдрин бийднъ, асхн шидр медсанбатур мана роты командир лейтенант Коля Соколов авч ирв. <...> Хойр көлнъ өвдгэрнууга. Цусан икәр геесндән, әрә әмтә. Зовлңгнь... Болв тер түүрчәд бәәхәс биш, гиң гиҗ зовжахан медүлгч ә нарсн уга. Би терүнә бәәдләс сүрдүв [Жимбин А. 2009: 325].

Лейтенант, узнав Довдона, собрав свои последние силы, тихо сказал ему о том, что благодарит его и бойцов взвода, что приказал подготовить наградные листы уцелевшим девятым солдатам:

Би тана взводын дәәчнрт, танд бийдтн бас ханжанав. Әмд улдин нәэмн салдст ачлврин цаасд кетхә гиҗ закув [Жимбин А. 2009: 325].

Довдон и теперь, спустя много десятилетий, восхищен мужеством своего командира, его последним поступком, а лейтенант горевал о том, что из роты, в которой было 108 солдат, после боя осталось всего 9, и в этом его ответственность. Он должен был умереть со всеми:

Мини ротд өрүн бәәсн 108 дәәчәс ода, өдрин чилгчәр, иисн күн үлдә. Теднә негнъ би, ротын командир лейтенант Соколов биләв. Би дәәчнрән чиләчкад, зөврән әмд нарч ирх зөв угав. Би теднә хамдан, тенд, дәәлдәна бәәрнәд үкх зөвтә биләв! Ямаран гүрм! [Жимбин А. 2009: 326].

На вопрос Цорги, остался ли жив лейтенант, Довдон ответил, вытирая глаза пустым рукавом рубашки, что наутро Соколова похоронили:

Лейтенант Соколовиг маңһур өрәнднъ оршав [Жимбин А. 2009: 326].

Довдон не может забыть о мужестве командира, сказавшего, что должен был погибнуть вместе со своими бойцами. Он говорит, что может многое забыть, но не может забыть последние слова лейтенанта. Разве можно об этом забыть? Нет для этого никаких сил. На нет и суда нет.

Старики долго молчали, размышляя над сказанным:

Хойр көгшә тагчг. Эдн эвра күүндөрән ода цаарандың эврә-эврә чеежү до-тран көжәдг чигн болх [Жимбин А. 2009: 326].

Между тем за окном послышалась песня «Хотят ли русские войны?»:

Эн саамла «Орсмуд дәэлдхәр бәәхий?» гидн дун терз һатцас соңсгдв [Жимбин А. 2009: 326].

Автор включил в свой рассказ упоминание об известной антивоенной песне Евгения Евтушенко на музыку композитора Эдуарда Колмановского [История песни 2025].

Русский перевод рассказа не всегда соответствует оригинальному тексту, особенно в финальной части, без упоминания раздавшейся за окном песни. Между тем эта деталь акцентировала тематику произведения: во-первых, песня часто исполнялась в День Победы, во-вторых, созданная в 1961 г., в период международной напряженности (Карибский кризис, строительство Берлинской стены, эскалация вооружения), передавала антивоенное послание о стремлении людей жить в мире, в-третьих, песня всегда оставалась актуальной, особенно для старшего поколения, для участников прошедшей войны.

Рассказ — небольшой по объему, диалогичен по структуре, сам диалог растянут, есть повторения и длинноты, психология Цорги, восьмидесятилетнего старика, не вполне отвечает его возрасту и опыту: вопросы наивны, часто риторического характера. Воспоминания Довдона, особенно о последней встрече с лейтенантом в медсанбате, на наш взгляд, несколько экзальтированные, не отвечают ментальной сдержанности старого калмыка, которая заявлена в начале рассказа.

Рассказ заканчивается утверждением Довдона и Цорги о том, что День Победы — это и день вечной радости, и день вечной беды: Эндр Диилврин өдр. Эндрк мөңк байрин чигн, мөңк гүрмин чигн өдр [Жимбин А. 2009: 326].

У переводчика завершение рассказа без последних четырех абзацев, обрывающееся на последних словах старика Довдона: «Есть ли что священнее и горше, чем то завещание или клятва?! Нет, забыть такое невозможно. Нет такой силы на свете, что заставила бы меня забыть об этом» [Джимбиев 2024: 262].

4. Заключение

Рассказ Андрея Джимбиева «Мөңк гүрм» («Вечная беда») о войне при определенном художественном вымысле характерен размышлениями писателя об исторической памяти, о цене Победы, об эстафете поколений. Повествование о прошлых боях на войне не имеет никакой конкретной локации, как и действие рассказа. В контексте времени разговора персонажей относится к началу 2000-х гг., когда было написано произведение писателя. Ветеран и инвалид Великой Отечественной войны, вспоминая в День Победы о прошлом, утверждает непреходящие ценности: честь и защита Отечества, память о павших героях войны, ответственность поколений за будущее страны.

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

Источники

- Бадмин А. 1963 — *Бадмин А. Ээж* (= «Мать») // Бадмин А. Ээж. Элст: Хальмг госиздат, 1963. Х. 19–41.
- Джимбиев 2024 — *Джимбиев А. Счастье и горе без срока давности* // Поэзия и проза тюркских и монгольских народов: антология. М.: ОГИ, 2024. С. 259–262.
- Жимбин А. 2003 — *Жимбин А. Мөнк гүрм* (=«Вечная беда») // Тэегин герл. 2003. № 1. Х. 20–23.
- Жимбин А. 2009 — *Жимбин А. Жирхлийн жисэн* (= «Движение жизни»). Элст: Герл, 2009. 511 х.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Хоньна М. 1961 — *Хоньна М. Кора* // Хоньна М. Ээлтэ улс. Элст: Хальмг дэгтрархач, 1961. Х. 96–100.
- Хоньна М. 1979 — *Хоньна М. Ухлястин көвэд* (= «На берегу Ухлясти») // Хоньна М. Улан цусн болн хар көлсн (= Красная кровь и черный пот). Элст: Хальмг дэгтрархач, 1979. С. 346–351.

Литература

- История песни 2025 — История песни. История войны [электронный ресурс] // URL: <https://история-песни.история-страны.рф/songs/tpost/2eholmxu81-hotyat-li-russkie-voini> (дата обращения: 19.10.2025).
- Монраев 2012 — *Монраев М. У. Калмыцкие личные имена (семантика)*. Изд. 3-е, перераб. и доп. Элиста: Герел, 2012. 255 с.
- Ханинова 2016а — *Ханинова Р. М. Военное детство в этнографическом аспекте: рассказ Михаила Ханинова «Корá»* // Дети и общество: традиции и современность. Мат-лы Всеросс. заочной научн. конф. (Элиста, 1 июня 2016 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 195–205.
- Ханинова 2016б — *Ханинова Р. М. Рассказ Михаила Ханинова «Ухлястин көвэд»* (= «На берегу Ухлясти») в аспекте русского перевода // Русский язык в иноязычном окружении: современное состояние, перспективы развития, культурно-речевые проблемы: Мат-лы Росс. науч. конф. «Русский язык в иноязычном окружении: современное состояние, перспективы развития, культурно-речевые проблемы» (г. Элиста, 24–26 октября 2016 г.). Элиста: Джангар, 2016б. С. 339–348.
- Ханинова 2025 — *Ханинова Р. М. Тема Великой Отечественной войны в рассказе «Ээж»* (= «Мать») писателя-фронтовика Алексея Бадмаева // Айдамировские чтения – 2025: сб. мат-лов Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Грозный, 28–29 апреля 2025 г.). Махачкала: ЧГПУ, АЛЕФ, 2025. С. 330–340.

УДК / UDC 82. 091

**Вектор просветления:
буддизм как движущая сила сюжета в романе
В. О. Пелевина «Тайные виды на гору Фудзи»**

Ирина Николаевна Иванова¹, Евгений Сергеевич Пивоваров²

**Vector of Enlightenment:
Buddhism as a Driving Force in the Plot of Viktor
Pelevin's Novel "The Secret Views on Mount Fuji"**

Irina N. Ivanova¹, Evgeny S. Pivovarov²

¹ Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, корп. 20, ул. Пушкина, 355009 Ставрополь, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-6423-3829. E-mail: ivanovairinna[at]mail.ru

² Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, корп. 20, ул. Пушкина, 355009 Ставрополь, Российская Федерация)

аспирант

Postgraduate Student

 0009-0006-2254-7367. E-mail: pivovaroff.ewgeij[at]yandex.ru

Аннотация. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы проанализировать, каким образом философия буддизма влияет на развитие сюжета и композиционную структуру романа Виктора Пелевина «Тайные виды на гору Фудзи». Основное внимание уделяется исследованию путей, посредством которых буддийские идеи просветления, пустоты и преодоления страданий становятся движущей силой сюжета, формируют внутреннюю ди-

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

намику повествования и определяют финальную судьбу главных героев. *Результаты.* Установлено, что философия буддизма играет ключевую роль в формировании сюжетной динамики романа Виктора Пелевина «Тайные виды на гору Фудзи», определяя этапы духовного пробуждения главного героя и направляя его путь к освобождению от страданий и обретению просветления. Композиция романа выстраивается на постепенном освоении буддистских принципов, начиная с осознания иллюзорности окружающего мира и заканчивая состоянием внутренней гармонии и покоя. Проанализированы приемы введения буддийских категорий и образов в художественный текст, благодаря чему формируется уникальный сплав современной прозы и глубокой философской рефлексии. Получены подтверждения гипотезы о центральном положении концепции просветления как движущей силы сюжета, задающей направление развитию характера героя и обеспечивающей композиционное единство романа. Итоговый вывод подтверждает важность литературы как инструмента трансляции философских идей, способствующего формированию новых способов восприятия и осмысливания реальности у читателей.

Ключевые слова: Виктор Пелевин, композиционная структура, сюжет романа, философия буддизма, новейшая отечественная проза, постмодернизм
Для цитирования: Иванова И. Н., Пивоваров Е. С. Вектор просветления: буддизм как движущая сила сюжета в романе В. О. Пелевина «Тайные виды на гору Фудзи» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 3. С. 171–182. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-171-182

Abstract. The purpose of the article is to analyze the way Buddhist philosophy influences the development of the plot and compositional structure in Victor Pelevin's novel "The Sacred Views on Mount Fuji." Special attention is given to exploring the ways in which Buddhist ideas of enlightenment, emptiness, and overcoming suffering become driving forces for the narrative, shaping its internal dynamics and determining the ultimate fate of the main characters. *Results.* It has been established that Buddhist philosophy plays a key role in forming the dynamic nature of the plot in Victor Pelevin's novel "The Sacred Views on Mount Fuji" defining stages of spiritual awakening experienced by the protagonist and guiding his path towards liberation from suffering and attainment of enlightenment. The composition of the novel unfolds through gradual assimilation of Buddhist principles, starting with an awareness of the illusory nature of the external world and culminating in a state of inner harmony and tranquility. Techniques used by the author to introduce Buddhist categories and images into the literary text have been analyzed, resulting in a unique synthesis of modern prose and profound philosophical reflection. Hypotheses regarding the central position of the concept of enlightenment as the driving force behind the plot have been confirmed; it sets directions for character development and ensures unity within the novel's composition. Ultimately, the conclusion emphasizes literature's importance as a tool for transmitting philosophical ideas, contributing to new forms of perception and understanding of reality among readers.

Key words: Victor Pelevin, compositional structure, novel plot, Buddhist philosophy, contemporary Russian prose, postmodernism

For citation: Ivanova I. N., Pivovarov E. S. Vector of Enlightenment: Buddhism as a Driving Force in the Plot of Viktor Pelevin's Novel "The Secret Views on Mount Fuji" // Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS. 2025. No. 3. Pp. 171–182. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-171-182

1. Введение

Творчество Виктора Пелевина, культового писателя современности, неизменно привлекает внимание современных исследователей-филологов своей философской глубиной, постмодернистской игрой с формами, а также социальным и политическим осмыслением действительности. Особую ценность для литературоведа представляет роман «Тайные виды на гору Фудзи» (2018), в котором автор использует философию буддизма как систему координат, задающую вектор развития сюжета произведения. Тонкая взаимосвязь сюжета с восточным мировоззрением позволяет автору последовательно раскрыть буддийские принципы и символы, используя их как ключевой инструмент для демонстрации внутреннего путешествия своих героев.

В. В. Попковский в статье о романе «Чапаев и Пустота» указывает на взаимосвязь восточной философии и художественной формы следующим образом: «В раннем буддизме существовал жанр джатаки — доступного для широких масс предания, сказки или басни, о предыдущих перерождениях Будды» [Попковский 2014: 117]. Исследователь подчеркивает, что в советском сознании подобную функцию выполнял жанр анекдота, главным героем которых в ту эпоху был Василий Иванович Чапаев. Фрагментированное описание действительности в романе через субъективное восприятие каждого из четырех основных персонажей романа (просто Мария, Володин, Сердюк, Петр Пустота) также берет свое начало в буддизме: В. О. Пелевин, видимо, как большой знаток Востока, весьма искусно использует один из распространенных приемов японской дзен-буддийской поэзии — хонкадори, что означает включение в свой текст чужого текста или определенных фрагментов [Попковский 2014: 118].

В романе «Священная книга обратния» В. О. Пелевин обнаруживает сходство эстетики китайского дзен-буддизма и европейского постструктурализма, который также выступал за устранения языковых барьеров. «Чем выше учение, тем меньше слов, на которые оно опирается. Слова подобны якорям, — кажется, что они позволяют надежно укрепиться в истине, но на деле они лишь держат ум в плену. Поэтому самые совершенные учения обходятся без слов и знаков» [Пелевин 2015: 353]. Это именно то, о чем Будда говорит в «Алмазной сутре» своему ученику Субхути: «Проповедующий Дхарму не имеет Дхармы, которую можно было бы проповедовать. Это и именуют проповедью Дхармы» [Избранные сутры 1999: 60]. Для постмодерниста семантика никогда не может быть согласована с самой собой, поскольку знаки представляют самих себя лишь постольку, поскольку они не являются другими знаками. Смысл — это всегда нечто условное, отложенное, то, что должно вот-вот появиться. Китайский исследователь творчества В. О. Пелевина отмечает, что дзен-буддийская эстетика с большей вероятностью, чем постструктурализм, может найти отклик в обществе и стать точкой опоры, духовным домом для человечества [Го Вэй 2020: 10].

Современный российский исследователь, характеризуя творчество В. О. Пелевина как писателя-постмодерниста, указывает на эклектич-

ность его прозы, поскольку его художественные миры представляют собой сугубо авторскую концепцию различных философских, религиозных, мифологических и научных теорий, которые он обыгрывает в разных соотношениях [Марьушкина 2023: 49]. И, тем не менее, в большинстве его произведений часто повторяются идеи именно буддийской философии. Например, метафора человеческой жизни как сна или концепция пустоты [Марьушкина 2023: 49]. Писатель использует их для построения миров виртуальной реальности в романе «Любовь к трем цукербринам» (2014).

Таким образом, постмодернистская техника автора основана на игре с различными культурными кодами и знакомыми знаками, сближающими его творчество с традициями буддизма. Эклектичное соединение философии, религии и науки придает произведениям В. О. Пелевина особую глубину и позволяет рассматривать их как объект важных научных исследований.

2. Материалы и методы исследования

Настоящая статья посвящена исследованию влияния буддийских концепций и практик на развитие сюжета и композиционную организацию романа Виктора Пелевина «Тайные виды на гору Фудзи». Основное внимание уделяется выявлению места и роли буддистской философии как доминантного мотивационного компонента, обуславливающего динамику сюжета и внутреннее развитие центрального персонажа произведения.

Общеизвестно, что Виктор Пелевин занимает особую позицию среди современных русских литераторов. Его творчество, начиная с первых публикаций и вплоть до сегодняшнего дня, неизменно привлекает внимание научного сообщества. Если первые романы и рассказы исследовались преимущественно в рамках литературно-критических статей [Басинский 1996; Генис 1995; Корнев 1997], то с началом двухтысячных годов творчество В. О. Пелевина стало постоянным объектом глубоких академических исследований [Азеева 1999; Богданова 2004; Богданова и др. 2008; Бобылева 2018; Любарский 2020; Симкина 2017; Нечепуренко 2011; Нечепуренко 2014; Яровенко 2009; и др.].

Актуальность представленного исследования продиктована растущим вниманием филологии к поздним произведениям В. О. Пелевина, характеризующимся глубоким проникновением религиозно-философских элементов, в частности, ориентированных на восточные традиции. Автор демонстрирует уникальное умение вписывать глубокие идеи в современное пространство русской культуры, формируя особый жанр, сочетающий традицию психологической прозы с элементами эзотерического и фантастического повествования [Хаги 2023: 128]. Осмысление своеобразия и методов внедрения буддийских принципов в роман «Тайные виды на гору Фудзи» представляет собой важный вклад в теорию русской литературы конца XX – начала XXI вв., расширяя горизонты понимания культурно-эстетических процессов последних десятилетий.

Основными задачами настоящей статьи являются анализ центральных категорий буддизма («джана», «ниббана», «випассана») и их ре-

лизации в композициях персонажей и динамике сюжета романа; изучение символики горы Фудзи как духовного архетипа, сопровождающего трансформацию сознания героя; оценка влияния буддийских техник и ритуалов на внутреннюю жизнь персонажей и построение конфликта; анализ оригинальных способов выражения буддийского взгляда мира в творчестве В. О. Пелевина (использование иронии, аллегорий, парадоксальных ситуаций); демонстрация взаимосвязи религиозных установок с социальной и политической действительностью современной России; наконец, обобщение полученных выводов о единстве философских основ и искусства письма в книгах В. О. Пелевина, подтверждающее исключительность его личного творческо-стилистического почерка.

Источником эмпирических наблюдений выступил непосредственно роман «Тайные виды на гору Фудзи», принадлежащий перу В. О. Пелевина. Основой теоретико-методологического аппарата служили исследования, посвященные различным аспектам его творчества [Азеева 1999; Басинский 1996; Генис 1995; Корнев 1997; Богданова 2004; Богданова и др. 2008; Бобылева 2018; Дитковская 2002; Любарский 2020; Нечепуренко 2011; Нечепуренко 2014; Осьмухина 2013; Осьмухина 2018; Осьмухина, Сипрова 2017; Пасечник 2015; Яровенко 2009]. Основными методами исследования выступили метод описательной поэтики, герменевтический метод и компаративистика.

3. Результаты и дискуссия

До середины 2000-х гг. в произведениях Виктора Пелевина доминировали учения Махаяны и Ваджраяны, что привело к возникновению устойчивого мнения среди исследователей о дзен-буддистской направленности его творчества [Нечепуренко 2011: 127]. Однако уже в этот период писатель обращается также к эллинистической и экзистенциальной философии, что наиболее отчетливо проявляется, например, в романах «Жизнь насекомых» и «Числа» [Марьошкина 2023: 48].

Особое место в творчестве В. О. Пелевина занимает роман «Тайные виды на гору Фудзи» (2018), ставший шестнадцатым произведением писателя. Этот роман приобрел особое значение в современном «пелевиноведении» благодаря глубокому воплощению философии буддизма в его художественно-эстетическом пространстве. В нем В. О. Пелевин совершает принципиальный сдвиг в своей мировоззренческой позиции, отходя от ранее доминировавшего мифopoэтического осмысления буддизма и других религиозных учений в пользу учения Тхеравады («учение старейшин») — одной из древнейших форм буддийского знания.

Ярким примером использования традиционной для дзен-буддизма символики горы Фудзи является стихотворение знаменитого японского поэта Кобаяси Иссы, звучащее в самом начале романа. В. О. Пелевин приносит оригинальный оттенок, слегка переиначив классический перевод: «Маленькая улитка, медленно-медленно взбираясь по Фудзияме» [Пелевин 2018: 16]. Возникает контраст с традиционным переводом, выполненным

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

ным В. Н. Марковой: «Тихо, тихо ползи, улитка, по склону Фудзи, вверх, до самых высот» [[Тысяча журавлей 2004: 695](#)].

Такое сравнение наглядно показывает разницу акцентов в образах священной горы. Во-первых, адресат обращения — маленькая улитка, что подчеркнуто в переводе В. О. Пелевина и символизирует хрупкость и ничтожность человека в масштабе вселенной. Далее, сам характер движения: у В. О. Пелевина — это тяжелое, напряженное «взбирание», ассоциирующееся с тяжестью и препятствиями, что усиливает ощущение трудности духовного пути. Наконец, цель подъема: у В. Н. Марковой ясно указана вершина горы, означающая итоговый результат — просветление, тогда как у В. О. Пелевина подъем рассматривается как непрерывный процесс без четких границ, что характерно для буддийских взглядов на жизненный путь.

Таким образом, гора Фудзи приобретает двойственный смысл: с одной стороны, она символизирует стремление к светлому будущему и состоянию просветленности, а с другой — неизбежные испытания и трудности, ожидающие героев на этом пути.

Еще одним интересным приемом, используемым В. О. Пелевиным, является кольцевая композиция романа. Начало и конец действия происходят на борту роскошных яхт, плавающих в открытом океане, что напоминает нам о цикличности духовного прогресса и невозможности остановить движение вперед. Герои начинают путешествие снизу, проходят сложный путь, достигают вершины просветления, но неизбежно возвращаются назад, завершив цикл. Эта структура идеально отражает принцип мандалы, широко применяемый в буддизме, где каждая фаза цикла важна сама по себе и влияет на последующие шаги. Таким образом, финал романа возвращает нас к началу, создавая замкнутую цепь, отражающую бесконечную природу жизни и поисков истины. Дамиан Улитин вновь цитирует японского поэта, но при этом видит образ Фудзи:

Он наклонил голову вправо, и горизонт послушно превратился в косую линию, похожую на склон огромной и древней синей горы.

— Катацуумури, — прошептал Дамиан, и по его щеке проползла крохотная улитка слезы. — Соро-соро ноборе Фуджи-но яма... [[Пелевин 2018: 413](#)].

Роман отличается многослойностью структуры, его внутреннее пространство представляет собой отражение духовной сферы персонажей, перемещение в которой реализуется исключительно по вертикали — либо посредством восхождения, либо падения. Сам факт наличия подглав с названиями вроде «Стартапа» и «Стартдауна» подтверждает использование вербальных маркеров, сигнализирующих о положении персонажа в заданной иерархии духовных состояний [[Пелевин 2018: 9](#)].

Сюжет романа представлен тремя основными линиями: историей стартапа Дамиана Улитина, праздной жизнью олигархов Федора, Юрия и Рената, а также судьбой феминистки Татьяны. Цель у всех героев одна — стремление к счастью, которое выступает главным смысловым ориенти-

ром всего текста. Сюжет формируется на оси взаимодействия различных индивидуальных «точек зрения». В области взаимодействия бытийных сфер различных персонажей формируется мир художественного произведения. Понятие счастья в трактовке В. О. Пелевина обладает ярко выраженной психофизиологической природой, понимаемой им как «психический эффект» [Пелевин 2018: 34]. Концептуально автор видит в человеке сосуд для накопления психической энергии, для которого абсолютное счастье достигается внутренней заполненностью.

Как уже отмечалось выше, метафора улитки, ползущей по склону Фудзи, позволяет В. О. Пелевину описать индивидуальную картину мира каждого персонажа, с его особым восприятием действительности, мотивацией и системой ценностей. Развитие героев определяется векторной направленностью сюжета — первая часть романа описывает духовный подъем каждого из персонажей, а вторая — вынужденное падение.

Вектором движения второстепенного персонажа Дамиана Улитина является стремление героя к вершинам социального благополучия. Однако его роль в сюжете эпизодична и функциональна. Основное внимание автор уделяет восходящему движению олигархов в иерархии высших духовных состояний буддийского учения. Для Феди, Юры и Рената «вершиной Фудзи» является достижение счастья, которое автор романа связывает с буддийской концепцией просветления [Пелевин 2018: 41]. Однако их индивидуальное восприятие действительности не позволяет видеть в буддийских практиках путь глубокого духовного развития. Они понимают идеи буддизма ограничено и односторонне, с характерным для людей их социального положения pragmatizmom — для них это лишь источник гедонистического удовольствия, продукт потребления.

Аналогом буддийского просветления для героини Тани и ее «сестер» Жизели и Клэр становится феминистское движение. В. О. Пелевин строит основной конфликт этой сюжетной линии романа на противоборстве двух полюсов — мужского и женского начал. Таким образом, основной конфликт романа выстраивается на столкновения двух противоположных принципов: традиционного патриархального уклада, основанного на религиозных практиках буддизма, предполагающих отказ от эгоцентризма и примирение с окружающей действительностью, и современной западной философско-политической доктрины феминизма, утверждающей приоритет индивидуальной свободы, борьбы за права женщин и активного сопротивления устоявшимся социальным нормам. По мнению автора, феминизм как индивидуалистская философия одерживает вверх в этой схватке, поскольку делает из женщины воина, в то время как пассивная созерцательность буддизма делает его последователей беззащитными перед подобной опасностью.

Первичной и основополагающей стадией на пути к достижению состояния внутреннего просветления выступает глубокая интроспекция бессознательных слоев человеческой психики и освобождение индивида от травматического опыта прошлого. Именно поэтому автор подчеркива-

ет необходимость начала процесса трансформации с анализа либидинозных желаний, выявляя глубинные конфликты, обусловленные подавленными эмоциями и нерешенными проблемами («эрос»). Этот этап соответствует символическому понятию «таера» — услуги японской корпорации «Fuji Ink.», именуемой «Помпейский поцелуй» [Пелевин 2018: 25].

Для реализации данной цели писатель интегрирует в текст теоретические положения классического психоанализа Зигмунда Фрейда, акцентируя внимание на значении вытесненных комплексов и детских переживаний, а также применяет методологию гештальтпсихологии, подчеркивая важность завершения незавершенных эмоциональных ситуаций («гештальтов») и освобождения от психологической фиксации. Так, достижение полного катарсиса позволяет героям «закрыть» ранее существующие психологические травмы, накапливая энергию для дальнейшего личностного роста: «Это значит, что мы наложили, так сказать, заплату на подсознательную пробоину. И ваша психическая и духовная энергия уже не хлещет в пустоту, как последние двадцать или тридцать лет, а постепенно копится — и скоро откроет для вас новые двери восприятия. Вы выясвились из давнего психодинамического зажима...» [Пелевин 2018: 81].

Следующим уровнем бытия в произведении является сфера базовых физиологических нужд, соответствующая второму «таеру» компании «Fuji Ink.», обозначенному термином «Фуджи Билдинг» [Пелевин 2018: 34]. Основываясь на концепции известного американского психолога Абрахама Маслоу, согласно которой фундаментальной основой любой мотивации являются базовые биологические нужды, автор демонстрирует ключевое значение удовлетворения естественных телесных стремлений для последующего продвижения вверх по лестнице самоактуализации. После преодоления барьеров, связанных с удовлетворением первичных инстинктов, герои обретают возможность достичь высшего этапа развития — самореализации и самосовершенствования, позволяющего раскрыть духовный потенциал личности и перейти к качественно новому уровню существования.

Под высшими духовными ценностями герои романа понимают «то, что выше пояса. Духоподъемное. Для души» [Пелевин 2018: 40]. Путь к достижению nibбаны представляет собой иерархию из восьми возвышенных духовных состояний, именуемых джанами. В. О. Пелевин так переводит слово дхъяна, которым обозначалась совокупность медитативных практик — 4 дхъяны или 8 дхъян, — использованных Буддой в опыте «пробуждения» (бодхи) [НФЭ 2010: 717]. Само слово нирвана (пали: nibбана) восходит к санскритскому корню *nir* со значением «угасание», «затухание» (например, угасание светильника или прекращение волнения моря) [Торчинов 2000: 15]. Каждая последующая джана является более тонкой и чистой по отношению к предыдущим, в то же время представляя для медитатора высшее удовольствие и наслаждение. Первые четыре джаны образуют группу материальных джан, что обнаруживает взаимосвязь человеческой физиологии и возвышенных состояний сознания.

В тексте романа описывается, что в третьей джане исчезают приятные чувства. А дальнейший путь за пределы материальных джан требует от медитатора «личного духовного усилия» [Пелевин 2018: 55], так как прибор не способен передавать сигналы столь тонкой природы.

В одном из диалогов герой сравнивают достигнутые состояния с теми, которые описывал в своих книгах Карлос Кастанеда. Один из героев романа комментирует это так: «Ох и высоко же мы с Вами поднялись... Как бы не упасть» [Пелевин 2018: 84]. Персонаж Тани сравнивает бирманского монаха Саядо Ана, обучающего олигархов медитативным практикам, с «духовным домкратом» [Пелевин 2018: 218], переводя смысл сказанного в область семантики, связанной с вертикальным пространством.

Материальные джаны отличаются тем, что они «вырастают» одна из другой, и практикующий медитатор способен естественным образом достичь состояния 4-й джаны. Но далее возникают трудности, поскольку начинается сфера нематериальных джан, к которым, как выразился один из персонажей романа, надо «карабкаться вверх» [Пелевин 2018: 221]. Нематериальные джаны называются следующим образом: «Основа бесконечного пространства», «Основа бесконечного сознания», «Основа отсутствия всего», «Основа не-восприятия и не-невосприятия» [Пелевин 2018: 138].

Закономерно, что неподготовленные к духовным практикам герои романа, видящие в випассане, высшей форме буддийской медитации (инсайт-медитации), связанной с прозрением четырех буддийских истин [НФЭ 2010: 717], только источник удовольствия, переживаю духовную катастрофу и распад личности. Состояния, в которые они попадают, вызывают у них крайне тяжелые болезненные ощущения, от которых нельзя избавиться. Эти патологические состояния больше нельзя контролировать, и они самостоятельно переходят в еще более болезненные инсайты. Они могут остановиться только на 11 ступени, Упекхе, на которой происходит «вхождение в поток» [Пелевин 2018: 201], что приводит к окончательному распаду личности. В. О. Пелевин называет эти негативные состояния «темная ночь духа» [Пелевин 2018: 204], ссылаясь на написанную в XVI в. поэму католического святого, писателя и поэта Иоанна Креста. По мнению автора, подобный духовный кризис характерен не только для буддизма, но и для остальных религиозных традиций, например, метафора Христа в пустыне выражает ту же идею [Пелевин 2018: 248].

Единственным спасением для героев является бегство от пустоты всего сущего в иллюзорную реальность, состоящую из омраченных состояний сознания и страданий: «...мы твердо решили вернуться в сансару, чего бы это ни стоило» [Пелевин 2018: 312]. В другом отрывке отчетливо слышна фраза Петра Пустоты о «милой моему сердцу Внутренней Монголии»: «Сансара, недостижимая милая сансара манила своим тусклым светом, обещала прежнее счастье...» [Пелевин 2018: 333]. В словах главного героя романа обнаруживаются аналогичные индикаторы вертикальной пространственной ориентации: «Наше падение было поистине мрачным и по-римски величественным» [Пелевин 2018: 335].

В. О. Пелевин широко применяет аллюзии, обращаясь к культурному наследию Японии и образам мировой литературы. Фирма «Fuji Experiences», организующая путешествия в мир духовной мудрости, выступает аллегорией коммерциализации восточных практик и культурного туризма, связанного с поверхностным восприятием восточной философии.

Один из наиболее заметных элементов стиля В. О. Пелевина — ирония, применяемая автором для критики современного потребительского общества и иллюзорных представлений о духовности. Ярким примером служит общение олигархов с монахами [Пелевин 2018: 54]. Автор подчеркивает абсурдность попыток быстрого достижения просветления среди представителей элиты, которые стремятся приобрести духовность подобно товару, не понимая ее глубинного смысла.

Особое значение приобретает использование приема мистификации действительности, который помогает В. О. Пелевину создавать фантастически-реалистичную среду, размывая границы между объективностью и воображением. Реальные персонажи погружаются в альтернативные временные линии, встречаясь с собственным прошлым и испытывая сильные чувства. Эпизод возвращения персонажа в школьные времена, где герой сталкивается с прежним чувством любви, демонстрирует мощь временной относительности и влияние воспоминаний на восприятие им настоящего момента [Пелевин 2018: 61].

Рассмотрим взаимосвязь буддийских идей с социально-политическими реалиями современной России через призму мировоззрения автора. Одна из ключевых линий романа посвящена исследованию природы предпринимательской морали. Герой повествования, богатый бизнесмен Федор, сталкивается с экзистенциальным кризисом зрелого возраста, осознавая внутреннюю пустоту, порожденную бесконечным накоплением материальных благ.

В. О. Пелевин подчеркивает ограниченность традиционной западной модели личного успеха, основанной исключительно на богатстве и комфорте, предлагая читателю задуматься над поиском иных жизненных ориентиров, потенциально открывающихся через обращение к восточным учениям и духовным дисциплинам. Буддийская концепция ненасилия и минимализма контрастирует с русским капитализмом, основанным на экспансии и агрессивном накоплении ресурсов. В. О. Пелевин проводит параллель между парадоксальностью поиска духовного опыта и мнимым успехом предпринимателей, купленных фальшивым просветлением. Таким образом, апелляция к буддизму становится средством выражения протеста против потребительства и ориентированности на материальные ценности.

Буддийская традиция предлагает концепцию отсутствия индивидуального «я», фокусируясь на идее взаимозависимости всех существ. Однако в рамках российского контекста личность ощущает разрыв между обществом и своим личным опытом, ведущим к усилению ощущения изо-

лированности и депрессии. Тем самым возникает противоречие между традиционным коллективизмом советской эпохи и новыми принципами индивидуализма, распространяемыми рыночными силами.

4. Выводы

Художественный мир романа Виктора Пелевина «Тайные виды на гору Фудзи» организован в виде многослойных уровней-ярусов, а сюжетные линии представляют собой символические маршруты восхождения или падения его героев. Проведенное исследование показало, что роман эффективно интегрирует буддийские концепции (ниббана, джаны, випассана) в структуру сюжета и развитие персонажей, подчеркивая их влияние на сознание героев. Символика горы Фудзи выступает метафорой духовного пути, сопровождающегося испытаниями и внутренними преобразованиями. Практики буддизма способствуют личностному росту героев и преодолению ими собственных внутренних противоречий. Использование стилистических приемов (иронии, аллюзий, мистификации реальности) помогает глубже раскрыть богатство буддийской философии. Исследование выявило тесную связь буддийских идей с социальными и политическими реалиями современной России, обозначая протест против коррупции и духовного кризиса. Итоговая специфика взаимодействия религиозных представлений и художественной формы подчеркивает новаторство творческого метода В. О. Пелевина, обогащающего российскую литературу уникальными элементами буддийского мировоззрения.

Источники

- Избранные сутры 1999 — Избранные сутры китайского буддизма / пер. с кит. Д. В. Поповцева и др.; отв. ред., предисл. Е. А. Торчинов. СПб.: Наука, 1999. 464 с.
- Пелевин 2015 — Пелевин В. О. Полное собрание сочинений: в 16 тт. Т. 8. Священная книга оборотня. М.: Эксмо, 2015. 384 с.
- Пелевин 2018 — Пелевин В. О. Тайные виды на гору Фудзи: роман. М.: Эксмо, 2018. 384 с.
- Тысяча журавлей 2004 — Тысяча журавлей: Антология японской классической литературы VIII–XIX вв. / пер. с япон. СПб.: Азбука-классика, 2004. 992 с.

Литература

- Азеева 1999 — Азеева Г. М. Творчество Виктора Пелевина: философско-эстетическое осмысление проблемы свободы и несвободы // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Педагогика и психология. 1999. № 3. С. 14–21.
- Басинский 1996 — Басинский П. В. О Викторе Пелевине и его поколении // Новый мир. 1996. № 5. С. 214–222.
- Бобылева 2018 — Бобылева А. Н. Постмодернизм и игра смыслов в произведениях Виктора Пелевина // Современная русская литература. 2018. № 2. С. 48–55.
- Богданова 2004 — Богданова Н. Ю. Концептуальные смыслы произведений Виктора Пелевина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2004. № 2. С. 25–31.
- Богданова и др. 2008 — Богданова Н. Ю., Кибальник С. А., Сафонова Е. А. Мировые тенденции в творчестве Виктора Пелевина: концепция глобализации // Литература и современность. 2008. № 4. С. 135–146.

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

- Генис 1995 — Генис А.А. Великий русский мифолог XX века («Чапаев и Пустота») // Искусство кино. 1995. № 3. С. 101–108.
- Го Вэй 2020 — Го Вэй. Дзэн-буддизм в романе «Священная книга оборотня» В. Пелевина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 3. С. 8–12.
- Дитковская 2002 — Дитковская О. Б. Путь героя и пространство сознания в романе Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2002. № 10. С. 201–208.
- Корнев 1997 — Корнев Г. Г. Удивительная судьба российского героя: очерк творческой эволюции Виктора Пелевина // Русская литература. 1997. № 1. С. 154–165.
- Любарский 2020 — Любарский Е. Ф. Виктор Пелевин: стиль, философия, эстетика // Литературная учеба. 2020. № 3. С. 56–64.
- Марьушкина 2023 — Марьушкина А. П. Буддизм и платонизм в интертекстуальном поле романа В. Пелевина «Любовь к трем цукербринам» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 1. С. 48–52.
- Нечепуренко 2011 — Нечепуренко В. А. Постмодернистская реальность Виктора Пелевина: образы власти и сопротивления // Философия и социология права. 2011. № 2. С. 127–135.
- Нечепуренко 2014 — Нечепуренко В. А. Виктор Пелевин и идеология антиутопии: историко-культурный контекст // Вопросы философии. 2014. № 5. С. 145–152.
- НФЭ 2010 — Новая философская энциклопедия: В 4 тт. Т. И. М.: Мысль, 2010. 741 с.
- Осьмухина 2013 — Осьмухина О. В. Метаморфозы героя в литературе XXI века (на примере творчества Виктора Пелевина) // Человек. Сообщество. Управление. 2013. № 1. С. 115–123.
- Осьмухина 2018 — Осьмухина О. В. Трансформация традиций классицизма в современном российском искусстве (пример Виктора Пелевина) // Художественный дискурс. 2018. № 3. С. 87–94.
- Осьмухина, Сипрова 2017 — Осьмухина О. В., Сипрова А. А. Историософские конструкции в литературе постсоветской эпохи (на материале творчества Виктора Пелевина) // Гуманитарные исследования. 2017. № 4. С. 112–120.
- Пасечник 2015 — Пасечник Л. А. Проблема идентичности в творчестве Виктора Пелевина // Молодая наука. 2015. № 4. С. 103–108.
- Попковский 2014 — Попковский В. В. Буддистские аллюзии в романе В. Пелевина «Чапаев и Пустота» // Вестник филологии и лингводидактики Московского государственного педагогического университета. 2014. Вып. 2(28). С. 114–120.
- Симкина 2017 — Симкина В. С. Мотивный строй прозы В. Пелевина (буддийский аспект) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. Вып. 4(28). С. 92–98.
- Торчинов 2000 — Торчинов Е. А. Введение в буддологию. Курс лекций. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. 304 с.
- Хаги 2023 — Хаги С. Пелевин и несвобода: поэтика, политика, метафизика / пер. с англ. Т. Пирусской. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 392 с.
- Яровенко 2009 — Яровенко Д. А. Об особенностях жанра романа-воспоминания (на примере романа Виктора Пелевина «Любовь к трем цукербринам») // Литературный процесс. 2009. № 3. С. 63–70.

Научный журнал

Бюллетень
Калмыцкого научного центра РАН

BULLETIN
OF THE KALMYK SCIENTIFIC CENTER OF THE RAS

Главный редактор: В. В. Куканова

2025. № 3

Переводчик: *Номинханова Б. О.*

Компьютерная верстка: *Когданов А. Н.*

Дата выхода 02.11.2025. Формат 70x108/16.

Усл. печ. л. 16,1. Тираж 100 экз. Заказ 43-25.

Подписной индекс 33086. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,

Тел. +7(84722) 3-55-06
Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>
E-mail: publ.kscras@gmail.com

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8